

Еврейские беженцы и
эвакуированные в СССР:

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Выпуск третий – 2025

*Редколлегия: Александр Берман, Кирилл
Феферман, Леонид Смиловицкий, Вадим Дубсон,
Хаим Долгопольский*

Ассоциация Хазит ха-кавод
Союз ученых-репатриантов Израиля
Иерусалим 2025

פרויקט: פליטי השואה והמפונים היהודים בבריה"מ 1939 – 1946

אנציקלופדיה שלב ג' – 2025

צוות העריכה: אלכסנדר ברמן, לאוניד סמילוביץקי, קיריל פפרמן, ודים
דובסון, חיים דולגופולסקי

עמותת חזית הכבוד
אגודה ישראלית למדענים עולים
ירושלים 2024

פרויקט "פליטי השואה והמפונים היהודים בבריה"מ 1939–1946 – אנציקלופדיה" החל את דרכו בכנס הזום הבינלאומי המוקדש לפליטי השואה שהתקיים ב-21-22 בדצמבר 2021 ביוזמת עמותת חזית הכבוד ובתמיכת מכון בן-צבי לחקר קהילות ישראל במזרח.

בשלב ראשון בפרויקט (2022) הוכנה **מקראה אנציקלופדית** שהתמקדה בנושאי המפתח בתחום זה של סיפורם של פליטי השואה והמפונים היהודיים במלחת העולם השנייה.

השלב הנוכחי של הפרויקט הנו למעשה הפקה של האנציקלופדיה גרידא ובמהדורה הזו הוא כבר מכיל את מלוא ההיקף המתוכנן למעט השלמות אחדות.

חלק זה מאורגן על פי מתכונת של מילון ערכים ומכיל 43 ערכים מרכזיים בתחום, מאמרים, שהוכנו במיוחד לצורך מהדורה זו ע"י חוקרים מובילים מן הארץ ומהעולם.

אוסף הערכים הנוכחי של האנציקלופדיה ממצא כאמור את רוב רובו של ההיקף המתוכנן, והתוכנית לשנת 2026 הנה להשלים מלאכה זו ע"י הוצאה לאור של מהדורה מודפסת, מעודכנת וערוכה.

מהדורה זו נכתבת בשפתם של יהודי בריה"מ השפה הרוסית, אולם ישנה כוונה להכין בהמשך גם גרסה אנגלית לאנציקלופדיה וגם גרסה עברית לחלק מן הערכים המרכזיים שיופיעו בה.

עבודת ההכנה והעריכה של אוסף זה נעשתה בסיוע המשרד לשוויון חברתי וקידום מעמד השאה במסגרת תוכנית תמיכה במוסדות ציבור הפועלים להנצחת זכר השואה – 2025.

© כל הזכויות שמורות למחברי המאמרים.

תוכן עניינים

9	המלחמה, הבריחה, היהודים וברית המועצות <i>מאת קיריל פפרמן</i>	מבוא
		<u>ערב הפלישה</u>
36	תוכניות הפינוי של השלטונות הסובייטיים טרם הפלישה ובמהלכה	תוכניות פינוי
47	יהודי פולין בעורף הסובייטי ובחזית, 1939-1946	פליטים מפולין
54	היהודים בבסרביה ובצפון בוקובינה בעורף הסובייטי ובחזית, 1939-1945	פליטים מרומניה
		<u>בריחה ופינוי – אזורי המוצא</u>
59	הפינוי והמנוסה מן הארצות הבלטיות (יוני – אוגוסט 1941)	הארצות הבלטיות
68	פינויים ומנוסתם של יהודי ביילורוסיה (יוני – אוגוסט 1941)	ביילורוסיה
78	המנוסה והפינוי מאוקראינה בשנים 1941 - 1943	אוקראינה
90	פינוי יהודי קייב בקיץ ובסתיו 1941	קייב
98	פינוי יהודים מאודסה (1941)	אודסה
107	פינוי יהודים מחצי-האי קרים (1941-1942)	קרים
116	הפינוי והמנוסה של האוכלוסייה היהודית ממחוזות מערביים של הפדרציה הרוסית בשנת 1941	הפדרציה הרוסית (החלק המערבי)
127	פינוי האוכלוסייה ממוסקבה (1941 - 1944)	מוסקבה
136	פינוי האוכלוסייה מלנינגרד בשנים 1941-1942	לנינגרד
145	פינוי יהודים מרוסטוב ע"נ הדון	רוסטוב
152	בריחה ופינויים חוזרים ונשנים של יהודים בעקבות התקדמות כוחות הוורמכט	פינויים נשנים

יעדי הפינני

157	פינוי לאזורי הוולגה העילי והתיכון בשנים 1941 – 1945	אזור הוולגה
167	הפינוי למחוז סטלינגרד בשנים	מחוז סטלינגרד
177	המפונים והפליטים היהודים בבשקיריה	בשקיריה
185	פינוי לרפובליקה האוטונומית של מארי	רפובליקת מארי
191	הפינוי למחוז קירוב	מחוז קירוב
198	הפינוי למחוז סברדלובסק (כיום יקטרינבורג)	מחוז סברדלובסק
205	הפינוי למחוז צ'ליאבינסק	מחוז צ'ליאבינסק
211	הפינוי למחוז צ'קאלוב (כיום אורנבורג)	מחוז צ'קאלוב
220	הפליטים והמפונים היהודים באזרבייג'ן	אזרבייג'ן
226	הפינוי לקזחסטן	קזחסטן
235	הפינוי לאוזבקיסטן	אוזבקיסטן
246	הפינוי לקירגיזיה	קירגיזיה
257	הפינוי למערב סיביר	מערב סיביר

ח"י הפליטים והמפונים בעורף

268	נתונים סטטיסטיים בנוגע לפינוי האוכלוסייה היהודית בבריה"מ במהלך המלחמה עם גרמניה הנאצית (1941 עד 1945)	סטטיסטיקה
279	תעמולת הנאצים נגד היהודים במהלך המלחמה	תעמולת הנאצים
287	האנטישמיות בעורף הסובייטי	אנטישמיות
298	המרכז לאיתור המפונים ולמידע של הצלב האדום הרוסי	איתור וכרטסת
306	רשויות ממשלתיות לארגון ופיקוח על מהלך פינוי האוכלוסייה	רשויות ממשלתיות
317	רישום ונתונים סטטיסטיים כלליים אודות הפליטים והמפונים	רישום המפונים
327	אספקת מזון לפליטים ומפונים. הרעב	רעב ותזונה
337		המלחמה ברעב
343	בתי ילדים וילדים יתומים בבריה"מ בימי מלחמת העולם השנייה	בתי ילדים וילדים יתומים
365	הצנזורה ותפקידה בחיי המפונים	צנזורה
372	הקשר של המפונים היהודים על יהדות התפוצות	הקשר עם יהדות התפוצות
381	תרבות היידיש בימי המלחמה	תרבות היידיש
		<u>השיבה מהפינוי</u>
388	שיבת האוכלוסייה מהפינוי	השיבה מהפינוי
397	היבטים שמנעו או הקשו על חזרת הפליטים לבתיהם	קשיי השיבה
404	השבת רכושם ודירותיהם של מפונים לאחר שובם מן הפינוי	השבת הרכוש והדיר

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	Эвакуация, евреи и СССР	9
<u>НАКАНУНЕ</u>		
Эвакуационные планы	Советские эвакуационные планы накануне и в начале войны	36
Беженцы из Польши	Польские евреи в советском тылу и на фронте, 1939–1946	47
Беженцы и Румынии	Евреи Бессарабии и Северной Буковины в советском тылу и на фронте, 1940–1945	54
<u>ГЕОГРАФИЯ ИСХОДА</u>		
Прибалтика	Эвакуация и бегство евреев из Прибалтики (июнь-август 1941)	59
Белоруссия	Эвакуация и бегство населения из Белоруссии (июнь-август 1941 г.)	68
Украина	Эвакуация населения из Украины в 1941–1942 гг.	78
Киев	Эвакуация евреев из Киева летом–осенью 1941 г.	90
Одесса	Эвакуация евреев из Одессы (1941)	98
Крым	Эвакуация евреев из Крыма (1941–1942 гг.)	107
РФ (Европейская часть)	Эвакуация и бегство населения из западных областей РСФСР в 1941 г.	116
Москва	Эвакуация из Москвы (1941–1944 гг.)	127
Ленинград	Эвакуация из Ленинграда в 1941–1942 гг.	136
Ростов	Эвакуация из Ростова-на-Дону	145
Повторная эвакуация		152

НАПРАВЛЕНИЯ И МЕСТА ЭВАКУАЦИИ

Верхнее и Среднее Поволжье	Эвакуация населения в Верхнее и Среднее Поволжье в 1941–1945 гг.	157
Сталинградская область	Эвакуация населения в Сталинградскую область в 1941–1944	167
Башкирия	Эвакуированные и беженцы-евреи в Башкирии (1941–45 гг.)	177
Марийская АССР	Эвакуация в Марийскую АССР	185
Кировская область	Эвакуация населения в Кировскую область	191
Свердловская область	Эвакуация населения в Свердловскую область	198
Челябинская область	Эвакуация в Челябинскую область	205
Чкаловская область	Эвакуация населения в Чкаловскую область в 1941–1945 гг.	211
Азербайджан	Евреи-беженцы и эвакуированные в Азербайджанской ССР	220
Казахстан	Эвакуация в Казахстан (1941–1945 гг.)	226
Узбекистан	Эвакуация населения в Узбекистан (1941–1945 гг.)	235
Киргизия	Эвакуация населения в Киргизию (1941–1945 гг.)	246
Западная Сибирь	Эвакуация населения в Западную Сибирь	257

ЖИЗНЬ В ЭВАКУАЦИИ

Статистика	Статистические данные по эвакуации еврейского населения на территории СССР (1941–1945 гг.)	268
Нацистская пропаганда	Антисемитская пропаганда нацистов	279
Антисемитизм в тылу	Антисемитизм в советском тылу.	287
Розыск и картотека	Центр розыска и информации Российского Красного Креста (ЦРИ РКК)	298
Государственные органы	Государственные органы по организации и контролю за ходом эвакуации	306
Учет эвакуированных	Учет и общая статистика эвакуированных	317
Голод и продовольствие	Продовольственное обеспечение эвакуированных. Голод	327
Борьба с голодом		337
Детские дома и дети-сироты	Детские дома и дети-сироты в СССР в годы Второй мировой войны	343
Цензура	Роль цензуры в жизни эвакуированных	365
Связь с заграницей	Связь эвакуированных евреев с заграницей	372
Культура идиш	Культура идиш в годы войны	381
<u>ВОЗВРАЩЕНИЕ</u>		
Резэвакуация	Резэвакуация населения	388
Долгий путь домой		397
Возврат имущества и жилищ	Возврат имущества и жилищ	404

Введение

ЭВАКУАЦИЯ, ЕВРЕИ И СССР

Кирилл Феферман

Эвакуация гражданского населения в годы Второй мировой войны стала одним из ключевых инструментов выживания государств, столкнувшихся с угрозой военного поражения. Она объединяла задачи защиты населения, сохранения экономического потенциала и поддержания политического контроля. В Советском Союзе эвакуация приобрела особое значение и специфические формы, обусловленные характером сталинского режима, его мобилизационным пониманием «человеческих ресурсов» и приоритетом сохранения государственной управляемости. Для еврейского населения СССР эвакуация оказалась одним из важнейших, а зачастую единственным механизмом физического спасения от нацистского уничтожения, при том что её масштабы, формы и последствия были крайне неравномерными и внутренне противоречивыми.

Согласно данным центральных эвакуационных органов, к концу 1941 г. в восточные районы СССР было перемещено около 10 млн человек. Национальность была зафиксирована примерно у четверти эвакуированных; среди них евреи составляли около 670 тыс. человек, или почти 27%, занимая второе место после русских. Эта непропорционально высокая доля объяснялась не этническими приоритетами государственной политики, а социальной структурой еврейского населения: высокой концентрацией в крупных

городах, значительным представительством среди квалифицированных рабочих, инженерно-технических кадров, служащих, специалистов, а также работников партийного и государственного аппарата. Именно эти категории рассматривались государством как подлежащие первоочередной организованной эвакуации. Документальных свидетельств существования целенаправленной политики эвакуации евреев как этнической группы не выявлено; приоритет неизменно отдавался сохранению промышленности, оборудования и управленческих кадров, тогда как судьбы людей часто оказывались производной от этих задач.

Характер и результаты эвакуации существенно различались в зависимости от региона, темпов наступления противника и позиции местных властей. В ряде районов партийно-советские органы активно способствовали отъезду населения, включая евреев, тогда как в других ограничивались формальным выполнением директив, сосредоточенных прежде всего на вывозе имущества и материальных ценностей, перекладывая решение о судьбе людей на уровень семей и общин.

Эвакуация в системе советской военной подготовки и стратегии

В международной практике эвакуация населения рассматривалась как часть оборонительной стратегии, направленной на минимизацию потерь среди гражданского населения и сохранение экономического потенциала. В СССР, где человеческая жизнь традиционно подчинялась

государственным интересам, эвакуация была прежде всего инструментом войны. Она служила задаче сохранения управляемости, промышленного производства и кадров, необходимых для продолжения боевых действий.

Предвоенные советские планы исходили из представления о «малой войне на чужой территории». Массовая эвакуация гражданского населения не считалась необходимой и практически не прорабатывалась. Это обстоятельство стало одной из причин хаотичности эвакуации летом–осенью 1941 года, когда стремительное наступление вермахта вынудило советское руководство принимать судьбоносные решения в условиях острого дефицита времени, транспорта и административных ресурсов.

Принцип «выжженной земли», активно применявшийся в первые месяцы войны, имел двойственный характер. С одной стороны, уничтожение инфраструктуры и ресурсов должно было затруднить продвижение противника; с другой — оно усугубляло положение мирного населения, в том числе тех, кто не подлежал эвакуации или не успел покинуть опасные районы.

Категории эвакуированных и логика отбора

Советская эвакуационная политика не предполагала тотального вывоза населения. Государство выделяло группы, которые считались критически важными для военных усилий и сохранения режима:

1. партийно-советский аппарат, органы безопасности и их семьи;

2. промышленные и сельскохозяйственные предприятия, прежде всего связанные с обороной, вместе с рабочей силой;
3. специалисты, квалифицированные кадры и иные «человеческие ресурсы», которые следовало вывести из-под контроля противника;
4. в отдельных случаях — дети, подростки и пожилые люди.

Эта система отбора была тесно связана с одновременным вывозом, демонтажем или уничтожением промышленной и сельскохозяйственной инфраструктуры на западе страны. Эвакуация людей не может быть понята в отрыве от эвакуации заводов, оборудования, скота и сырья. В совокупности эти меры позволили не только лишить противника доступа к значительной части экономического потенциала СССР, но и в кратчайшие сроки развернуть его против Германии в восточных регионах страны. Прежде всего это касалось военно-промышленного комплекса, который уже в 1942–1943 гг. начал играть решающую роль в изменении хода войны.

Большинство этих эвакуаций осуществлялось организовано, по государственным каналам, с использованием железнодорожного транспорта и под контролем соответствующих комиссий. Наряду с этим существовал массовый поток так называемых «беженцев» — людей, которые покидали западные районы СССР самостоятельно, зачастую без документов, средств к существованию и чёткого представления о конечном пункте назначения.

Различие между эвакуированными и беженцами имело принципиальное значение. Эвакуированные, как правило, получали жильё, продовольственные карточки и включались в производственные структуры, а впоследствии — либо мобилизовывались в Красную армию, либо использовались как трудовой ресурс в экономике, включая военное производство. Беженцы же оказывались на периферии системы распределения и выживания, нередко становясь объектом подозрения со стороны властей и местного населения.

Информационная среда и дилемма эвакуации советских евреев в 1941 г.

В историографии подчёркивается, что решения советских евреев о бегстве или отказе от эвакуации в 1941 г. формировались в условиях острого информационного дефицита и противоречивых сигналов со стороны государства. К началу войны советские средства массовой информации воспринимались значительной частью населения прежде всего как инструменты пропаганды, а не как надёжные источники оперативной информации. Это обстоятельство усиливало роль неофициальных каналов — слухов, личных сообщений, рассказов беженцев, — которые часто вступали в конфликт с официальной картиной происходящего.

С началом германского наступления советская пропаганда оказалась зажата между задачей мобилизации населения и необходимостью скрывать масштабы военных поражений. В результате информация о продвижении вермахта, особенно на южном направлении, подавалась

фрагментарно и с запозданием. Для еврейского населения это имело особое значение, поскольку именно своевременное понимание близости фронта определяло возможность эвакуации. Исследователи отмечают, что систематическое недоговаривание о военной ситуации подрывало способность евреев адекватно оценить угрозу и способствовало откладыванию решений о бегстве.

Одновременно советская печать уже в первые месяцы войны достаточно подробно сообщала о преследованиях евреев в оккупированной Европе, включая сведения о геттоизации, насилии и массовых убийствах. Однако эти сообщения, вырванные из контекста и не привязанные к конкретной динамике фронта, нередко воспринимались как часть общего антинацистского пропагандистского дискурса. В результате формировалась ситуация когнитивного противоречия: с одной стороны, декларировалась особая уязвимость евреев при германской власти, с другой — сохранялась уверенность в способности Красной армии удержать ключевые города и регионы.

Пропаганда, слухи и «двойственное сознание» в условиях войны

Современные исследователи всё чаще обращают внимание на феномен «двойственного сознания», характерный для поведения советских евреев летом–осенью 1941 г. С одной стороны, значительная часть еврейского населения усваивала официальные пропагандистские формулы о неизбежности победы и временном характере отступлений. С другой — эти же люди демонстрировали растущую тревогу, опираясь на

неофициальную информацию о бомбардировках, приближении фронта и судьбе евреев в оккупированных районах.

Особую роль в этом процессе играли потоки беженцев, двигавшиеся на восток. Их присутствие становилось живым опровержением официальных заверений о стабильности обстановки и усиливало ощущение надвигающейся катастрофы. В еврейской среде слухи о массовых расстрелах, нередко подтверждённые позднее, распространялись быстрее и воспринимались острее, чем в нееврейской. Вместе с тем отсутствие чётких указаний со стороны властей, а также криминализация «самовольного» бегства с места работы удерживали многих от немедленной эвакуации.

Антисемитский контекст также влиял на восприятие информации. Замалчивание специфически еврейского измерения нацистского насилия в официальной риторике лишало евреев символического признания их уязвимого положения. В то же время в повседневных практиках и слухах еврейская идентичность всё чаще становилась маркером особой опасности, что усиливало экзистенциальную тревогу и фрагментацию решений внутри семей и общин.

Отказ от эвакуации и его последствия

Историография подчёркивает, что отказ от эвакуации в 1941 г. редко был результатом идеологической лояльности или недооценки антисемитизма как такового. Чаще он объяснялся совокупностью факторов: недоверием к официальной информации, страхом перед дорогой и тыловыми условиями,

привязанностью к дому и имуществу, а также надеждой на скорое улучшение военной ситуации. В южных регионах СССР дополнительную роль играло быстрое изменение линии фронта, создававшее иллюзию относительной безопасности даже после первых немецких вторжений.

Опыт кратковременной оккупации ряда городов в 1941 г., сопровождавшийся насилием, но ещё не тотальным уничтожением, усиливал неопределённость. Для части евреев это становилось основанием полагать, что германская политика ограничится дискриминацией и репрессиями, а не физическим истреблением. Подобные ожидания, как показывают исследования, оказались фатально ошибочными в 1942 г., когда на оккупированных территориях Северного Кавказа и юга России был реализован полный сценарий уничтожения еврейского населения.

Таким образом, дилемма «бежать или оставаться» в 1941 г. была не индивидуальной психологической проблемой, а структурным следствием советской информационной политики, противоречивой пропаганды и отсутствия публичного признания еврейской специфики нацистского геноцида. Эти факторы в совокупности существенно сократили эвакуационные возможности для значительной части советских евреев и стали одним из косвенных элементов трагедии Холокоста на территории СССР.

Евреи среди эвакуированных и беженцев

Массовое перемещение населения в 1941 г. было обусловлено не только государственными директивами, но и

индивидуальными решениями тех, кто ясно осознавал угрозы, связанные с возможной сменой власти. К таким группам относились, прежде всего, коммунисты, комсомольцы, сотрудники партийных и советских органов, а также лица, связанные с системой безопасности. Даже при отсутствии формального предписания к эвакуации представители этих категорий часто стремились покинуть угрожаемые районы, исходя из понимания собственной уязвимости в условиях нацистской оккупации.

Существенную группу составляли семьи командного состава Красной армии. Немецкая пропаганда подчёркивала их коллективную ответственность за сопротивление вермахту, что способствовало массовому отъезду жён и детей офицеров из прифронтовых зон.

Евреи занимали особое место среди тех, кто стремился покинуть западные районы СССР. Наряду с коммунистами, комсомольцами и семьями командного состава Красной армии, именно евреи чаще других осознавали смертельную угрозу, связанную с возможным крахом советской власти и приходом нацистов. Информация о нацистской расовой политике, слухи о массовых расстрелах и опыт антисемитского насилия усиливали стремление к бегству.

Формально советская власть не выделяла евреев как отдельную категорию для эвакуации. Однако использование уже существующей инфраструктуры эвакуации — железных дорог, эвакуационных пунктов, распределительных комиссий — создало условия для массового, хотя и не повсеместного, бегства еврейского населения из угрожаемых захватом

районов. В этом смысле эвакуация имела колоссальное, до сих пор недооценённое значение для истории Холокоста.

Можно утверждать, что Советский Союз, не ставя перед собой цели спасения евреев как таковой и не осознавая в полной мере масштабов грядущего геноцида, сыграл посредством эвакуации исключительно важную роль в физическом спасении значительной части еврейского населения. Географические факторы — огромная территория страны, оккупация лишь её части, а также тот факт, что Красная армия, несмотря на катастрофические поражения 1941–1942 гг., не была окончательно разгромлена, — делали бегство возможным и во многих случаях решающим для выживания.

Таким образом, эвакуация стала одним из ключевых факторов, позволивших спастись очень значительному числу советских евреев, включая выходцев из недавно присоединённых западных территорий СССР.

География эвакуации и условия выживания

Выбор направления эвакуации нередко носил критический характер. Бегство на Северный Кавказ в 1941 — первой половине 1942 г. было относительно доступным: расстояния были меньше, климат мягче, продовольственная ситуация сравнительно лучше. Однако именно близость к линии фронта сделала этот выбор смертельно опасным: летом 1942 г. германские войска заняли регион, что привело к уничтожению почти всего оставшегося там еврейского населения.

Сибирь, напротив, гарантировала относительную безопасность от нацистской оккупации, но предъявляла чрезвычайно жёсткие требования к физическому выживанию из-за климата, голода и тяжёлых условий труда. Значительная часть беженцев и эвакуированных оказалась именно там, в зонах с суровым климатом, хроническим дефицитом продовольствия и жилья. Холод, голод, болезни и тяжёлый физический труд стали повседневной реальностью для сотен тысяч людей.

Иной была ситуация в Средней Азии, прежде всего в Узбекистане. Более мягкий климат, развитые рынки и относительная доступность продовольствия создавали иные условия выживания. Именно сюда устремились многие еврейские беженцы, в том числе из западных районов СССР и из числа иностранных евреев. Однако и здесь возникали напряжённые отношения с местным населением, связанные с конкуренцией за ресурсы и культурными различиями.

Эвакуация из сельских районов с заметной долей еврейского населения

В историографии эвакуации советских евреев традиционно доминирует городской ракурс, связанный с промышленными центрами и административными структурами. Вместе с тем исследования показывают, что эвакуация из сельских районов, где еврейское население составляло значимую долю — прежде всего в районах еврейской аграрной колонизации, — обладала рядом специфических черт и не сводилась к стандартным моделям организованного вывоза населения.

В сельской местности эвакуационная политика государства была ориентирована прежде всего на сохранение материальных ресурсов — зерна, скота, сельскохозяйственной техники, — тогда как перемещение населения рассматривалось как вторичное и во многом производное от этих задач. В результате еврейские колхозники и жители сельских поселений оказывались в структурно менее благоприятном положении по сравнению с городскими жителями: они были слабее интегрированы в эвакуационную инфраструктуру, располагали ограниченной информацией о положении на фронте и имели меньший доступ к транспортным ресурсам.

Исследователи подчёркивают, что именно в сельских районах эвакуация нередко приобретала гибридный характер, сочетая элементы принудительного сопровождения материальных ценностей с полуправильными и неформальными формами бегства. В этих условиях значительная часть евреев покидала опасные районы не столько в результате прямых директив, сколько используя «побочные эффекты» государственной политики, направленной на вывоз экономически значимых ресурсов.

Социально-административные механизмы размещения эвакуированных и еврейский фактор

Размещение эвакуированных в тыловых районах, согласно директивам центральных органов, возлагалось преимущественно на местные администрации и финансировалось за счёт региональных бюджетов. В историографии подчёркивается, что этот механизм оказался

перегруженным уже в первые месяцы войны, особенно в регионах массового приёма населения. В условиях дефицита жилья, продовольствия и топлива эвакуированные, включая значительную долю евреев, становились объектом социальной напряжённости.

Формально эвакуационная модель предполагала обязательную занятость прибывших: выходцев из городов планировалось направлять в промышленность, из сельской местности — в колхозы. Однако на практике значительная часть эвакуированных, в том числе евреев, не была трудоустроена или направлялась на работы, не соответствующие их квалификации. Это усиливало восприятие эвакуированных как «обузы» и подпитывало конфликты с местным населением.

Еврейский фактор приобретал особую значимость в условиях, когда среди прибывших была заметна доля евреев из западных регионов СССР, внешне и культурно отличавшихся от местного населения. В сочетании с ограниченным доступом к государственным пособиям и необходимостью выживать за счёт неформальных экономических практик это способствовало распространению бытовых антисемитских стереотипов — прежде всего обвинений в спекуляции, уклонении от труда и «привилегированном» положении. В официальных отчётах и жалобах фиксируется, что именно евреи чаще становились объектом подозрений и дискриминационных практик со стороны местных органов и населения.

Центр, периферия и восприятие еврейских беженцев: политика, пропаганда и антисемитизм

Отношения между центральной властью и местными администрациями в вопросах эвакуации носили противоречивый характер. С одной стороны, центр декларировал необходимость заботы об эвакуированных и периодически вмешивался в случае злоупотреблений на местах. С другой — реальные возможности контроля были ограничены, а локальные власти нередко ориентировались на настроения принимающего населения.

В историографии отмечается, что к концу 1941 — началу 1942 г. в советской пропаганде наметился сдвиг в интерпретации статуса эвакуированных и беженцев: они всё чаще представлялись как лояльные граждане, сознательно избравшие советскую сторону. Для еврейских беженцев этот дискурс имел двойственное значение. С одной стороны, он снижал уровень официальной стигматизации и в ряде случаев обеспечивал им защиту со стороны центральных органов. С другой — на бытовом уровне антисемитизм не только сохранялся, но и усиливался под воздействием дефицита, усталости от войны и социальной конкуренции.

Исследователи подчёркивают, что антисемитизм в тылу не был следствием прямой государственной политики, но укоренялся в повседневных практиках, в том числе через неравномерное распределение ресурсов, слухи и символическое противопоставление «местных» и «пришлых». В этом контексте еврейские эвакуированные оказывались в уязвимом положении: будучи формально защищены государством, они одновременно сталкивались с социальной

изоляции, дискриминацией и недоверием, что существенно влияло на их опыт выживания и послевоенной реинтеграции.

Советское правительство, статистика и национальный состав эвакуации

Уже в первые месяцы войны центральные органы власти начали систематически учитывать численность и национальный состав эвакуированных. Анализ соответствующих данных, проводившийся Советом по эвакуации, показал значительную долю евреев как в абсолютных показателях, так и в процентном отношении. В отдельных регионах эта доля была особенно высокой. Так, по состоянию на 1 октября 1941 г. анализ, проведённый органами власти Краснодарского края, фиксировал, что евреи составляли до 73% эвакуированных в регион. Хотя подобные показатели не были типичными для всей страны, они отражают общую тенденцию заметного присутствия евреев среди перемещённого населения.

Для советского руководства это обстоятельство имело не только демографическое, но и политическое значение. В условиях угрозы самому существованию советского государства приоритетом оставалось его выживание, однако уже с лета–осени 1941 г. прослеживаются попытки формирования образа СССР как противника нацистского антисемитизма и потенциального защитника еврейского населения. Радиообращения представителей еврейской интеллигенции и создание Еврейского антифашистского комитета свидетельствовали о стремлении воздействовать на мировое еврейское общественное мнение. Хотя эта линия не

была оформлена в виде чёткой политики и не транслировалась напрямую на уровень местных администраций, она оказывала влияние на общий контекст принятия решений.

Безопасность, подозрения и контроль

Важным измерением эвакуационной политики стали вопросы безопасности. Советская система, особенно в предвоенные и первые военные годы, характеризовалась высокой степенью подозрительности и постоянным поиском внутренних врагов. Массовое перемещение населения на восток объективно воспринималось как потенциальный канал для проникновения вражеской агентуры. В отчётах НКВД регулярно фиксировались опасения относительно возможного использования потока эвакуированных и беженцев для шпионской и диверсионной деятельности.

Подобные подозрения носили во многом гипертрофированный характер. Несмотря на масштабные проверки и общее недоверие, достоверных случаев разоблачения немецких шпионов, проникших в глубокий тыл под видом эвакуированных, зафиксировано не было. Со временем интенсивность подобных опасений снизилась, что, вероятно, было связано как с отсутствием подтверждённых угроз, так и с изменением политического контекста, включая стремление советского руководства избегать открытой стигматизации групп населения, среди которых доля евреев была особенно велика.

Отношение местного населения к еврейским беженцам и эвакуированным

Отношение местного населения в районах приёма эвакуированных к еврейским беженцам отличалось значительной вариативностью и не поддаётся однозначной оценке. Массовое перемещение миллионов людей в короткие сроки порождало широкий спектр реакций — от сочувствия и готовности к помощи до настороженности, раздражения и открытой враждебности. Эти реакции определялись сочетанием социально-экономических условий, культурных различий и локального опыта взаимодействия с прибывшими.

В первые месяцы войны, особенно в рамках так называемой «первой волны» эвакуации, значительная часть беженцев могла рассчитывать на относительно доброжелательное отношение. Несмотря на крайнюю бедность принимающего населения, нередко отмечались проявления сочувствия к людям, вынужденным покинуть свои дома и преодолеть огромные расстояния в условиях войны. В ряде случаев длительность и характер такой поддержки зависели от личных качеств местных жителей и степени их готовности делить ограниченные ресурсы.

По мере увеличения числа эвакуированных и обострения дефицита жилья, продовольствия и предметов первой необходимости социальное напряжение возрастало. Особую роль в формировании отношения к беженцам играл визуально и материально воспринимаемый уровень их обеспеченности. Выходцы из западных, недавно присоединённых к СССР регионов — прежде всего из Польши,

Бессарабии и Западной Украины — часто выглядели сравнительно более состоятельными, чем средний советский житель: их отличали одежда, бытовые привычки и наличие личного имущества. В условиях, когда местное население по административному предписанию должно было уплотняться и принимать в свои дома прибывших, это нередко вызывало ощущение социальной несправедливости и усиливало неприязнь.

Этнический фактор приобретал особую значимость по мере того, как становилось очевидно, что среди эвакуированных значительную долю составляют евреи. Взаимодействие с ними часто выстраивалось в логике противопоставления «свой — чужой». Советские евреи, свободно владевшие русским языком, не выделявшиеся внешне и разделявшие общие модели бедности и повседневности, воспринимались как «свои», что облегчало социальное сближение. Напротив, евреи с «западным» культурным обликом, заметным материальным ресурсом или вовлечённые в обменные операции, чаще становились объектом подозрений и негативных стереотипов.

Официальные советские органы фиксировали рост антисемитских настроений в ряде регионов тыла, особенно там, где местное население сталкивалось с евреями впервые. Эти настроения проявлялись в бытовых конфликтах, отказах принимать еврейские семьи на постой, а также в распространении обвинений в корыстном поведении и нарушении норм «военного равенства». При этом подобные установки нередко сочетались с низким уровнем информированности и устойчивыми этническими

предрассудками, что находило отражение в отчётах местных администраций и органов НКВД.

Экономические взаимодействия между беженцами и принимающим населением также оказывали заметное влияние на характер отношений. Массовое прибытие людей способствовало развитию неформальных рынков и обменных практик. Эвакуированные, в том числе евреи, нередко обменивали привезённые с собой вещи на продукты питания или жильё, что объективно оживляло локальную экономику, но одновременно усиливало социальную напряжённость. В общественном сознании это способствовало формированию устойчивых представлений о «еврейском участии» в чёрном рынке и уклонении от военной службы, широко распространённых в военном фольклоре и бытовой культуре того времени.

Таким образом, отношения между местным населением и еврейскими беженцами формировались на пересечении социальных, экономических и этнокультурных факторов. Они не сводились ни к универсальному антисемитизму, ни к всеобщей солидарности, а представляли собой сложную и противоречивую реальность советского тыла военного времени.

Иностранцы евреи в СССР

Особую группу составляли евреи — граждане Польши и Румынии, оказавшиеся на территории СССР в 1939–1941 гг. После присоединения восточных районов Польши и Бессарабии перед ними встал выбор: принять советское гражданство или отказаться от него. Принявшие гражданство

формально приравнивались к советским гражданам, тогда как отказавшиеся подвергались репрессиям — арестам, депортациям, заключению в лагеря и тюрьмы.

Ситуация изменилась после заключения советско-польского соглашения в августе 1941 года. Значительная часть польских евреев, ранее находившихся в местах лишения свободы, была освобождена. Однако их статус оставался неопределённым, а условия существования — крайне тяжёлыми.

Иностранцев евреев, в отличие от советских, как правило не призывали в Красную армию. В условиях всеобщей мобилизации это вызывало раздражение и зависть со стороны местного населения, особенно в тыловых районах. Дополнительным источником напряжения становилась экономическая активность западных евреев: многие из них имели опыт торговли, чаще выходили на рынки, обладали предметами, которые можно было продать или обменять. Это нередко позволяло им выживать успешнее, чем местным жителям, но одновременно подпитывало антисемитские настроения.

Культурные и социальные различия и уровень информированности

Чем западнее был регион исхода, тем сильнее еврейские беженцы выделялись на советском фоне. Язык, манеры, одежда и бытовые привычки делали евреев из Польши, Бессарабии или Западной Украины более заметными. Эти различия усиливали социальную дистанцию и способствовали

формированию стереотипов, особенно в условиях дефицита и социальной напряжённости.

При этом западные евреи нередко были лучше информированы о характере нацистской власти, чем советские евреи. Многие из них уже бежали из районов, занятых Германией в 1939 г., и на собственном опыте или через слухи и рассказы понимали, какую угрозу немецкая оккупация представляет именно для евреев. Этот уровень информированности оказывал прямое влияние на готовность к бегству, скорость принятия решений и выбор маршрутов эвакуации, что в ряде случаев становилось решающим фактором выживания.

Помощь, репатриация и неравенство памяти

Различия между категориями беженцев проявились и в доступе к помощи. Уже во время войны некоторые группы «иностранных» евреев получали посылки через Джойнт. После войны они получили возможность сравнительно быстро покинуть СССР в рамках соглашений с Польшей и Румынией. Многие из них эмигрировали в подмандатную Палестину/независимый Израиль до 1952 года и впоследствии получили значительную финансовую помощь от Германии в рамках репарационных выплат.

Советские евреи из числа беженцев и эвакуированных, оставшиеся в СССР, а также те, кто эмигрировал лишь в конце 1980-х годов, оказались в существенно менее благоприятном положении. Их страдания во время эвакуации и войны долгое время не получали признания ни на международном уровне,

ни в рамках компенсационных механизмов. Финансовая и символическая помощь, полученная ими от Израиля и Германии, была несоизмеримо меньшей и запоздалой.

Возвращение эвакуированных и еврейский послевоенный опыт

Отдельную и во многом самостоятельную проблему представляло возвращение эвакуированных и беженцев после освобождения оккупированных территорий и окончания войны. Характер и сложность этого процесса существенно различались в зависимости от того, возвращались ли люди в районы, находившиеся под немецкой оккупацией, или в города, не захваченные вермахтом, такие как Ленинград.

На территориях, переживших оккупацию, возвращение евреев сопровождалось острой социальной и психологической напряжённостью. Антисемитизм, усиленный опытом оккупации, коллаборационизма и насилия, сохранялся в повседневных практиках и общественных настроениях. Возвращающиеся евреи сталкивались не только с травмой утраты родных и разрушением общин, но и с враждебным отношением со стороны части местного населения.

Одной из центральных проблем становился жилищный вопрос. В подавляющем большинстве случаев довоенное жильё евреев было занято другими людьми — либо переселенцами, либо местными жителями, получившими его в годы войны. Попытки восстановить право собственности

нередко воспринимались как несправедливые и вызывали сопротивление. В общественном сознании закреплялось представление о том, что именно нынешние жильцы имеют «законное» право на занимаемое пространство, тогда как возвращение прежних владельцев рассматривалось как угроза сложившемуся порядку.

Дополнительным источником напряжённости становился не до конца проговорённый вопрос о поведении населения в годы оккупации. Сам факт возвращения евреев нередко ставил под сомнение легитимность перераспределения имущества, осуществлённого при немецкой власти, и тем самым обнажал болезненные аспекты коллективной ответственности и памяти. В результате процесс реинтеграции евреев в послевоенную социальную ткань оказывался затаженным и конфликтным.

Таким образом, возвращение из эвакуации не означало автоматического восстановления довоенного положения. Для еврейского населения оно стало новым этапом борьбы — уже не за физическое выживание, а за право на место в послевоенном обществе, доступ к жилью, социальную безопасность и признание пережитого опыта.

Историография, выводы и историческое значение

Анализ советской эвакуации еврейского населения в годы Второй мировой войны позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов, важных как для историографии Холокоста, так и для более широкого понимания природы советской военной и социальной политики.

Во-первых, эвакуация имела фундаментальное значение для хода войны. Благодаря ей был сохранён и задействован огромный по численности и нередко высококвалифицированный трудовой ресурс, который впоследствии использовался как для мобилизации в Красную армию, так и для восстановления и расширения экономики, включая военно-промышленный комплекс. В сочетании с эвакуацией, демонтажем и уничтожением инфраструктуры на западе страны это лишило Германию доступа к ключевым ресурсам и позволило СССР сравнительно быстро развернуть промышленный потенциал против противника.

Во-вторых, значение эвакуации для истории Холокоста было колоссальным и до сих пор остаётся недооценённым. Использование уже существующей государственной инфраструктуры создало условия для массового бегства евреев из угрожаемых регионов. Не планируя спасение евреев как отдельную задачу, Советский Союз объективно сыграл одну из ключевых ролей в физическом спасении значительной части европейского еврейства.

В-третьих, принципиальное значение имело структурное различие между организованной эвакуацией и стихийным бегством. Государственно эвакуированные группы обладали пусть минимальными, но институционально гарантированными шансами на выживание. Самостоятельные беженцы — среди которых доля евреев была особенно высока — находились в куда более уязвимом положении и выживали за счёт индивидуальных стратегий адаптации, социальных сетей и экономической гибкости.

В-четвёртых, эвакуация не была социально однородным опытом. Различия между регионами размещения, между советскими и иностранными евреями, между выходцами из восточных и западных районов СССР формировали не только разные модели выживания, но и разные траектории послевоенной судьбы. Эти различия продолжали сказываться десятилетиями — в доступе к международной помощи, возможностях эмиграции и формах признания пережитого опыта.

В-пятых, социальная напряжённость, сопровождавшая присутствие еврейских беженцев в тылу, показывает, что антисемитизм в советском обществе усиливался в условиях дефицита, мобилизации и неравномерного распределения ресурсов, а также подпитывался видимой «инаковостью» западных еврейских групп.

Наконец, послевоенная память об эвакуации оказалась фрагментированной и неоднородной. Для одних групп она стала частью признанного нарратива спасения и жертвы, для других — прежде всего советских евреев, оставшихся в СССР, — осталась на периферии как международного, так и национального дискурса. Это неравенство памяти и компенсации является прямым продолжением тех структурных различий, которые сложились уже в годы войны и сразу же после нее.

Таким образом, эвакуация евреев в СССР должна рассматриваться не как однозначный акт спасения или безразличия, а как сложный, многоуровневый процесс, в котором пересекались государственный прагматизм, индивидуальные стратегии выживания и долговременные последствия для еврейской и общеевропейской истории XX века.

Литература

1. Mordechai Altshuler. "Escape and Evacuation of Soviet Jews at the Time of the Nazi Invasion: Policies and Realities." *The Holocaust in the Soviet Union. Studies and Sources on the Destruction of the Jews in the Nazi-Occupied Territories of the USSR, 1941-1945*. L. Dobroszycki and J. S. Gurock (eds.), Armonk, N. Y.: M.E. Sharpe, 1993, pp. 77-104.
2. Vadim Dubson. "On the Problem of the Evacuation of Soviet Jews in 1941 (New Archival Sources)." *Jews in Eastern Europe* 3, 40 (1999), pp. 37-56.
3. Vadim Dubson. "Towards a central database of evacuated Soviet Jews' names, for the study of the Holocaust in the occupied Soviet territories." *Holocaust and Genocide Studies* 26, 1 (2012), pp. 95-119.
4. Kiril Feferman. "A Soviet Humanitarian Action? Centre, Periphery and the Evacuation of Refugees to the North Caucasus, 1941-1942." *Europe-Asia Studies* 61, 5 (July 2009), pp. 813-831.
5. Kiril Feferman. "To Flee or not to Flee: The Conflicting Messages of Soviet Wartime Propaganda and the Holocaust, 1941." *Cahiers du monde russe* 56, no. 2-3 (April-September 2015), pp. 517-542.
6. Kiril Feferman, *If we had wings, we would fly to you: A Soviet Jewish Family Faces Destruction, 1941-42*. Boston: Academic Studies Press, 2020.
7. Atina Grossmann. "Remapping Survival: Jewish Refugees and Lost Memories of Displacement, Trauma, and Rescue in Soviet Central Asia, Iran, and India." *Simon Dubnow Institute* 15 (2016), pp. 71-97.
8. Albert Kaganovich. "Evreiskie bezhentsy v Kazakhstane vo vremya Vtoroi Mirovoi voyny." *Istoriya, pamyat', lyudi. Materialy V mezhdunarodnoi konferentsii*. A. I. Baron (ed.). Alma Ata: Assotsiyatsiya "Mitsva", 2011, pp. 13-31 [MyArchive].

9. Albert Kaganovich. "Stalin's great power politics, the return of Jewish refugees to Poland, and continued migration to Palestine, 1944-1946." *Holocaust and Genocide Studies* 26, 1 (2012), pp. 59-94.
10. Albert Kaganovich. "Jewish Refugees and Soviet Authorities during World War II." *Yad Vashem Studies* 38, 2 (2010), pp. 1-37.
11. Rebecca Manley. *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2012.
12. Markus Nesselrodt. *Dem Holocaust entkommen: polnische Juden in der Sowjetunion, 1939-1946*. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2019.
13. Anna Shternshis. "Between Life and Death: Why Some Soviet Jews Decided to Leave and Others to Stay in 1941." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 15, 3 (Summer 2014), pp. 477-504.

Кирилл Феферман

Советские эвакуационные планы накануне и в начале войны

Еще в довоенный период в СССР были подготовлены планы эвакуации населения в случае нападения Германии. 7 июня 1941 г. датируется проект постановления СНК СССР «Об утверждении положения об эвакуации и порядка разработки эвакуационных планов» (далее - «Положение»).

Положение об эвакуации было подготовлено в рамках проводившегося советским руководством комплекса мероприятий по отражению германской угрозы. В частности, 24 мая 1941 г. И. Сталин провел в Кремле совещание высшего генералитета, где были «уточнены задачи с учетом приближающейся агрессии со стороны Германии».

«Положение» включает в себя 7 глав:

1. Понятие об эвакуации.
2. Объекты эвакуации.
3. Районы эвакуации.
4. Объявление эвакуации.
5. Запретные зоны и районы размещения при эвакуации.
6. Порядок вывоза из пограничной полосы и отдельных районов.
7. Порядок вывоза из районов, угрожаемых противником.

В «Положении» дается следующее определение эвакуации: «Проведение в военное время основных мероприятий по вывозу из опасных в военном отношении районов ценного имущества, учреждений, предприятий и

36

людских контингентов, по составленному в мирное время плану вывоза».

В соответствии с «Положением» были установлены районы из которых должна была проводиться эвакуация, а также определены категории эвакуируемого населения:

1. Районы развертывания армий – пограничная полоса глубиной 75–100 км. Планировалась эвакуация из этих районов детей дошкольного возраста и школьников до 15 лет, а также стариков старше 60 лет перед началом военных действий.
2. Районы возможного захвата противником, устанавливаемые командованием фронта. Предусматривался вывоз из них всего мужского населения, годного к военной службе, а также, в зависимости от оперативной обстановки, перечисленных в предыдущем пункте категорий населения.
3. Важнейшие центры страны: Москва, Ленинград, Минск, Киев, Одесса. Отсюда, в порядке разгрузки, должны были вывозиться:
 - дети дошкольного возраста в сопровождении матерей или лиц, ответственных за их наблюдением;
 - школьники до 15 лет, организованные по группам (школам), в сопровождении своих учителей;
 - старики старше 60 лет;
 - необходимая часть рабочей силы для обслуживания эвакуируемых промышленных предприятий, имеющих особое значение для обороны страны.

«Положением» устанавливались запретные зоны и районы размещения при эвакуации. Эвакуируемое население запрещалось размещать западнее линии, проходящей через Псков, Великие Луки, Смоленск, реку Днепр и Николаев, вероятно, чтобы не мешать развертыванию войск.

Промышленные предприятия и высшие учебные заведения должны были вывозиться в районы к востоку от линии Москва – Воронеж – Ростов, с целью обезопасить их от налетов вражеской авиации.

Была запланирована следующая очередность вывоза при эвакуации:

1. Ценное имущество государственных учреждений и предприятий.
2. Дети.
3. Старики.
4. Прочие объекты и грузы.

К положению по эвакуации приложена выполненная в одном экземпляре карта-схема эвакуозон. На ней обозначены зона эвакуации и запретные зоны для размещения населения и промышленных предприятий, а также выделены города, подлежащие разгрузке: Москва, Ленинград, Минск, Киев, Одесса (см. Приложение).

Кроме того, в начале июня 1941 г. были подготовлены планы эвакуации из Москвы и Ленинграда. Планировалось с началом войны вывезти из каждого из этих городов примерно по 1.000.000 человек.

Так, в представленном И. Сталину предложении председателя Московского городского совета В.П. Пронина о

разработке плана эвакуации населения из Москвы от 3 июля 1941 г. намечался вывоз в военное время в другие области 1.040.000 человек, в том числе школьников — 432.000, детей дошкольного возраста — 226.000, детей детских садов и детских яслей — 101.000, инвалидов и стариков — 57.000, учителей с детьми, обслуживающего персонала и матерей с детьми — 174.000.

Эвакуация была намечена в районы следующих близлежащих к Москве областей: в Московскую область — 250.000 человек, в Ивановскую область - 130.000, в Ярославскую область — 121.000, в Калининскую область — 95.000, в Рязанскую область — 165.000, в Тульскую область — 109.000, в Орловскую область - 100.000, в Горьковскую область — 70.000.

Эвакуация должна была производиться железнодорожным транспортом и автобусами в близлежащие районы около Москвы по постановлению Московского Совета, утвержденному Правительством Союза ССР. Размещение эвакуируемого населения планировалось в клубах, домах отдыха, избах-читальнях и в домах колхозников.

Сталин наложил на представленный документ следующую резолюцию:

«Товарищу Пронину. Ваше предложение о «частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время» считать несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда нужно будет, и если нужно будет, подготовить эвакуацию, ЦК и СНК уведомят Вас».

Отношение Сталина к предложенным эвакуационным планам очевидно было связано с тем, что он рассчитывал отсрочить немецкое нападение на Советский Союз для того, чтобы лучше подготовиться к войне.

Неожиданность нападения и быстрота продвижения немецких войск стали теми факторами, которые заставили советское руководство внести существенные коррективы в довоенные планы вывоза населения из угрожаемых зон. Тем не менее это не отразилось на предусматривавшемся еще до войны приоритете эвакуации материальных ценностей над эвакуацией населения. В советской историографии подчеркивалось, что эвакуировались в первую очередь детские учреждения, женщины с детьми и люди пожилого возраста. Однако, в партийно-правительственных постановлениях по эвакуации, принятых в начале войны, устанавливалась другая очередность эвакуации.

Согласно постановлению от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» в первую очередь эвакуации подлежали:

1. Важнейшие промышленные ценности (оборудование), ценные сырьевые ресурсы (цветные металлы, горючее).
2. Важнейшие историко-музейные ценности (уникумы и документы, имеющие особое государственное значение).
3. Население, квалифицированные рабочие вместе с эвакуируемыми предприятиями, семьи начсостава Красной Армии, работников НКВД и ответственных советских и партийных работников, дети до 15 лет.

Очередность вывоза населения должны были определять Военные советы фронтов, в зависимости от сложившейся обстановки. Им предписывалось «в случае невозможности планомерной организации эвакуации принимать меры... [по] эвакуации всего населения из угрожаемых районов».

5 июля 1941 г. были приняты три дополнительных партийно-правительственных постановления, регулирующих эвакуацию населения.

Постановление «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуируемых предприятий» дополняло директиву от 27 июня. В нем разъяснялось, что эвакуация персонала должна производиться по решению соответствующих наркоматов и включать также семьи эвакуируемых. Рабочие и служащие должны были эвакуироваться по возможности одновременно с вывозом оборудования их предприятий.

Постановление «О порядке эвакуации населения в военное время» определяло сферу компетенции военных и гражданских властей. Эвакуация из прифронтовой полосы должна была производиться по указанию местного военного командования, а в других районах только с разрешения Совета по эвакуации. В соответствии с постановлением, состав эвакуируемых и очередность эвакуации определяли СНК республик, областные и краевые исполкомы советов. Осуществление эвакуации возлагалось на местные органы советской власти и Народный комиссариат путей сообщения.

Отдельное постановление подтверждало привилегии при эвакуации «семей руководящих партийных работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и войск НКВД». В соответствии с ним местное военное

командование, местные органы советской власти и железнодорожные органы были обязаны предоставлять этим семьям все необходимые транспортные средства, обеспечивать их питанием, одеждой и медицинским обслуживанием. Место жительства эта категория эвакуируемых могла избирать по собственному желанию (за исключением Москвы и Ленинграда).

Таким образом, эвакуация различных групп населения, в соответствии с их статусом в советской иерархии и степенью важности для страны, была достаточно подробно регламентирована. Вместе с тем, никаких постановлений или указов, определяющих или упоминающих преимущества каких-либо этнических групп при эвакуации нам обнаружить не удалось.

В соответствии с эвакуационными постановлениями от 5 июля Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило также положение об эвакуационных пунктах, предназначенных для приема и отправления эшелонов с людьми и оказания помощи эвакуированным. К 18 июля было организовано 120 таких эвакуопунктов. Также была разработана схема дислокации пунктов формирования эшелонов с эвакуированными и эвакуопунктов.

Сведения о намерениях по распределению эвакуированных на первую декаду июля 1941 г., содержались в специально подготовленном плане, в котором предусматривалось размещение эвакуированных в 86 городах на территории РСФСР, в 12 областях, 5 автономных республиках и в одном крае. В это же время планировалось вывезти из Эстонской ССР — 40.000, из Латвийской СССР —

60.000, из Белорусской ССР — 200.000, из Украинской ССР — 400.000, из Молдавской ССР — 60.000 человек.

Стремительное наступление немецких войск затрудняло проведение организованной эвакуации населения. Линия фронта быстро продвигалась вглубь страны и понятие прифронтовая полоса в этих условиях часто становилось размытым и трудно определяемым. Совет по эвакуации отмечал в справке от 18 июля 1941 г., что «в первые дни войны эвакуация гражданского населения из прифронтовой полосы производилась беспорядочно, эшелоны формировались стихийно». Значительную часть эвакуационного потока составляли беженцы. Несмотря на стремление государственных органов к регулированию эвакуации гражданского населения, власти уже с первых дней войны вынуждены были считаться с этими сильными людскими потоками. Часть беженцев смогла даже воспользоваться транспортом и другими услугами государства.

На практике решения различных инстанций часто не поспевали за быстро меняющейся обстановкой на фронте и противоречили друг другу. Например, распоряжение об эвакуации 10 000 человек («членов семей рабочих и служащих») из города Клинцы Орловской области, Совет по эвакуации дал 19 августа, тогда как город был захвачен 20 августа 1941 г. Это произошло после неожиданного поворота второй немецкой танковой группы на юг, в результате чего за несколько дней была оккупирована западная часть Орловской области. Немцы вошли в неразрушенный город, живущий своей обыденной жизнью.

Возможности эвакуации, особенно стихийной эвакуации, из районов прифронтовой полосы были ограничены. Одной из наиболее острых проблем оказался недостаток железнодорожных вагонов. Это определялось, наряду с острой потребностью в вагонах для переброски войск, заранее запланированным разделением эвакуационных потоков на две части — из зоны приближающихся военных действий и уже с первых дней войны из Москвы и Ленинграда.

По мере быстрого развития событий в первые месяцы войны менялись и приоритеты в распределении железнодорожных вагонов. Первоначально предполагалось эвакуировать за первую декаду июля из западных областей страны 1.665.000 человек, для чего требовалось 3390 вагонов в сутки. Но в постановлении Совета по эвакуации от 3 июля это число было сокращено более, чем в четыре раза – до 395.000 человек (760 вагонов в сутки).

Для вывоза людей из Москвы и Ленинграда в первые 2 месяца войны было задействовано 62800 вагонов из 104020 вагонов, использованных для эвакуации населения с начала войны до 20 августа 1941 г. Вероятно, определенную роль в характере проводимой эвакуации сыграли довоенные планы по эвакуации населения Москвы и Ленинграда (на разработанных до начала войны проектах постановлений о частичной эвакуации населения этих городов указаны новые даты 26 и 29 июня 1941 г. соответственно). Уже к 18 июля того же года план вывоза населения был выполнен почти полностью по Москве и почти наполовину по Ленинграду. Как и предполагалось до войны, большую часть эвакуированных составили дети дошкольного и школьного возраста.

Таким образом, возможность эвакуации населения летом 1941 г. из западных областей СССР зависела в значительной мере от эвакуационной политики, которая определялась как довоенными планами, так и реальной ситуацией, складывающейся на фронте. Жители мест, которые оказались под угрозой захвата немецкими войсками во второй половине июля 1941 г. оказались в лучших условиях, чем в тех местах, которые были заняты в июне-первой половине июля и в августе 1941 г., когда особое внимание уделялось эвакуации населения из Москвы и Ленинграда.

В соответствии с планами эвакуации размещение эвакуированных в первые месяцы войны производилось преимущественно на территории РСФСР. Из 3.886.500 эвакуированных к началу октября 1941 г. в Казахстан прибыло 63.100 человек, а в Узбекистан — 2.600 человек.

Литература

1. Вадим Дубсон. «Эвакуация еврейского населения СССР в 1941–1942 гг.: цифры и факты» // *В тени Катастрофы: Беженцы, эвакуация и блокада. Неопубликованные воспоминания беженцев, блокадников, эвакуированных. СССР, 1939–1946.* Иерусалим, 2021. С. 505–524.
2. Альберт Каганович. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу.* Москва. Иерусалим, 2023.
3. Vadim Dubson. “On the Problem of the Evacuation of Soviet Jews in 1941 (New Archival Sources)” // *Jews in Eastern Europe.* 1999. № 3(40). P. 37-56.
4. Rebecca Manley. *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War.* Cornell University Press, 2009.

Вадим Дубсон

Приложение

Карта-схема эвакуозон от 7 июня 1941 года

Приложение к проекту постановления Совнаркома СССР «Об утверждении положения об эвакуации и порядка разработки эвакуопланов». Государственный архив РФ. Ф. А-259. Оп. 40. Д. 3028. Л. 73.

Польские евреи в советском тылу и на фронте, 1939–1946

В сентябре 1939 по секретному пакту с Германией Красная Армия перешла границу с Польшей и захватила её восточную часть. Большинству евреев Польши советская экспансия представлялась лучшей альтернативой нацистской оккупации. Проводимая в генерал-губернаторстве (оно было образовано в немецкой части Польши) политика дискриминации и репрессий против евреев толкнула часть из них на попытку бежать в СССР. Иногда и немецкие оккупационные власти приграничных местечек угрозами принуждали евреев бежать через границу. Число бежавших было бы много больше, если бы не постоянно ужесточавшаяся практика препятствования со стороны советских пограничников. С лета 1940 переход через советскую границу стал почти невозможен.

К тому времени советские пограничные города оказались перенаселёнными беженцами. В отличие от тех польских евреев, которые до 2 ноября 1939 г. находились в Восточной Польше, на основании чего согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г. были признаны советскими гражданами, евреи, прибывшие в СССР позже, были оставлены в статусе иностранцев. Тем не менее, они получили многие права советских граждан и в частности: разрешение на работу, получение карточек на продукты, бесплатное медицинское обслуживание и учёбу. Несколько десятков тысяч польских евреев обеих категорий переселились в восточные части Украины и Белоруссии, а также в Россию для работы на заводах, шахтах и в колхозах, а

также для учёбы. Осенью 1940 несколько десятков тысяч польских евреев, родившихся в 1917–1922 гг., были призваны в Красную Армию. А 20 июля 1941 г. последовала директива народного комиссариата обороны СССР о том, что все новые граждане, в том числе польские евреи, должны были быть переведены из действующей армии в рабочие батальоны, действовавшие в тыловых районах СССР. Однако дивизионные штабы не стали педантично её исполнять, и оценочно треть или четверть польских евреев (главным образом врачи, инженеры, переводчики, младшие командиры) остались в войсках. С другой стороны некоторые военкоматы продолжали призывать польских евреев, но фронтовые штабы старались их отсеивать вплоть до конца 1943 года.

С сентября 1939 по май 1941 были арестованы по подозрению в нелояльности и высланы из Западных Украины и Белоруссии, а также с польских территорий, отошедших Литве, на восток и север страны в рабочие лагеря и спецпоселения около 96,200 польских евреев (включая детей). Причём весной 1940 власти пошли на хитрость, чтобы выявить нелояльных. Беженцам было предложено записаться на возвращение в Германию. Записавшиеся, 64,533 евреев, составили самую большую группу депортированных. В местах заключения польские евреи страдали от голода и болезней в лагерях, где часть из них провела около полутора лет - с конца марта 1940 по конец сентября 1941, а большинство - с июня 1940 по октябрь 1941. За это время из них скончались около 5,8% (5,582 человек), учитывая общий процент смертности в лагерях. Вследствие указа об амнистии от 12 августа 1941 г. к

концу того же года из тюрем, лагерей и в основном спецпоселений были освобождены 90,662 польских евреев.

Большинство освобождённых устремились в Среднюю Азию. К ним присоединились несколько сот тысяч польско-еврейских беженцев с Белоруссии и Украины. Около тысячи беженцев с Украины застряли на Северном Кавказе, и стали жертвами геноцида. Были три главных мотиваций движения в Среднюю Азию: там начала формироваться польская армия генерала Владислава Андерса, к которой многие хотели примкнуть; мало, кто из беженцев располагал тёплой одеждой, а русская зима ожидала быть суровой; многие верили в миф о столице Узбекистана, воплощённый в книге Александра Неверова - "Ташкент – город хлебный". Кроме как ежегодного переиздания этой книги на русском языке, были опубликованы переводы на идиш и польский в 1924 и 1929 гг. соответственно. Кроме того ими не исключалась возможность введения в Среднюю Азию англо-американских войск в случае поражения СССР в войне или возможность бежать из СССР через границу в Иран или Афганистан. В конце концов, Средняя Азия, особенно Узбекистан, оказались переполненными не только польскими евреями, но и советскими беженцами и эвакуированными, которые направились сами или были направлены туда после немецкого нападения в июне 1941. Большая концентрация прибывшего населения в городах привела к безработице и острой нехватке жилья.

В ноябре 1941 г. Государственный Комитет Оборона принял постановление о выселении из Узбекистана бывших польских граждан – поляков и евреев. В рамках этого решения

с 25 ноября по 5 декабря 1941 г. из Узбекистана в казахские колхозы были насильно депортированы 36,500 беженцев. В рамках второй депортации 8 декабря 1941 г. власти отправили в южные районы Киргизии с последующим трудоустройством в колхозах скопившихся на железнодорожных станциях Казахстана 21,500 беженцев – выходцев из Польши. Там те столкнулись ещё с большими трудностями – с жильём и продовольствием. Предпринимавшиеся властями некоторые меры помощи польским беженцам в Казахстане и Узбекистане не принесли ощутимых результатов, так как были недостаточными и до конца продуманными.

В течение всего пребывания польских евреев в тыловых районах СССР они страдали от недоедания и связанных с этим болезнями. За пять лет, с июля 1941 по июнь 1946 скончались около 27% из них. Особенно большая смертность выпала на весну 1942. В этой связи трудно переоценить значение продуктов и товаров для бывших польских граждан, отправляемых американскими и другими зарубежными благотворительными организациями, а позже их заграничными родственниками. Эта помощь начала приходить уже в октябре-ноябре 1941, а потом её поток усилился. Заметная часть помощи приходилась на еврейские благотворительные организации США, особенно на «Еврейский рабочий комитет» (JLC) и «Джойнт», а также палестинскую «Ваадат Ацала» и еврейские организации других стран. Вначале распределением занимались представительства Польского правительства в изгнании (размещалось в Лондоне) – делегатуры. Было много жалоб польских евреев, что делегатуры обделяют их. Ради получения помощи некоторые из них даже сменили имена и

фамилии на польские или крестились. Ситуация улучшилась в марте 1943, когда СССР порвал отношения с Польским правительством из-за обвинений в расстреле нескольких десятков тысяч польских офицеров в 1940 году. Распределение помощи перешло тогда в руки незадолго до этого сформированной просоветской организации Союз польских патриотов (Związek Patriotów Polskich). Через эту организацию и советские власти стали усиленно помогать польским беженцам, чтобы привлечь их симпатии, поскольку Сталин уже тогда планировал установить в Польше просоветский режим.

Летом 1942 г. последовала новая миграционная волна польских беженцев в Среднюю Азию. Они двигались туда, надеясь уехать из СССР вместе с уходящей армией Андерса. Однако Андерс и другие польские генералы стремились принимать евреев в свою армию как можно меньше. Чаще всего генералитет прибегал к помощи медицинской комиссии, выбраковывавшей кандидатов-евреев. Даже принятые в эту армию усилиями еврейских организаций США и Великобритании под давлением на Польское правительство евреи подвергались дискриминации, издевательствам и даже побоям. Из-за этого было много случаев дезертирства. Бенефициаром такой ситуации стал Сталин, стремившийся рассорить эти организации с Польским правительством в Лондоне. В результате вместе с армией Андерса в 1942 г. СССР через Иран покинули 6.000 польских евреев, (5,2%) среди около 116.000 польских граждан.

В марте 1944 в СССР была организована Первая армия Войска польского, а в сентябре того же года Вторая армия

Войска польского. Хотя организаторы обеих армий – неприсоединившиеся к Андерсу польские генералы – тоже предпочитали принимать поляков, недостаток кандидатов вынуждал принимать и евреев. Около 4.000 из них позже погибли на фронте.

С июля 1944 по ноябрь 1945 в рамках отдельных соглашений Польский комитет национального освобождения (Polski komitet wyzwolenia narodowego) с Литовской ССР, Белорусской ССР и Украинской ССР в Польшу вместе с поляками выехали 54,900 польских евреев. Оценочно, эта цифра состоит из 34,900 евреев, спасшихся на оккупированной территории и 20.000 евреев, которые смогли вернуться из тыловых мест в указанные республики к концу 1944 года и быстро подать документы. В рамках нового договора от 6 июля 1945 между СССР и Временным правительством национального единства Польской республики до августа 1946 туда выехали ещё 147.000 евреев. Ещё около 12.000 польских евреев с середины 1944 до середины 1946 гг. демобилизовались и, в меньшей степени, дезертировали из Советской армии, главным образом из Войска Польского. По последующим договорам с Польшей туда в 1947–1948 гг. выехали ещё 2.000 и в 1955–1959 гг. – 18,743 еврея. После этого на территории СССР продолжали оставаться ещё 25.000 евреев, бывших польских граждан. Всего, таким образом, только в тыловых областях СССР дожили до конца войны около 230.700 польских евреев (включая выехавших в Иран вместе с армией Андерса). Всего же в послевоенных границах СССР войну пережили около 265.700 польских евреев.

Литература

1. Eliyana R. Adler. *Survival on the Margins: Polish Jewish Refugees in the Wartime Soviet Union* (Cambridge, MA: Harvard University Press), 2020.
2. Albert Kaganovitch. "Stalin's Great Power Politics, the Return of Jewish Refugees to Poland, and Continued Migration to Palestine, 1944-1946," *Holocaust and Genocide Studies*, 2012, 26: 59-94.
3. Марк Куповецкий. «Людские потери еврейского населения в довоенных (на сентябрь 1939 года) и послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны», *Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста*, составители Альфред Кох и Павел Полян (М.: Три квадрата, 2008), 179–203.

Альберт Каганович

Евреи Бессарабии и Северной Буковины в советском тылу и на фронте, 1940–1945

В июне 1940 г. в результате ультиматума Румынии большая часть Бессарабии вошла в состав СССР в качестве Молдавской ССР. Новая республика получила от бывшей Молдавской АССР узкую левобережную полосу Днестра с городами Рыбница, Дубоссары, Григориополь, Каменка, Слободзея, Тирасполь (Приднестровье), а остальная территория вошла в состав Украинской ССР. Последней также достались отторгнутые от Бессарабии Измаильская и Аккерманская области (в СССР эти области были слиты в одну со столицей в Измаиле), а также Хотинский район. Этот район вместе с аннексированной тогда же у Румынии Северной Буковиной и район Герца образовали Черновицкую область в составе той же Украинской ССР. В июне 1940 на присоединённых территориях Бессарабии проживали 240 000 евреев, а в Северной Буковине – 75 000. Во время изменения границ на отходившие к СССР территории устремились евреи из других мест Румынии. Прежде всего, это были переехавшие ранее уроженцы Бессарабии и Северной Буковины. Миграция в СССР усилилась из-за начавшихся антиеврейских погромов. В результате этой миграции общее число евреев в Бессарабии (включая Измаильскую область и Хотинский район) выросло на 80.000, составив 320.000, а в Северной Буковине – на 20.000, составив 95.000.

Все бывшие румынские граждане получили советское гражданство. Однако 29.839 бывших румынских граждан были признаны классово нелояльными, и в июне 1941 г. они были высланы в восточные части СССР. Треть из них

составляли евреи, в основном предприниматели. Из 9.000–10.000 евреев 3.000 были депортированы из Северной Буковины, а остальные из Бессарабии. Депортированные были разделены. Мужчины были отправлены в лагеря, откуда начиная с 1942 г. мужчины призывного возраста мобилизовывались в трудовую армию, а старики, женщины и дети были определены в спецпоселки на территории Казахской ССР, Коми АССР, Красноярского края, Омской и Новосибирской областей.

Ещё осенью 1940 несколько десятков тысяч бывших румынских евреев, родившихся в 1917–1922 гг., были призваны в Красную Армию. Сразу после немецкого нападения последовали новые призывы. Только в июне 1941 в армию были призваны около 5.000 евреев Северной Буковины. 20 июля 1941 последовала директива народного комиссариата обороны СССР о том, что все новые граждане, должны переводиться из действующей армии в рабочие батальоны. Однако дивизионные штабы не стали педантично её исполнять, и в войсках остались около 450–500 черновицких евреев – главным образом врачи, инженеры, переводчики, младшие командиры.

Перед немецко-румынской оккупацией с бывших румынских территорий на восток предприняли попытку бежать относительно большое число евреев. Из-за погромов румынские евреи знали, с чем им предстоит столкнуться. Известно также, что многие евреи правобережья Днестра, особенно из небольших мест, вначале самостоятельно бежали на восток, добираясь до реки. Там власти в основном с готовностью помогали беженцам переправиться через Днестр и уже дальше те отправлялись поездами.

В результате к февралю 1942 г. на неоккупированных территориях находились 115.000–120.000 бессарабских евреев из Молдавской ССР, включая депортированных и мобилизованных (около 5,000) в армию. Из этого общего числа около 38.000–40.000 тысяч бессарабских евреев оказались в Узбекистане. Побывавший во многих городах Средней Азии в 1944 г. видный еврейский деятель в СССР Шахно Эпштейн писал в московской газете «Эйникайт», что среди еврейских беженцев там преобладают евреи из Западной Украины, Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины. В Средней Азии бывшие румынские евреи расселились по многим местам. Известно, что в двух туркменских городах – Теджене и Красноводске – в 1942 г. евреи из Бессарабии составляли соответственно 6,65% и 6,63% от всех вообще беженцев и эвакуированных туда прибывших, а только среди евреев соответственно 13,6% и 21%. Кроме как в Средней Азии еврейские беженцы из бессарабских районов Молдавской ССР оказались также в Сибири, на Урале и Зауралье.

К февралю 1942 года нашли убежище на неоккупированных территориях СССР, включая депортированных и призванных в армию (включая рабочие батальоны) около 12.000 бессарабских евреев из Измаильской области (больше всего из Аккермана, в 1944 переименован в Белгород-Днестровский). Из Хотина Черновицкой области мало кто успел убежать. Спаслись только несколько сот бессарабских евреев, которые ещё до войны были депортированы или мобилизованы в армию.

Что касается буковинских евреев, бежавших из Черновицкой области, то к февралю 1942 года их было

предположительно 10.000, включая депортированных, мобилизованных на фронт и в рабочие батальоны. Они составляли лишь 9,5% процента от всего еврейского населения Черновицкой области середины 1941 года. Это намного меньше, чем у бессарабских евреев. Такая разница объясняется более поздними датами оккупации, что дало бессарабским евреям несколько больше времени на побег: если Черновцы был оккупированы 5 июля 1941 года, и на следующий день — Хотин, то бессарабский город Оргеев — 15 июля, Кишинев — 16 июля, Измаил — 19/20 июля, Бендеры — 21 июля, а Аккерман — 28 июля. Другой причиной могла быть значительная недооценка опасности в Северной Буковине, основанная на привязанности местных евреев к немецкой культуре.

Относительно большая часть буковинских евреев сумела выжить под оккупацией, в основном в Транснистрии, куда многие из них были депортированы. Несмотря на то, что после освобождения советские власти препятствовали возвращению из Транснистрии евреев Молдавской ССР и Черновицкой области, по данным НКГБ на июнь 1944 г. в последней находились 30.713 евреев. Среди них могли быть и мигранты из Бессарабии, прибывшие в Черновицкую область, поскольку советские власти разрешили тогда какой-то части евреев уехать оттуда в Румынию.

Общее число румынских евреев из Бессарабии и Северной Буковины на неоккупированных советских территориях к февралю 1942 г. составило 137.000–142.000, приблизительно треть от их довоенной численности. Несколько десятков тысяч из них потом погибли в армии и под немецкой оккупацией в Юго-Восточной Украине и Северном Кавказе, а также

скончавшись в результате голода и эпидемий во внутренних регионах СССР. Эти потери оценочно составили около 35.000–45.000. Среди оставшихся к концу войны в живых подавляющее большинство румынских евреев вернулись в места своего прежнего жительства. Некоторая часть из них в 1944–1946 мигрировали в Румынию, прежде всего из-за тяжёлого материального положения. Однако далеко не все бывшие румынские граждане, пожелавшие в те годы уехать из СССР, смогли это сделать.

Литература

1. Изяслав Левит, «Молдавская ССР», *Холокост на территории СССР: Энциклопедия* (под редакцией Ильи Альмана), (Москва: РОССПЭН, 2011), 612-615.
2. Albert Kaganovitch, “Estimating the Number of Jewish Refugees, Deportees, and Draftees from Bessarabia and Northern Bukovina in the Non-Occupied Soviet Territories”, *Holocaust and Genocide Studies*, 2013, 27: 464-482.
3. Пётр Шорников, *Молдавия в годы Второй мировой войны* (Кишинёв: Tipografia Centrală, 2014).

Альберт Каганович

Эвакуация и бегство еврейского населения из Прибалтики (июнь-август 1941)

С первых дней войны немецкое наступление в Прибалтике, в полосе обороны советского Северо-Западного фронта, развивалось стремительно. За три недели боевых действий войска фронта отступили на 450 километров. Фронт потерял более тысячи танков, 4 тысячи орудий и минометов и более тысячи самолетов. Были потеряны выгодные для обороны водные преграды — реки Неман, Западная Двина, Великая.

Вермахт быстро продвигался, окружая советские части и обходя отдельные узлы сопротивления. Немцы захватывали стратегически важные пункты, перерезали важнейшие пути сообщения. Литва была захвачена за четыре дня, Латвия за две недели. Немцы вошли в Каунас 25 июня. После захвата 26 июня Даугавпилса на Западной Двине был отрезан основной путь эвакуации и бегства из Литвы. Немецкая армия создала плацдарм для наступления на Ленинград.

Представители партийной и государственной администрации, НКВД, милиции, семьи советских офицеров, партийные и комсомольские активисты получали преимущество при посадке на машины и поезда. Из Литвы сумели эвакуироваться 2.500 коммунистов или 55.2% состава партийной организации республики и 2.200 комсомольцев или 16.6% от общего количества комсомольцев. Всего из Литвы выехало по разным оценкам 25.000–30.000 человек. Среди них было 15.000–22.000 евреев.

Из Латвии эвакуировались и бежали более 40.000 человек, среди которых было 15.000–20.000 евреев. Из 5057 коммунистов партийной организации республики не смогли эвакуироваться в советский тыл только 384 человека. Следует отметить, что

республиканские власти старались помочь и другим категориям населения. Так, СНК Латвии издал уже в первый день войны, 22 июня 1941 г., распоряжение о вывозе женщин, детей и стариков из городов Рига, Лиепая, Даугавпилс и Елгава и размещении их в сельской местности для защиты от немецких бомбардировок. Из Риги был эвакуирован детский дом, который был размещён в Чувашской ССР.

После быстрого захвата Литвы и Латвии немецкие войска были остановлены на рубеже Пярну-Гарту-Чудское озеро. На оккупацию Эстонии вермахту понадобилось более двух месяцев. В результате почти все, кто желал выехать в советский тыл, смогли это сделать. Было эвакуировано 40.000–50.000 человек. Из примерно 4.500 эстонских евреев удалось спастись примерно 3.000 человек. Ещё до 500 евреев были депортированы советскими властями накануне войны.

С 6 августа 1941 г. в связи с продвижением немцев на ленинградском направлении эвакуация из Эстонии проводилась только морским путём. Немало кораблей с людьми погибло от налётов немецкой авиации. Экипаж парохода «Казахстан» под шквальным огнём противника вывез из Таллина 3.600 раненых, женщин и детей.

Многие литовцы и латыши активно помогали немецкой армии, что препятствовало бегству евреев. После аннексии стран Балтии Советским Союзом в июне-августе 1940 г. была проведена форсированная советизация этих стран, которая вызвала недовольство среди широких слоев населения. Массовая депортация накануне войны «неблагонадёжных элементов» среди населения Прибалтики в отдалённые районы СССР ещё больше усилила эти чувства.

Большая часть еврейского населения встретила приход Советов с радостью и облегчением, так как исчезла угроза немецкой оккупации. Они считали советскую власть меньшим злом по сравнению с нацистской угрозой. Коммунисты и левые круги с энтузиазмом поддержали новую власть, некоторые из них заняли важные посты в администрации, хозяйстве и в службах безопасности.

В то же время, советские власти депортировали как «социально опасные элементы» 7.000 евреев из Литвы, 6.000 — из Латвии. Среди них были купцы, промышленники, банкиры, сионисты и бундовцы, религиозные деятели, беженцы из Польши и их семьи. Несмотря на тяжелые условия проживания в северных регионах России (голод, холод, эпидемии и пр.) большинство из депортированных евреев выжили и не попали в руки нацистов.

Накануне войны в Литве проживало примерно 150.000 евреев (не включая Вильнюс и его предместья), в Латвии — 95.000.

С приближением немецкой армии в Литве и Латвии началось антисоветское восстание. Активно действовала немецкая агентура. Восставшие нападали на отступавшие части Красной Армии, захватывали стратегические объекты, преследовали и убивали еврейских беженцев, которых обвиняли в поддержке советской власти.

В Риге немцы разбрасывали с самолётов листовки, в которых предупреждали латышей и русских не помогать евреям бежать под угрозой сурового наказания. Власти не предпринимали специальных мер по спасению евреев, несмотря на явную опасность им угрожавшую. Несмотря на это, около 11.000 евреев сумели выехать из города.

Среди евреев в первую очередь пытались эвакуироваться члены партии и комсомола, сотрудники партийного и государственного аппарата, НКВД и милиции, а также те, кто открыто поддерживал советскую власть на собраниях и митингах. Евреи больше других категорий населения пытались воспользоваться всеми возможными средствами транспорта для спасения. Но лишь ограниченное число поездов вышло из Вильнюса, Каунаса, Риги и Таллина в первые дни и недели войны.

Часть еврейского населения предпочла остаться, хотя многие знали о жестоком отношении немцев к евреям. Тем не менее, никто не ожидал, что нацисты будут проводить систематическое массовое убийство мирных людей.

Евреи - жители деревень и маленьких городков пытались добраться до больших станций, чтобы сесть на поезд. Тысячи жителей Литвы и беженцев из Польши под непрекращающимися бомбёжками бежали из Вильнюса вместе с отступающими советскими частями, но почти весь имеющийся транспорт был недоступен для простых граждан.

Многие евреи обнаружили, что пути на восток отрезаны и возвращались домой. Беженец из Вильнюса свидетельствовал:

«Люди с котомками хлынули из города... устремились на восток, спасаясь бегством от эпидемии... Как саранча налетают немецкие самолёты, гоняясь за отдельными людьми... Немцы догнали нас в районе Ошмяны. Мы возвращаемся тем же путём, по которому бежали... Мы снова в городе...».

По воспоминаниям беженца из Польши, который оставался в Вильнюсе до начала войны, в ряде случаев ответственные за эвакуацию помогали еврейским беженцам. Они освобождали

машины советских офицеров от домашнего скарба, для того чтобы посадить женщин в машины.

Иногда еврейским женщинам и детям удавалось сесть на поезда. По свидетельству Иехудит Гиммельфарб так было в Лиепае, где немцы встретили упорное сопротивление Красной Армии:

«Семьи военнослужащих и советских чиновников... 23 июня сели в поезд. Многие из евреев города устремились на железнодорожную станцию... Мужчинам сесть в поезд не разрешали: только женщины и дети смогли протиснуться в вагоны. На следующий день было поздно, так как все пути к бегству были отрезаны».

Те, кто не смогли сесть на поезда или машины, передвигались пешком, на велосипедах и на телегах. Советский кинорежиссёр Роман Кармен так описывал еврейских беженцев из Латвии:

«Через бывшую линию границы сплошной поток беженцев. Идут пешком, на конных повозках. Бричка на дутых шинах, в ней десяток ребятишек, взрослые идут рядом».

Еврейские беженцы, прибывшие на старую советскую границу с аннексированных территорий, столкнулись с неожиданным препятствием — им было запрещено въезжать в СССР без специальных разрешений. Оказалось, что на многих участках границы действуют довоенные правила. Лишь тем из беженцев, кто был гражданином СССР до 1939 г., партийным и комсомольским активистам, советским служащим и их семьям было разрешено пересечь границу.

Один из беженцев из Литвы рассказал, что на старой границе с Литвой тысячи еврейских беженцев были задержаны

пограничниками. Ему и его друзьям удалось обойти пограничный пункт и пересечь границу на пять километров южнее. Из группы беженцев из Прибалтики Арона Фейгеловича некоторые были вынуждены повернуть назад, а другие ждали несколько дней, пока пограничники не ушли на восток.

Целый состав с беженцами из Вильнюса был остановлен возле местечка Радошкевичи в Белоруссии, откуда дальше были пропущены только члены партии и их семьи. Возле Себежа в Калининской области России были задержаны на несколько дней тысячи беженцев и эвакуированных из Прибалтики, в том числе коммунисты и работники государственных учреждений. Многие беженцы вернулись назад в Литву и Латвию к своим домам.

Иногда еврейских беженцев сажали в поезда, идущие на запад. Такой случай описывается в воспоминаниях Реувена Руха. На станции Бигосово в Белоруссии их поезд развернули в обратную сторону и отправили назад в Латвию.

По мнению Бенциона Пинчука, скорее всего в вопросе о переходе старой границы советские власти не пытались помешать евреям спастись, но в данном случае они точно не проявили желания им помочь. Хотя этот запрет был снят через несколько дней, задержка имела губительные последствия для тысяч евреев.

В то же время, в Эстонии местные власти в некоторых случаях убеждали евреев принять участие в организованной эвакуации. Так, в городе Вильянди старая коммунистка Альфреда Пикк, возглавлявшая горсовет, лично обошла с этой целью семьи всех евреев в городе.

Всего из прибалтийских республик эвакуировалось и бежало 100.000–120.000 человек, среди которых было до 45.000 евреев (по

оценке А. Кагановича в статусе эвакуированных побывало к 1 января 1943 г. 40.000 евреев из Прибалтики).

Эвакуированные из Прибалтики размещались главным образом в центральных и приуральских областях, в среднем и южном Поволжье, в также в Западной Сибири и в северном и центральном Казахстане.

Для оказания помощи эвакуированным и беженцам из прибалтийских республик в областях, где проживало большое количество эвакуированных, стали работать уполномоченные Совнаркомов республик. В середине 1943 г. уполномоченные правительства Эстонской ССР работали в 24 областях, союзных и автономных республиках и в 119 районах. Нуждами эвакуированных литовцев занимались 18 уполномоченных правительства Литовской ССР в 19 областях, в 2 краях и в 11 союзных и автономных республиках. ЦК Компартии Латвии и правительство республики имели уполномоченных в 14 областях и приволжских автономных республиках РСФСР, в республиках Средней Азии и Казахстане.

Находившиеся в эвакуации власти прибалтийских республик заботились о своих беженцах. Например, в октябре 1941 г. представитель Латвийского правительства в Чувашии М. Хорунжий просил местные власти оказать помощь одеждой и обувью эвакуированным из Латвии. Председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР Йоханес Варес осенью 1941 г. обратился с просьбой к председателю Совета по эвакуации СССР Николаю Швернику с просьбой об оказании помощи тёплыми вещами и обувью пяти тысячам выходцам из Эстонии в Чувашии. Из-за отсутствия таковых они не могли выйти на работу в зимнее время и поэтому не получали продуктов питания.

В результате централизованного распределения поездов с беженцами из отдельных республик в некоторых местах происходила их концентрация по принципу землячества. Так, летом 1941 г. в Челябинскую область прибыло более 5.000 человек из Эстонии. Они были размещены в шести районах области, а семьи членов правительства поселились в Челябинске. Для детей эвакуированных эстонцев были открыты школы или классы с преподаванием на эстонском языке. В Челябинске стало работать также специальное латвийское отделение в ремесленном училище.

У эвакуированных из прибалтийских республик часто возникали трудности адаптации на новых местах в связи с плохим знанием русского языка, особенностей советской системы управления и низким уровнем жизни в российской глубинке. Местное начальство зачастую считало, что прибывшие плохо работают и политически неблагонадёжны.

К концу 1941 г. в Советском Союзе стали организовываться национальные воинские формирования, большая часть которых состояла из эвакуированных и беженцев из прибалтийских республик. Среди них было много евреев. Так, в 201-й латвийской дивизии перед её выступлением на фронт в декабре 1943 г., было 3.000 евреев, что составляло треть от её списочного состава. В 16-й литовской дивизии в начале 1943 г. было 2971 евреев из 10251 солдат (29%). 200 евреев служило в 8-м эстонском корпусе.

Резэвакуация в прибалтийские республики началась в 1944 г. Подготовка национальных кадров для этих республик осуществлялась в тыловых областях СССР уже с 1941 г. В первую очередь для резэвакуации отбирались эстонцы, литовцы и латыши. Это объяснялось необходимостью укрепления советского строя в Прибалтике после нескольких лет немецкой оккупации. Для этого

были нужны люди с опытом жизни в СССР и хорошим знанием национальных языков. Евреи, ранее проживавшие а Прибалтике, также получили возможность вернуться.

Литература:

1. Альберт Каганович. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу.* Москва. Иерусалим, 2023.
2. Дов Левин. «Судьбоносное решение: бегство евреев во внутренние районы СССР летом 1941 года» // *Яд Вашем: Исследования.* Часть 1. Иерусалим, 2009. С. 43–71.
3. Марина Потемкина. «Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала)» // *Отечественная история.* 2002. №3. С. 148–155.
4. Ben-Zion Pinchuk. “Was There a Soviet Policy for Evacuating the Jews? The Case of the Annexed Territories” // *Slavic Review.* Vol. 39. №1 (March, 1980). P. 44-55.

Вадим Дубсон

Эвакуация и бегство населения из Белоруссии (июнь-август 1941 г.)

Эвакуация и бегство населения из Белоруссии начались уже в первые дни войны. Этот процесс можно разделить на два этапа. На первом этапе (22 июня — начало июля 1941 г.) перемещение людей в тыловые районы носило в основном стихийный характер. На втором этапе (начало июля — август 1941 г.), после оккупации западных и центральных областей, власти республики предприняли большие усилия для организации и упорядочения эвакуации населения.

Уже в первые дни войны немецкие войска заняли основную часть территории западных областей Белоруссии — Брестской, Белостокской, Барановичской и Пинской, что не позволило властям организованно провести необходимые эвакуационные мероприятия. Тем не менее, уже 22 июня со станций Белосток и Гродно было отправлено 30 эвакуационных поездов. В первую очередь в советский тыл отправлялись семьи военнослужащих, партийные и советские функционеры и их семьи, а также дети из детских учреждений и педагогический персонал. Сразу же начался и стихийный исход еврейского населения, который ярко описал в своих воспоминаниях известный советский писатель Константин Симонов:

«Особенно много тянулось еврейских беженцев из Столбцов, Барановичей, Молодечно и других городов Западной Белоруссии... Тысячи людей ехали на невообразимых фурах, дрожках и подводах, ехали старики с пейсами и бородами, ехали измождённые, рано постаревшие еврейские женщины, ехали дети — на каждой подводе по шесть — восемь — десять маленьких черномазых ребят с быстрыми испуганными глазами. Но еще больше людей шли

рядом с подводами... А в руках узлы, узелочки; пальцы судорожно сжаты и дрожат от усталости и голода».

Еврейские беженцы из западных районов Польши, оказавшиеся на советской территории, уже испытали ранее на себе нацистскую политику по отношению к еврейскому населению. Нередко именно они первыми решали бежать от наступавших немецких войск, и уговаривали местных евреев сделать то же самое. Легче принимала решение об эвакуации еврейская молодёжь, воспитанная в духе советской идеологии и не обременённая семьями. Многие беженцы считали, что эвакуация носит краткосрочный характер и не захватили с собой необходимых вещей и достаточное количество провизии.

Часть евреев не уходили, надеясь на то, что враг будет отброшен. Некоторые пожилые евреи оставались, не желая бросать своё имущество. Многие из них помнили немецкую оккупацию Белоруссии в 1918 г. и относительно хорошее отношение немцев к гражданскому населению в то время.

Из Западной Белоруссии удалось бежать по разным оценкам 25.000–35.000 евреям.

Стремительное наступление немецких войск не позволило осуществить эвакуацию промышленных предприятий из западных областей Белоруссии.

Эвакуация из Минска началась на второй день войны. 23 июня 1941 г. из города автотранспортом выехали семьи командного состава Западного Особого военного округа. 25 июня 1941 г. была официально создана эвакуационная комиссия. В это время руководство республики находилось в Могилеве, куда оно выехало

вечером 24 июня. Вопрос об эвакуации населения Минска в целом на комиссии не поднимался.

24–26 июня после сильных бомбардировок Минска германской авиацией начался массовый исход из города населения на восток. В этот период из города отправились в тыл более десятка поездов. Часть людей воспользовались автомобильным и гужевым транспортом. Большая часть беженцев передвигалась пешком по автомобильным и просёлочным дорогам. Многим из тех, кто шел пешком, далеко уйти удалось - одним дорогу перерезали передовые немецкие части, другие обессилели и вернулись назад.

В условиях панического бегства многие люди бросали всё своё имущество и в местах эвакуации оказывались без средств к существованию. В «Информации о состоянии учёта и трудоустройства эвакуированного населения БССР по Тамбовской области на 10 сентября 1941 г.» указывалось, что беженцы из Минска и Слуцка прибыли без необходимой одежды, вещей и денежных средств, зачастую даже потеряв в дороге членов своих семей. Из-за недостаточного питания и отсутствия одежды появились массовые заболевания у детей.

Советские власти не успели вывезти оборудование ни одного из 332 промышленных предприятий Минска, смогли эвакуировать лишь некоторую часть рабочих и инженерно-технического персонала.

Эвакуация приобрела более масштабный и планомерный характер с начала июля. Для оказания помощи многочисленным беженцам из западных и центральных областей и содействия отправке в тыл населения восточной части республики были созданы или расширили свою деятельность эвакуационные пункты в восточной Белоруссии и на прилегающей территории РСФСР. Они

размещались на основных железнодорожных, шоссейных и речных коммуникациях. Всего через эвакуационные пункты прошло примерно 230.000 жителей Белоруссии. Некоторым из них была оказана помощь продуктами питания, деньгами, одеждой и обувью.

Из восточных областей Белоруссии вывозились дети и детские учреждения — Гомельского и Могилёвского детдомов, Гомельской детской больницы, Полоцкого дома ребёнка и др. Всего летом 1941 г. из Белоруссии было эвакуировано 110 детских домов, 50 детских садов, 28 пионерских лагерей, 3 детских санатория и другие детские учреждения, в которых находилось более 16.000 детей.

Принимались меры к вывозу гражданского населения. Из Могилева в первую декаду июля было вывезено несколько тысяч человек, большую часть из них составляли женщины и дети. Из Гомеля лишь в период с 3 по 7 августа было вывезено около 9.000 женщин, детей и стариков.

Результаты эвакуации из Восточной Белоруссии были не одинаковы. На заседании ЦК КП(б)Б 12 февраля 1942 г. об этом рассказал первый секретарь республиканского ЦК партии Калинин: «В части эвакуации проделана большая работа, тем более при таком быстром наступлении противника, работая всё время под бомбёжкой. Если взять Полесье и Гомельскую область, там эвакуация прошла более полной. Из Витебской области станки вывезены все, но эвакуации почти не было, до 9 июня там была спокойная обстановка. Во всяком случае в городе Витебске с нашими предприятиями получилось несколько хуже».

По имеющимся данным из Витебской области вместе с предприятиями выехало 3.397 рабочих и членов их семей, из Могилёвской области — 1.040 человек, а из Гомельской области — 9.446 человек.

В середине июля члены партийного и государственного руководства Белоруссии приехали из Москвы в Гомель и активизировали работу по эвакуации промышленности и населения. Имеется свидетельства, что в ряде мест Юго-Восточной Белоруссии (Ельск, Калинковичи, Хойники, Туров, Жлобин, Речица, Гомель) местные власти агитировали еврейское население уезжать на восток и помогали с транспортом.

Мордехай Альтшулер приводит статистику, показывающую резкий рост числа еврейских беженцев в июле и особенно в августе 1941 г. С территории захваченной немцами до конца июня удалось спастись только 11% от проживавших там евреев. Из областей, занятых в первой и во второй половине июля — соответственно 43.6% и 48.8%. А из Гомельской области, оккупированной к концу августа, удалось выехать 77.4% евреев.

В то же время нееврейское население эвакуировалось очень неохотно. Об этом свидетельствует, например, докладная записка инструктора ЦК КП(б)Б Павловского секретарю ЦК КП(б)Б Эйдинову «О состоянии эвакуации населения г. Гомеля за 19 августа 1941 г. В ней отмечалось, что «несмотря на то, что город в своей центральной части полностью разрушен и сожжён, часть населения не эвакуировалась и категорически отказывалась от эвакуации, которую предлагали работники горкома».

Эвакуация из Белоруссии проходила в очень трудных условиях. Основные шоссейные и железнодорожные коммуникации были заняты отходящими на восток советскими войсками. Немецкая авиация постоянно бомбила и обстреливала движущихся по дорогам беженцев и железнодорожные эшелоны. По этой причине в период с 24 июня по 25 августа движение на Белорусской железной дороге прерывалось 49 раз. По оценке Альберта

Кагановича не менее 2 % беженцев из Белоруссии погибли от этих бомбёжек.

К осени 1941 г. определились основные регионы, куда были направлены людские потоки и материальные ресурсы из Белоруссии — Поволжье, Башкирская АССР, Тамбовская и Пензенская области и Средний Урал. Всего из Белоруссии было эвакуировано 83 крупных предприятия. Заводы и фабрики, эвакуированные из Белоруссии, были размещены в основном в Поволжье (40), на Урале (24), в средней полосе России (18) и в Западной Сибири (8).

Архивные документы дают ответ на вопрос о том, где именно было размещено эвакуированное население Белоруссии.

Согласно «Справке об эвакуации населения БССР», датированной 1 июля 1942 г., было зарегистрировано 120.000 эвакуированных с предприятий и учреждений рабочих и служащих. Они оказались в основном на территории РСФСР:

1. Саратовская область — 16.000
 2. Татарская АССР — 10.600
 3. Башкирская АССР — 9.200
 4. Куйбышевская область — 17.300
 5. Пензенская область — 16.000
 6. Свердловская область — 8.000
 7. Сталинградская область — 9.500
 8. Тамбовская область — 6.000
 9. Молотовская область — 10.000
 10. Новосибирская область — 11.000
 11. Ивановская область — 1.300
 12. Прочие — 2.900
- Итого по РСФСР — 117.000

13. Туркменская ССР — 1.600

14. Армянская ССР — 600

Всего учтено — 120.100 человек.

Кроме того, по данным Переселенческого управления при СНК СССР на 15 ноября 1941 г. в Казахстане находилось 13.239 эвакуированных и беженцев из Белоруссии, в Узбекистане — 5179, а в Таджикистане — 599.

Изучение списков эвакуированных из Белоруссии, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ), показывает, что большинство жителей Минской области оказалось в Саратовской, Тамбовской, Куйбышевской и Пензенской областях, а также в Татарской АССР, Кировской, Молотовской, Горьковской, Чкаловской, Орловской областях и в Казахстане.

По данным за сентябрь 1941 г. семьи партийных и советских работников были эвакуированы из Белоруссии в различные республики, края и области РСФСР, Харьковскую, Сталинскую и Ворошиловградскую области Украины и в Казахстан.

Попытаемся примерно оценить размеры эвакуации населения из Белоруссии. В советской историографии существенно завышались и данные о количестве эвакуированных по союзным республикам. Так, по Белоруссии до сих пор, как правило, используются две оценки — 1.500.000 и 1.000.000 эвакуированных. Первая из этих цифр появилась впервые в 1967 г. в «Очерках истории Коммунистической партии Белоруссии» со ссылкой на документы за июнь 1941 г. — апрель 1942 г. из личного архива бывшего заместителя председателя СНК БССР И. Крупени, хранящиеся в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Проведенная нами проверка показала, что в бумагах И. Крупени не имеется обобщенных данных

о количестве эвакуированных из Белоруссии. В рассматриваемый период СНК БССР еще не располагал подобной информацией. Поэтому вышеуказанная цифра по-видимому является плодом фальсификации.

Вторую оценку предложил в книге «Эшелоны идут на Восток», вышедшей в 1966 г., И. Белоносов со ссылкой на документы Центрального партийного архива. В указанном им деле содержится информация Гомельского обкома партии о положении в области в июле 1941 г., в том числе об эвакуации, но ничего не говорится о количестве эвакуированных из Белоруссии.

Новые архивные данные о миллионе эвакуированных из Белоруссии опубликовала в 1972 г. Г. Олехнович. Она использовала черновой, ориентировочный расчет численности эвакуированного населения с оккупированной территории СССР, сделанный работниками отдела труда Госплана СССР в 1942 г. Даже поверхностный анализ этого документа показывает, что цифры в нем взяты, что называется «с потолка». Сообщается, что из Ленинградской области (без Ленинграда) было эвакуировано 980.000 человек, из Смоленской области – 255.000 человек, из Тульской области – 770.000 человек, из Калининской области – 780.000 человек, из Орловской области – 675.000, из Крыма – 250.000 человек и так далее. Для сравнения приведем данные Переселенческого управления на 1 декабря 1941 г. о количестве эвакуированных, включенных в именные списки, по областям выхода: Смоленская область – 62.678 человек, Тульская область – 8.932 человек, Калининская область – 25.112 человек, Орловская область – 27.890 человек. Сама Г. Олехнович через некоторое время отказалась от предложенной ею цифры и стала поддерживать версию о полутора миллионах эвакуированных. Таким образом, принятые в научной литературе оценки численности

эвакуированных из Белоруссии, не имеют под собой серьезной документальной базы.

В последнее время в Белоруссии ставятся под сомнение официальные данные. По подсчетам Э. Иоффе, изучившего именные списки эвакуированных из Белоруссии, они завышены по меньшей мере в 2–3 раза. В статье, посвященной теме людских потерь Белоруссии в годы войны, О. Лицкевич оценил количество эвакуированных из Белоруссии в 250.000–300.000 человек. Он считает, что если бы из областей Восточной Белоруссии, из которых в основном и проводилась эвакуация, выехали 1.500.000 человек и 500.000 призывников, то города в этих регионах буквально обезлюдели бы.

По данным на 1 декабря 1941 г. в списки, поступившие в Управление по эвакуации населения, было включено 262.769 эвакуированных из Белоруссии. Эвакуация населения из Белоруссии проходила с первых дней войны и завершилась в начале сентября 1941 г., поэтому можно предположить, что в эти списки попало большинство эвакуированных из республики. Весной 1943 г. отделом по обслуживанию эвакуированного населения при СНК БССР было охвачено именованным учетом 185.800 эвакуированных из Белоруссии. Из них 152.100 на территории РСФСР, 20.600 – в Узбекистане, 9.700 – в Казахстане, 1.600 человек – в Туркмении и 1.800 человек – в других республиках СССР. По сведениям СНК РСФСР к концу 1943 г. в РСФСР находилось 180.100 эвакуированных из Белоруссии.

Приведенные нами цифры свидетельствуют о том, что общая численность эвакуированного населения из Белоруссии не превышала нескольких сотен тысяч человек. Анализ именных списков эвакуированных из Белоруссии показывает, что примерно

50% от всех эвакуированных из республики составляли евреи. Как правило, среди тех, кто выехал с предприятиями и организациями, евреев было меньше половины, а среди беженцев – больше. Как указывается в ряде исследований с начала войны удалось выехать 150.000–200.000 белорусским евреям. Следовательно, всего из Белоруссии эвакуировалось 300.000–400.000 человек, что в 3–4 раза меньше, чем считалось ранее.

Литература

1. Мордехай Альтшулер. «Эвакуация и бегство евреев Восточной Белоруссии в период Катастрофы (июнь-август 1941 года)» // *Современное еврейство*. №3. 1986. С. 119 (на языке иврит).
[מרדכי אלטשולר. הפינוי והמנוסה של יהודים מביילורוסיה המזרחית בתקופת השואה (יוני-אוגוסט 1941) // יהדות זמננו. שנתון לעיון ולמחקר ג (תשמ"ו) 119-158]
2. Вадим Дубсон. Эвакуация еврейского населения СССР в 1941–1942 гг.: цифры и факты // *В тени Катастрофы: Беженцы, эвакуация и блокада. Неопубликованные воспоминания беженцев, блокадников, эвакуированных. СССР, 1939–1946*. Иерусалим, 2021. С. 505–524.
3. Альберт Каганович «Ташкентский фронт»: *Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва. Иерусалим, 2023.
4. Дов Левин. «Судьбоносное решение: бегство евреев во внутренние районы СССР летом 1941 года» // *Яд Вашем: Исследования. Часть 1*. Иерусалим, 2009. С. 43–71.

Вадим Дубсон

Эвакуация населения из Украины

Эвакуация из Украины населения, промышленных предприятий, различных учреждений и организаций продолжалась с июля до середины октября 1941 г. — около 4-х месяцев. Из Правобережной Украины она осуществлялась в июле-августе, а из Левобережной Украины — в августе-октябре. Большая часть территории Украины была захвачена немецкой армией к ноябрю 1941 г. В 1942 г. эвакуация проходила с территории Ворошиловградской (совр. Луганской) области.

На территориях, присоединённых к СССР перед войной эвакуация началась уже в июне. По плану первоочередной эвакуации населения, принятому в начале июля 1941 г., планировалось вывезти из западных областей Украины 400.000 человек. Фактически, из-за быстрого продвижения противника, организовано вывозились только важные учреждения, их работники, семьи военнослужащих. С аннексированных территорий сумели эвакуироваться или бежать лишь 114.700 человек.

На старой советской территории, из Каменец-Подольской, Житомирской и Винницкой областей удалось провести лишь частичную эвакуацию. В первых числах июля 1941 г. больших размеров достигли эвакуационные перевозки из областей Правобережной Украины. Уже 2 июля на Винницкой железной дороге было в движении 29 эшелонов с людьми, на Южной — 16, на Юго-Западной — 10. С 24 июня по 18 июля только на одной Южной дороге проследовало на восток 349 эшелонов с эвакуированным населением.

Из областей, объявленных на военном положении, власти часто опасались разрешать эвакуацию населения. Об этом вспоминает бывшая узница гетто в Изяславе Каменец-Подольской области Тойба Штерн: «Многие жители хотели уехать, но в городском клубе созвали собрание: «Не сейте панику. Не уезжайте, — звучал приказ».

ЦК Компартии Украины направило 4 июля 1941 г. всем партийным и советским организациям специальную директиву о форсировании эвакуационных мероприятий. 10 июля Сталин направил телеграмму на имя руководителя республики Хрущёва, в которой дал конкретные указания по проведению эвакуации:

«Государственный комитет обороны обязывает вас ввиду отхода войск и только в случае отхода в районе 70-вёрстной полосы от фронта увести всё взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток».

Большая часть подвижного состава была загружена промышленным оборудованием и другими материальными ценностями. В связи с этим появились маршевые колонны — когда население уходило на восток вместе с отступавшими войсками. Множество людей эвакуировалось неорганизованно. Беженцы пользовались всеми доступными средствами передвижения.

Поток неорганизованных беженцев иногда превосходил по своим размерам организованную эвакуацию. Например, в справке Одесского обкома партии ЦК КП(б)У 15 октября 1941 г. отмечалось:

«Эвакуировано из города железнодорожным и водным транспортом 216.500 человек. В том числе: из районов Одесской области – 1.500, граждан Бессарабии – 60.000, членов семей военнослужащих – 18.000, граждан г. Одессы – 137.000. В указанное количество эвакуированных не вошли люди, эвакуация которых проходила помимо эвакуопункта различными способами и средствами передвижения (автотранспорт, гужтранспорт, железнодорожный транспорт до прекращения продажи билетов и пр.) По предварительным данным всего выбыло из города около 400 тысяч человек».

Население Одессы было приблизительно равно 600.000 человек. Город покинуло, таким образом, две трети жителей, 155.000 (25%) организовано и примерно 250.000 (42%) бежали самостоятельно. Из Одессы выехало около 50% еврейского населения, примерно 100.000 человек.

Для тех, кому удавалось бежать самостоятельно, условия эвакуации были неодинаковы. Об этом в письме на имя Сталина написал житель Одессы И. Ковалёв:

«Наблюдались ещё такие факты, что ряд жуликов, набивших карманы деньгами, забирали свои семьи и имущество своё грузили на машины и уезжали, даже собачек комнатных брали с собой и ехали под зонтиками, а тысячи 14-летних учеников школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ шли пешком строем, заливаясь потом и слезами от жары».

Среди беженцев с Украины евреи составляли большинство. Приведем только два примера. Один из евреев, который был в Киеве 8–10 июля 1941 г., обратил внимание на то, что

большинство пассажиров, пливших на корабле «Феликс Дзержинский», в основном женщин, детей и стариков, составляли евреи-беженцы из различных городов и местечек Украины. В другом случае еврей, беженец из Харькова, рассказал о том, что дороги, по которым шли отступавшие советские войска, были заполнены беженцами, большинство из которых были евреями, что вызывало враждебную реакцию у советских солдат.

В июле с приближением немецких войск к полосе обороны Юго-Западного и Южного фронтов возникла необходимость массовой эвакуации населения и производственного оборудования промышленных районов Приднепровья. Только через Киевский железнодорожный узел было отправлено на Восток 450 эшелонов.

Из Киева в течение двух месяцев были демонтированы и полностью вывезены

в тыл 197 предприятий, из них 64 предприятия союзного подчинения, 88 предприятий

республиканского подчинения и 45 предприятий местной городской промышленности. В городе осталась только часть предприятий, без которых невозможно было обеспечить оборону.

Население Киева перед войной насчитывало 850.000–900.000 человек. Согласно переписи населения, проведенной немцами на 1 апреля 1942 г., в городе оставалось 352.000. Киевский горком партии сообщал, что из города было эвакуировано 335 тыс. человек, примерно половину из них составляли евреи.

Похожая картина наблюдалась и в других больших городах Украины. В Харькове, насчитывавшем перед войной около 900.000 человек, оставалось в декабре 1941 года 456.639 человек. Только в сентябре 1941 г. из Харькова было эвакуировано в Саратовскую, Сталинградскую области и Казахскую ССР 100.000 женщин и детей. Население Днепропетровска сократилось с 528.000 человек перед войной до 166.000 человек в начале немецкой оккупации.

Об эвакуации промышленных предприятий написал один из руководящих работников Днепропетровской области К. Грушевой:

«Для проведения полного демонтажа этих заводов, для погрузки станков и различного оборудования в железнодорожные составы мы имели считанные дни. Эвакуацию провели организованно, без нервозности и спешки. Оборудование, буквально до последнего винтика и гайки, установили и уложили на своевременно поданные платформы. Инженерно-технический персонал, рабочих и служащих обеспечили продовольствием, деньгами и усадили в теплушки. К середине июля был отправлен последний, как мы его называли «специальный» эшелон».

С июля по октябрь 1941 г. в тыл было эвакуировано 550 крупных заводов, в том числе 125 союзного подчинения и 283 союзно-республиканского подчинения. Из Украины эвакуировались АН УССР, 19 институтов с ценным оборудованием, 16 ведомственных институтов, члены творческих союзов, более 70 вузов.

Эвакуировали и рабочую молодёжь. Согласно постановлениям Совета по эвакуации от 17 августа и 9 октября

1941 г. только из Днепропетровской, Полтавской и Сталинской областей было вывезено в тыл 76.700 учащихся, преподавателей и обслуживающего персонала ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО.

Переселение сельских жителей на восток проводилось по постановлению правительства Украины и ЦК КП(б)У от 4 сентября 1941 г. В областях и районах были составлены списки эвакуируемых колхозов и совхозов, были поданы заявки на транспорт и производился вывоз населения. Так из Запорожской области осуществлялся переезд в Саратовскую область. Также эвакуировались МТС. В сопровождении колхозников и рабочих совхозов сельскохозяйственная техника и поголовье скота отправлялись на восток, в основном своим ходом.

Распоряжением командующего Юго-Западным фронтом Кирпоноса (август 1941 года) одновременно с эвакуацией семей начсостава местных гарнизонов и семей ответственных и инженерно-технических работников, надлежало эвакуировать и семьи начсостава, ответственных партийно-советских и инженерно-технических работников, ранее прибывших по эвакуации из Западной и Правобережной Украины.

Советские власти с августа 1941 г. проводили массовую эвакуацию гражданского населения («членов семей рабочих и служащих») на Украине. Приведём несколько примеров.

По постановлению Совета по эвакуации СЭ-68с от 7 августа 1941 г. проводился вывоз населения из Никополя, Кривого Рога, Запорожья, Днепродзержинска и Днепропетровска в

Орджоникидзевский (совр. Ставропольский) и Краснодарский края в течение 10 дней по 1–2 эшелона из каждого города.

По распоряжению Совета по эвакуации № 5521 от 19 августа 1941 г. эвакуировалось 100.000 человек из Запорожской области, 75.000 человек – из Днепропетровской области и 40.000 человек – из Полтавской области, всего 215.000 человек.

По постановлению Совета по эвакуации СЭ-90с вывозилось 25.000 человек из прифронтовых районов Сумской области в Мордовскую АССР.

По распоряжению Совета по эвакуации № 14185 от 9 октября 1941 г. эвакуировалось 30.000 женщин и детей из г. Сталино (совр. Донецк) в Казахстан, для чего было выделено 750 вагонов.

Власти принимали меры для оказания помощи эвакуированным в пути следования. Так, обком партии и облисполком Днепропетровской области в постановлении от 31 июля 1941 г. обязали районные партийные и советские организации «обеспечить эвакуируемое население медицинской помощью, необходимым питанием (горячие блюда, хлеб, чай, сахар, а для детей молоко, манная и рисовая каша и др.) за минимальную плату».

Согласно справке от 4 августа 1941 г., подготовленной для Совета по эвакуации первым секретарём Полтавского обкома партии Марковым, в первую очередь подлежали эвакуации семьи следующих категорий работников:

«Работники парторганов. Работники НКГБ. Работники НКВД. Ответственные работники исполкомов. Работники

заготовительных, сбытовых, торговых организаций. Работники банков. Работники юстиции. Руководители и специалисты трестов. Руководители и ИТР предприятий. Руководители и ИТР промкооперации. Руководители и ИТР железных дорог. Преподаватели вузов, научные работники и учителя средних школ. Врачи. Агрономы. Ветврачи и зоотехники. Командный политначсостав. Квалифицированные рабочие».

В советской историографии общее количество эвакуированных с Украины в 1941 г. оценивается в 3.500.000–4.000.000 человек. Однако еще 35 лет назад А. Перковский и С. Пирожков опубликовали статистические данные, подготовленные Государственным комитетом УССР по статистике, согласно которым общая численность эвакуированных с Украины составила 1.934.300 человек, в том числе из восточных областей республики 1.819.600 или 94 % общего числа. По мнению этих украинских исследователей сторонники тезиса о многомиллионной эвакуации не учитывают того обстоятельства, что пропускная способность железных дорог была ограничена, поскольку нужно было не только осуществлять эвакуацию, но и производить военные и другие перевозки.

На Украине больше всего эвакуированных выехало из следующих областей: Киевская область (включая Киев) — 301.900 человек; Харьковская — 270.100 человек; Днепропетровская — 209.900 человек; Сталинская (совр. Донецкая) — 182.700 человек; Одесская — 182.700 человек; Запорожская — 122.200 человек; Ворошиловградская (совр. Луганская) — 106.300 человек. В общей сложности это

составляет 1375.800 человек или 71% всех эвакуированных из Украины.

По переписи 1939 г. на Украине проживало 1.532.776 евреев или 4,95% всех жителей. Они были на третьем месте по численности после украинцев и русских, в том числе 1.310 336 евреев (85,5% всех евреев) проживали в городах, а 222 440 человек (14,5% всех евреев) составляли сельское население.

По областям Украины больше всего евреев проживало в Киевской — 297.409, Одесской — 233.155, Винницкой — 141.825, Харьковской — 136.746, Днепропетровской — 129.439 и Житомирской — 125.007. Из городов по численности еврейского населения лидировали Киев — 224.236, Одесса — 200.961, Харьков — 130.250 и Днепропетровск — 89.529 человек

В 1939–1940 гг. к территории Украины была присоединены аннексированные СССР территории т. н. Западной Украины, Северной Буковины и части Бессарабии, на которых проживало более 1.300.000 евреев.

С территорий, аннексированных СССР до начала германского вторжения, удалось выехать лишь несколькими десятками тысяч местных евреев (7–8%). Из западной части Украины в границах 1939 г., оккупированной немцами в июле, эвакуировалось не более одной трети еврейского населения.

Ситуация изменилась во второй половине июля. Из числа эвакуированных с 18 июля по 1 августа почти 94% составили выехавшие из прифронтовой полосы. Сложилась ситуация для проведения в более широких масштабах, чем ранее,

эвакуации населения из районов, оказавшихся под непосредственной угрозой захвата врагом.

С ростом числа выехавших из западных областей выросло и число евреев, которым удалось спастись от нацистов. Из центральных областей Украины, на территорию которых немцы вступили в конце июля, удалось эвакуироваться примерно 60% проживавших там евреев. Из Днепропетровска выехало две трети из 90.000 местных евреев.

Хорошие условия для эвакуации сложились у евреев Восточной Украины, оккупированной через несколько месяцев после начала войны. Из Харькова эвакуировали более 80% еврейских жителей города. Из Запорожской, Сумской, Сталинской, Харьковской (без самого Харькова) областей было эвакуировано более 70% еврейского населения.

По-видимому, процент евреев среди эвакуированных с Украины был несколько ниже, чем соответствующий процент эвакуированных из Белоруссии, но можно предположить, что их было около половины. Об этом свидетельствуют, например, следующие факты. К 1 сентября 1941 г. в Казахстан прибыли 24.258 эвакуированных, в том числе из Украины – 6.620 (из них только 41% украинцев). В Киргизию до конца 1941 г. прибыло из Украины 35.000 человек (из них только 33% украинцев).

По данным статистической обработки списков эвакуированного населения по СССР на 1 декабря 1941 г. было выявлено 654.628 эвакуированных из Украины, однако украинцев среди них было только 252.588 человек или примерно 38.6%. В то же время по переписи 1939 г. украинцы составляли 76% населения Украины.

В целом, с территории Украины удалось эвакуироваться примерно 1.000.000 евреев.

В первые месяцы войны эвакуированные с Украины были размещены в основном на юге России, а также в Средней Азии и Казахстане. Однако в ноябре-декабре 1941 г. и летом 1942 г. несколько сот тысяч из них выехало с юга России в Среднюю Азию и Казахстан. К концу 1943 г. на территории тыловых районов России было размещено лишь 581.900 выехавших с Украины из примерно 2.000.000 человек

Массовая реэвакуация на Украину началась в 1944 г., однако стремление евреев вернуться в родные места встречало открытое сопротивление местных властей. По этому поводу руководители Еврейского антифашистского комитета С. Михоэлс и Ш. Эпштейн обратились к председателю СНК СССР В. Молотову. В своём письме они писали: «Несмотря на то, что среди эвакуированных имеются квалифицированные кадры, которые могли бы оказаться весьма полезными в восстановлении разрушенных городов и сёл, им не дают возможности вернуться». По данным Статистического управления Украинской СССР на 1 января 1946 г. из-за ограничительных мер было задержано возвращение на Украину примерно 300.000 эвакуированных.

Библиография

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 541. Л. 137; Д. 544. Л. 297; Ф. А-259. Оп. 40. Д. 3053. Л. 15, 23, Д. 3517. Л. 10–11.
2. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 249. Л. 65–68.

3. Дов Левин. «Судьбоносное решение: бегство евреев во внутренние районы СССР летом 1941 года» // *Яд Вашем: Исследования*. Часть 1. Иерусалим, 2009. С. 43–71.
4. Альберт Каганович. «Ташкентский фронт»: *Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва. Иерусалим, 2023.
5. Арнольд Перковский, Сергей Пирожков. «Из истории демографического развития 30-40-х годов (на примере Украинской ССР)» // *Экономика. Демография. Статистика. Исследования и проблемы*. М., 1990. С. 190–191.
6. Mordechai Altshuler (ed.). *Distribution of the Jewish population of the USSR 1939*. Jerusalem, 1993.

Вадим Дубсон

Эвакуация евреев из Киева летом–осенью 1941 г.

*Киев накануне катастрофы: демография, война
и первые реакции*

К началу Великой Отечественной войны Киев являлся одним из крупнейших центров еврейской жизни в Советском Союзе. По данным переписи 1939 г., в городе проживало свыше 224 тыс. евреев, составлявших около 22,7% населения. Это была вторая по численности еврейская община СССР после Москвы, глубоко интегрированная в экономическую, культурную и административную структуру советского общества.

С началом войны Киев одновременно стал важным пунктом притяжения беженцев из западных областей, включая значительное число евреев, спасавшихся от немецкого наступления. Таким образом, к лету 1941 г. численность еврейского населения города временно увеличилась, что дополнительно усложняло задачи эвакуации и усиливало нагрузку на доступные ресурсы. Киев оказался включен в интенсивные миграционные потоки, что делало ситуацию в городе особенно динамичной и нестабильной.

В отличие от западных приграничных территорий, Киев находился на значительном удалении от линии фронта, что теоретически создавало благоприятные условия для организованной эвакуации. Однако уже начало войны 22 июня 1941 г. показало, что эти возможности не будут реализованы в полной мере. В первые часы город подвергся бомбардировкам, началась мобилизация, возникли первые

эвакуационные мероприятия. Тем не менее, на этом этапе эвакуация носила ограниченный и малозаметный характер, затрагивая прежде всего промышленное оборудование и узкие категории населения — квалифицированных специалистов и партийно-государственные кадры. Для большинства жителей, включая евреев, ситуация не выглядела катастрофической.

Отсутствие паники объясняется несколькими факторами. Во-первых, фронт в первые недели войны развивался неравномерно, и непосредственная угроза Киеву казалась отдаленной. Во-вторых, опыт предвоенных лет приучил население ориентироваться прежде всего на официальную информацию. В-третьих, сама идея тотального уничтожения евреев еще не была очевидной: радикализация нацистской политики происходила постепенно, и летом 1941 г. ее окончательные формы оставались неясными.

В результате уже в первые недели войны у значительной части еврейского населения не возникло ощущения срочной необходимости покинуть город. При этом Киев оказался пространством интенсивного обмена информацией: через него проходили мобилизованные, раненые и беженцы, в том числе евреи, уже столкнувшиеся с немецким наступлением. Их рассказы, а также сам факт их присутствия создавали альтернативный канал информации, который в отдельных случаях побуждал к эвакуации, но в целом не мог конкурировать с официальными источниками.

Советская политика эвакуации: приоритеты, механизмы и ограничения

Советская эвакуационная политика 1941 г. формировалась в условиях стремительно ухудшающейся военной ситуации и подчинялась прежде всего задачам обороны государства. Ее основной целью было сохранение экономического и управленческого потенциала страны, а не массовое спасение гражданского населения. В соответствии с этим приоритет отдавался эвакуации промышленности, транспорта, научных учреждений и кадров, представлявших ценность для функционирования государства.

В Киеве эта логика проявилась особенно отчетливо. Уже в конце июня началась эвакуация отдельных предприятий и научных учреждений вместе с их сотрудниками. Однако эти меры не носили массового характера и не распространялись на широкие слои населения. Более того, сама возможность эвакуации не становилась предметом публичного обсуждения, поскольку это противоречило задаче поддержания уверенности в удержании города.

Возможности эвакуации были принципиально неравномерными. Часть населения вывозилась по распоряжению властей, тогда как большинство должно было самостоятельно добиваться включения в эвакуационные списки или искать иные пути выезда. В результате решение об эвакуации далеко не всегда сопровождалось реальной возможностью его осуществления.

Административная система также выступала важным ограничивающим фактором. Эвакуация требовала разрешений, координации и транспортных ресурсов, прежде всего железнодорожных, которые в условиях войны были крайне ограничены и распределялись централизованно. Доступ к эвакуации зависел от социального статуса, профессиональной принадлежности и включенности в государственные структуры. Даже при наличии желания покинуть город многие сталкивались с практическими препятствиями: зависимостью от решений начальства, семейными обстоятельствами, мобилизацией родственников и быстро ухудшающейся военной ситуацией.

Ключевой проблемой стало отсутствие своевременно организованной массовой эвакуации. Даже в конце августа 1941 г., когда положение Киева резко ухудшилось, соответствующие меры принимались запоздало и реализовывались лишь частично. Приказ о масштабной эвакуации не был полностью выполнен из-за стремительного развития военной обстановки и фактического окружения города.

Для еврейского населения это означало, что эвакуация становилась во многом случайной возможностью. Те, кто обладал ресурсами или административным доступом, могли покинуть город, тогда как для большинства такая возможность оставалась ограниченной или отсутствовала вовсе.

Информационная среда и проблема восприятия угрозы

Решения об эвакуации принимались в условиях специфической информационной среды. Основным источником информации для населения оставалась советская пресса, прежде всего газета *Советская Украина*, продолжавшая выходить вплоть до падения города в сентябре 1941 г. Однако она выполняла преимущественно пропагандистские функции и находилась под строгим контролем цензуры.

Сообщения о нацистской антисемитской политике действительно публиковались, но они описывали положение евреев в Европе в рамках более широкой картины страданий различных народов. Это не подчеркивало исключительность еврейской судьбы и не формировало ощущения немедленной угрозы.

Не менее важным было замалчивание реальной военной ситуации вокруг Киева. Пресса практически не сообщала о бомбардировках города, продвижении немецких войск и угрозе окружения. Вместо этого акцент делался на устойчивости обороны и уверенности в победе. Даже в конце августа — начале сентября, когда положение стало критическим, официальные сообщения сохраняли оптимистический характер.

В результате складывалось противоречивое восприятие реальности: наличие сведений о жестокости немецкой политики сочеталось с отсутствием понимания непосредственной опасности для Киева.

Альтернативные источники информации — беженцы и раненые военнослужащие — частично компенсировали этот дефицит. Их рассказы могли усиливать тревогу, однако распространялись нерегулярно и часто воспринимались как слухи, тем более что распространение неофициальной информации каралось. Тем не менее, даже само присутствие этих людей подрывало ощущение стабильности.

Для еврейского населения это имело принципиальное значение. Отсутствие ясного и недвусмысленного сигнала о смертельной угрозе существенно снижало мотивацию к эвакуации, особенно с учетом всех сопутствующих трудностей.

Решение «уехать или остаться»: факторы и последствия

В этих условиях решение о том, покидать ли Киев, принималось на индивидуальном уровне и зависело от совокупности факторов.

Социальные и материальные обстоятельства играли первостепенную роль. Эвакуация требовала ресурсов — денег, связей, доступа к транспорту. Для многих семей она представлялась крайне сложной, особенно при наличии пожилых или больных членов. Кроме того, участие в мобилизационных и трудовых мероприятиях ограничивало возможность самостоятельного выезда.

Важным фактором становилась информация о происходящем за пределами города, прежде всего сведения о положении евреев в уже занятых районах. Однако доступ к такой информации оставался ограниченным, а ее влияние — непоследовательным.

Межличностные контакты также могли играть значительную роль. Встречи с беженцами или другими жителями, уже принявшими решение об эвакуации, иногда становились непосредственным стимулом к бегству. В то же время фиксировались и противоположные тенденции, включая рост антисемитских настроений, которые могли ускорять отъезд части евреев.

Психологические факторы дополняли эту картину. Доверие к советской власти, неспособность представить масштаб будущей катастрофы, а также ориентация на опыт предыдущих войн — в частности, немецкой оккупации 1918 г. — способствовали решению остаться. Внутри семей могли возникать и поколенческие различия, что нередко приводило к запоздалым решениям.

Особое значение имела временная динамика. В июне — начале июля эвакуация воспринималась как преждевременная, в июле — августе становилась все более актуальной, но оставалась затрудненной. В конце августа — начале сентября, с приближением фронта и дезорганизацией транспортной системы, возможности выезда резко сократились. Фактическое окружение Киева сделало массовую эвакуацию невозможной.

Таким образом, наиболее благоприятный период для эвакуации приходился на июль — начало августа 1941 г., тогда как позднейшие попытки покинуть город чаще всего оказывались безуспешными. В результате значительная часть еврейского населения осталась в городе к моменту его захвата немецкими войсками 19 сентября 1941 г.

Заключение

Эвакуация евреев из Киева летом–осенью 1941 г. была результатом сложного взаимодействия государственной политики, информационной среды и индивидуальных решений. Советская система, ориентированная на военные и экономические приоритеты, не обеспечила своевременной массовой эвакуации гражданского населения. Одновременно пропагандистская модель информирования не позволила сформировать у евреев ясное представление о специфической угрозе.

В этих условиях выбор между эвакуацией и пребыванием в городе часто оказывался не столько осознанным решением, сколько следствием ограниченных возможностей и искаженного восприятия реальности. Киевский случай демонстрирует, что масштабы катастрофы были обусловлены не только действиями нацистов, но и структурными особенностями советской системы управления и информации, которые существенно ограничили шансы на спасение значительной части еврейского населения.

Литература

1. Kiril Feferman. *Prelude to Babyn Yar: Soviet Print Media and the Dilemma Facing Kyiv's Jews in Summer 1941*. *East European Jewish Affairs* (2025): 1–17.
2. Oksana Maljutina. "The tragedy of the South-Western Front: Kyiv disaster of 1941." *Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ* 99, no. 4 (2022): 58–68.
3. Valerii Smolii, et al., eds. *Kyiv: viina, vlada, suspil'stvo. 1939–1945 rr. (za dokumentamy radians'kykh spetssluzhb ta natsysts'koi okupatsiinoi administratsii)*. Kyiv: Tempora, 2014.
4. David Stahel. *Kiev 1941: Hitler's Battle for Supremacy in the East*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Эвакуация евреев из Одессы (1941)

Введение

Эвакуация еврейского населения из Одессы в 1941 г. представляла собой краткий, но интенсивный процесс, полностью определявшийся ходом военных действий на южном направлении. В отличие от ряда других регионов СССР, где эвакуация растягивалась на более длительный период, в Одессе она была ограничена несколькими месяцами — от начала войны до падения города в октябре 1941 г.

Как и в других крупных центрах, решение об эвакуации носило двойственный характер: с одной стороны, существовали организованные каналы вывоза, с другой — значительная часть населения должна была самостоятельно принимать решения в условиях ограниченной информации и быстро ухудшающейся обстановки. При этом многие представители населения, включая евреев, до последнего момента не воспринимали угрозу как экзистенциальную, что снижало готовность к немедленному отъезду. Для еврейского населения это имело особое значение, поскольку именно оно находилось в зоне специфической угрозы, не полностью осознаваемой в тот момент.

По переписи 1939 г. в Одессе проживало свыше 200 тыс. евреев (более 30% населения). К лету 1941 г. их численность возросла за счёт беженцев из западных областей и недавно присоединённых территорий. Таким образом, к началу войны в городе находилась крупная еврейская община, значительная часть которой оказалась вовлечена в процессы эвакуации. Часть этих потоков включала организованную эвакуацию отдельных групп, в том числе детей и

воспитанников государственных учреждений, направлявшихся вглубь страны. Одновременно концентрация значительного числа беженцев усиливала нагрузку на транспортную инфраструктуру города и снижала возможности для организованного вывоза населения.

Начальный этап (июнь – июль 1941 г.)

В первые недели войны Одесса находилась вне непосредственной угрозы захвата. Город функционировал как тыловой центр, принимая эвакуированных и беженцев. В этих условиях эвакуация носила ограниченный и выборочный характер. При этом наличие Одессы как крупного порта создавало потенциальные возможности для эвакуации, которые на данном этапе использовались лишь частично.

Вывоз осуществлялся прежде всего в отношении:

- работников промышленности;
- специалистов;
- административного аппарата;
- отдельных категорий гражданского населения.

Отдельное место занимала эвакуация детских учреждений, что отражало приоритетность спасения определённых категорий населения.

Тем самым эвакуация изначально строилась не как универсальная мера спасения населения, а как управляемый процесс сохранения человеческих ресурсов.

Часть еврейского населения, связанная с этими сферами, была включена в организованные эвакуационные потоки. Таким образом, эвакуация евреев на данном этапе носила выборочный характер и зависела от их профессионального и социального положения. Это соответствовало общей логике

советской эвакуационной политики, в рамках которой приоритет отдавался тем категориям населения, которые рассматривались как ценные для государства. Однако для большинства евреев эвакуация не рассматривалась как неотложная мера. Это приводило к тому, что значительная часть евреев не предпринимала активных попыток покинуть город в начальный период войны. Даже наличие беженцев из западных районов, приносивших сведения о преследованиях, не приводило к радикальному изменению поведения, поскольку эти сведения воспринимались как частные и не всегда достоверные. Вследствие этого специфическая направленность нацистской политики против евреев не была в полной мере осознана даже внутри самой еврейской общины. Это особенно проявилось в Одессе, где переход от военной угрозы к целенаправленному уничтожению произошёл стремительно и не оставил времени для адаптации поведения. Свидетельства очевидцев показывают, что даже среди евреев сохранялось представление о возможности переждать военные действия в городе, без немедленной необходимости эвакуации. В ряде детских воспоминаний подчёркивается, что решения об эвакуации принимались внутри семьи и часто откладывались взрослыми, не считавшими отъезд срочным.

Ключевым фактором оставалась неопределённость. Несмотря на сообщения о преследованиях евреев в Европе, их масштаб не воспринимался как непосредственная угроза. Официальная информация оставалась ограниченной, а частные сведения — фрагментарными и противоречивыми. В результате значительная часть населения заняла выжидательную позицию. Как показывают индивидуальные

свидетельства, в том числе воспоминания очевидцев, даже в условиях нарастающей угрозы многие евреи воспринимали происходящее как временное ухудшение ситуации. Это, в свою очередь, способствовало откладыванию решений об эвакуации. В ряде воспоминаний подчёркивается, что решение «подождать ещё немного» рассматривалось как рациональное и безопасное. В условиях Одессы подобные ожидания оказались особенно опасными, поскольку развитие событий носило ускоренный характер. При этом для детей происходящее нередко воспринималось как тревожное, но не объяснялось как непосредственная угроза уничтожения. Ожидание развития ситуации становилось доминирующей стратегией поведения, откладывая решение об эвакуации до момента резкого ухудшения обстановки.

Ускорение эвакуации (август – сентябрь 1941 г.)

С началом боёв за Одессу и приближением фронта эвакуация резко активизировалась. В этот период увеличивается число как организованных, так и стихийных форм выезда.

Особенностью Одессы являлось наличие морских путей эвакуации. Морская эвакуация приобретала особое значение в условиях приближения фронта и частичного нарушения железнодорожных коммуникаций. Это было связано, в том числе, с перегрузкой железнодорожной сети, значительная часть которой использовалась для нужд фронта, что ограничивало возможности вывоза гражданского населения. Наряду с железнодорожным транспортом использовался морской вывоз населения, что расширяло возможности эвакуации, но не устраняло её ограничений. Одновременно порт и суда подвергались регулярным воздушным атакам, что

ограничивало пропускную способность эвакуации и увеличивало риски для эвакуируемых. В последние недели обороны города морским путём было эвакуировано более 100 тыс. человек, что подчёркивает масштаб и одновременно предельное напряжение эвакуационных возможностей на завершающем этапе. Эта эвакуация осуществлялась в условиях постоянной угрозы с воздуха и ограниченного числа судов, что придавало ей экстремальный характер.

По оценкам, в ходе эвакуации и мобилизации город покинули до 40–50% еврейского населения. Тем самым существенная доля еврейского населения оказалась вне эвакуационных потоков даже в период их максимальной интенсивности. Даже при максимальной мобилизации эвакуационных ресурсов возможности вывоза не соответствовали численности еврейского населения города. Это отражало структурную особенность советской эвакуации, при которой возможности выезда определялись не только угрозой, но и местом человека в системе приоритетов государства.

Процесс эвакуации евреев оставался неравномерным:

- доступ к эвакуации зависел от социальной и профессиональной принадлежности (В результате доступ к эвакуации носил иерархический характер);
- беженцы имели ограниченные возможности выезда;
- значительная часть семей оказывалась разделённой (Это было связано, в том числе, с тем, что отдельные категории, такие как дети в учреждениях, эвакуировались организованно, тогда как взрослые члены семьи часто оставались);

- пожилые и маломобильные группы чаще оставались в городе.
- В частности, организованные формы эвакуации охватывали преимущественно институциональные группы, тогда как значительная часть семей должна была действовать самостоятельно.

Поведение населения в этот период во многом определялось предыдущими установками: даже при наличии возможностей выезда часть людей продолжала откладывать эвакуацию. Это особенно отчётливо проявлялось среди евреев, для которых запаздывание с отъездом оказывалось критическим. В воспоминаниях подчёркивается, что даже при наличии возможностей эвакуации семьи нередко откладывали отъезд, опасаясь разрыва семьи или потери имущества. Одновременно Одесса выполняла функцию транзитного пункта, что перегружало транспортную инфраструктуру и снижало эффективность эвакуации.

Завершающий этап (октябрь 1941 г.)

К началу октября 1941 г. возможности эвакуации резко сократились. Морской вывоз, ранее игравший ключевую роль, к этому времени также был существенно ограничен. Сужение транспортных каналов и приближение фронта привели к фактическому прекращению организованного вывоза населения. К этому моменту эвакуационная система утратила способность функционировать как организованный механизм.

В результате эвакуация приобретает фрагментарный характер и ограничивается отдельными возможностями выезда. Эвакуация зависела уже не от организованных

решений, а от случайных и индивидуальных возможностей покинуть город. Значительная часть населения, не успевшая покинуть город ранее, уже не имела реальных шансов на эвакуацию. Решения, принятые на более ранних этапах — прежде всего отказ от своевременного отъезда — в этот момент становились необратимыми. Позднейшие свидетельства выживших прямо связывают трагические последствия с промедлением на ранних этапах эвакуации. Особенно отчётливо это проявляется в детских воспоминаниях, где задержка с эвакуацией воспринимается как ключевой переломный момент в судьбе семьи.

К моменту вступления румынских войск в Одессу 16 октября 1941 г. в городе находилось от 100 до 120 тыс. евреев, включая значительное число беженцев. Это означало, что значительная часть еврейского населения оказалась фактически отрезанной от путей эвакуации. Тем самым именно евреи составили основную группу, лишённую возможности покинуть город к моменту оккупации.

Факторы неудачи эвакуации

Неполная эвакуация еврейского населения Одессы была обусловлена сочетанием нескольких факторов:

- ограниченные транспортные ресурсы;
- приоритетность эвакуации определённых категорий населения;
- перегруженность города беженцами;
- быстрое ухудшение военной обстановки;
- конкуренция между эвакуацией гражданского населения и военными перевозками;

- позднее принятие решений об отъезде;
- недооценка характера нацистской политики.

Для еврейского населения этот фактор имел решающее значение, поскольку речь шла не просто о военной угрозе, а о политике целенаправленного уничтожения.

Существенную роль играло и то, что даже в условиях нарастающей угрозы значительная часть населения продолжала интерпретировать происходящее в рамках прежнего опыта, не предполагая перехода к массовому уничтожению.

Как и в других регионах, решающую роль играло время: многие решения принимались в момент, когда возможности эвакуации уже были существенно ограничены.

Итог

Эвакуация евреев из Одессы в 1941 г. носила кратковременный, но интенсивный характер и развивалась в условиях нарастающей военной угрозы. Она сочетала элементы организованной политики и стихийного поведения населения при ограниченных ресурсах и в условиях нарастающего военного давления и характеризовалась значительной неравномерностью.

Несмотря на то что значительная часть еврейского населения смогла покинуть город, десятки тысяч людей остались в Одессе к моменту её оккупации. Это обстоятельство во многом предопределило масштабы последующего уничтожения еврейского населения города. Тем самым динамика эвакуации оказалась связана не только с военной ситуацией, но и с особенностями восприятия угрозы, во многом определившими поведение еврейского населения

в критический момент. При этом эвакуация носила частично институциональный характер, что усиливало неравномерность её результатов для различных групп еврейского населения.

Мемуарные источники подтверждают, что именно ошибки в оценке угрозы играли ключевую роль в решении остаться в городе. Свидетельства, зафиксированные в детской памяти, подчёркивают, что эти решения часто принимались в условиях неполного понимания происходящего и переоценки устойчивости прежнего уклада жизни. Таким образом, граница между эвакуированными и оставшимися в Одессе в октябре 1941 г. во многом совпала с границей между спасением и гибелью. В условиях Одессы этот переход носил особенно быстрый и фактически необратимый характер.

Литература

1. *История Холокоста в Одесском регионе*. Сборник статей и документов. Михаил Рашковецкий (составитель). Одесса: Студия «Негоциант», 2006.
2. *Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 годах*. Круглов А. И. (составитель) Киев, 2002.
3. Ovcharenko Nikolai. *Odessa 1941-44: defence, occupation, resistance & liberation*. Translated & edited by Stuart Britton. Solihull, West Midlands, England: Helion & Company, 2018.

Эвакуация евреев из Крыма (1941–1942 гг.)

Введение

Эвакуация еврейского населения Крыма в 1941 г. представляла собой масштабный, но неравномерный процесс, начавшийся уже в первые недели войны и развивавшийся в условиях стремительного ухудшения военной обстановки. В отличие от Одессы, где эвакуация носила сжатый по времени характер, в Крыму она началась раньше, однако также не обеспечила полного вывоза еврейского населения.

По переписи 1939 г. в Крыму проживало свыше 65 тыс. евреев, включая более 7 тыс. крымчаков. Значительная часть еврейского населения была сосредоточена в городах, однако существенная доля проживала в сельской местности, в том числе в еврейских колхозах. К 1939 г. доля евреев, проживавших в сельской местности Крыма, была значительно выше, чем в среднем по СССР, что придавало эвакуации в регионе выраженную сельскую специфику.

Начальный этап (июль – август 1941 г.)

Эвакуация из Крыма началась уже в июле 1941 г., что было связано с быстрым продвижением немецких войск на южном направлении. Практическое руководство эвакуацией на месте осуществляли Крымский обком ВКП(б), Совет народных комиссаров Крымской АССР и созданные при них эвакуационные комиссии, координировавшие вывоз населения, предприятий и учреждений через Симферополь, Джанкой и Керчь. В рамках этих мероприятий осуществлялся также вывоз медицинских учреждений, включая больницы и

госпитали, вместе с частью пациентов и медицинского персонала.

В отличие от ряда других регионов, здесь раннее начало эвакуации создавало потенциально более благоприятные условия для вывоза населения. Вместе с тем географическое положение полуострова изначально ограничивало возможности эвакуации: фактически Крым имел лишь узкие сухопутные выходы через Перекопский перешеек и зависел от функционирования портов и морского сообщения. Уже в июле — августе 1941 г. эвакуационная система испытывала серьёзную перегрузку, связанную с одновременным перемещением промышленности, воинских частей и гражданского населения. 14 августа 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования предписала ускорить вывоз с полуострова всего ценного имущества и населения, не задействованного в обороне.

Это решение способствовало ускорению эвакуационных мероприятий. По состоянию на 20 августа 1941 г. с полуострова было эвакуировано около 51 тыс. человек; всего же в ходе эвакуации полуостров покинули около 270 тыс. человек. Ключевыми эвакуационными узлами выступали Симферополь как административный центр, железнодорожные станции Джанкой и Владиславовка, а также порты Севастополя, Керчи, Феодосии и Ялты. Севастополь играл особую роль как крупнейший порт полуострова, через который осуществлялся вывоз как военных, так и гражданского населения.

При этом евреи составляли лишь часть эвакуационного потока, и их доля зависела от включённости в организованные каналы эвакуации и от возможностей самостоятельного выезда.

Значительная часть евреев покидала полуостров не по прямому распоряжению властей, а используя возможности, создаваемые эвакуационными мероприятиями.

Среди эвакуируемых значительную долю составляли дети, в том числе вывезенные в составе детских домов и школ, а также вместе с семьями. Эвакуации подлежали также детские дома, интернаты и другие учреждения, часть которых была выведена с полуострова организовано вместе с воспитанниками. Среди воспитанников этих учреждений находились и еврейские дети, включая детей беженцев, ранее прибывших в Крым.

Основные потоки направлялись в Краснодарский и Ставропольский края, а также в республики Закавказья и Средней Азии. Значительная часть эвакуируемых направлялась через Керченский пролив на Таманский полуостров, откуда следовала далее в Краснодарский край, либо морем в порты Кавказского побережья. Перемещение осуществлялось как железнодорожным транспортом через Перекоп и Керченский полуостров, так и морскими путями из крымских портов, прежде всего Севастополя и Керчи, что придавало эвакуации комбинированный характер. Однако морская эвакуация, игравшая ключевую роль, осуществлялась в условиях постоянной угрозы со стороны немецкой авиации, что существенно снижало её эффективность.

Часть еврейского населения была включена в эти потоки, прежде всего через организованные формы эвакуации. Это касалось и еврейских пациентов медицинских учреждений, эвакуация которых проводилась в составе организованных медицинских транспортов. Организованный вывоз осуществлялся, в частности, по железнодорожной линии

Джанкой–Керчь, которая играла ключевую роль в переброске эвакуируемых к переправе через пролив. Перевозка осуществлялась преимущественно в переполненных вагонах, часто без достаточного обеспечения водой и продовольствием. Наряду с этим, часть евреев покидала Крым самостоятельно, вне рамок государственных механизмов, что делало их перемещение более рискованным и менее предсказуемым. Критерии отбора населения для эвакуации нередко оставались нечетко определёнными, что приводило к непоследовательности в её реализации на местном уровне.

В ряде случаев эвакуация осуществлялась спонтанно: семьи самостоятельно добирались до железнодорожных станций или портов, рассчитывая на возможность посадки на транспорт. Однако, как и в других регионах СССР, эвакуация носила селективный характер и зависела от социального положения и институциональной принадлежности. В частности, первоочередной эвакуации подлежали партийно-советские работники, персонал стратегических отраслей и мобилизационные контингенты, тогда как значительная часть еврейского населения, не входившая в эти категории, сталкивалась с ограниченным доступом к организованному выезду. В результате часть населения, включая еврейские семьи, не успевала воспользоваться предоставляемыми возможностями эвакуации.

Масштаб и ограничения эвакуации

По имеющимся данным, до начала оккупации Крыма удалось эвакуировать около 34 тыс. евреев. Таким образом, даже при сравнительно раннем начале эвакуации значительная часть

еврейского населения не была охвачена эвакуационными потоками. Это относилось и к части пациентов больниц, эвакуация которых не была завершена до начала оккупации. Транспортные узлы, прежде всего в Джанкое и Керчи, испытывали значительную перегрузку, что приводило к скоплению людей и задержкам в отправке. На станциях и в портах формировались значительные массы ожидавших отправки, что приводило к задержкам в вывозе. На станциях и в портах формировались значительные массы ожидавших эвакуации. Железнодорожные линии и станции подвергались авиаударам, что приводило к разрушению инфраструктуры и дополнительным задержкам в движении эшелонов. К числу ключевых ограничений относились дефицит подвижного состава, нехватка топлива, приоритет военных перевозок, а также ограниченная пропускная способность транспортных узлов.

Особенно показательной была ситуация в сельской местности: среди евреев, проживавших в колхозах, эвакуироваться смогли не более 50%. В наибольшей степени это касалось северных и степных районов Крыма, где расстояние до железнодорожных линий и портов было значительным. В ряде случаев эвакуация части сельского населения осуществлялась в рамках вывоза скота, зерна и сельскохозяйственной техники, сопровождавшихся работниками колхозов. В аналогичном положении находились детские учреждения, расположенные вне крупных транспортных узлов. Это отражало как инфраструктурные ограничения, так и особенности организации эвакуации.

К числу ключевых ограничений относились удалённость еврейских колхозов от транспортных узлов и слабая интеграция их жителей в административные структуры, что дополнительно снижало их шансы на своевременную эвакуацию. В сельской местности также наблюдался дефицит информации о положении на фронте и угрозе для еврейского населения, что влияло на решения об эвакуации. Официальные источники информации не содержали прямых указаний на необходимость эвакуации, одновременно создавая впечатление сохранения нормальной жизни в регионе. В то же время жители южного побережья Крыма имели доступ к портам Ялты и Севастополя, однако и там возможности эвакуации были ограничены числом судов и их пропускной способностью.

Тем самым эвакуация носила ярко выраженный неравномерный характер:

- городское население имело больше возможностей для выезда;
- сельские евреи оказывались в более уязвимом положении;
- доступ к эвакуации зависел от включённости в государственные структуры.

Завершение эвакуации и её срыв

К осени 1941 г., с продвижением немецких войск и оккупацией большей части полуострова, возможности эвакуации резко сократились. Прорыв немецких войск через Перекопский перешеек в сентябре 1941 г. фактически нарушил основные сухопутные маршруты эвакуации, резко ограничив возможности организованного вывоза населения.

До начала боёв за Перекоп возможность сухопутного выхода с полуострова сохранялась, однако воспользоваться ею смогли лишь немногие. Не все запланированные к эвакуации учреждения, включая медицинские и детские, удалось вывезти полностью. В этих условиях возрастала роль морской эвакуации через Керчь и другие порты, однако именно в этот период усилились бомбардировки транспортов с эвакуируемыми, что приводило к человеческим потерям и срывам эвакуационных операций. В результате эвакуация с полуострова приобрела преимущественно морской характер. В ходе бомбардировок крымских портов и судов погибли тысячи эвакуируемых, включая евреев.

Таким образом, многие из тех, кто не успел покинуть Крым ранее, оказались лишены реальных шансов на выезд. Среди них находились пациенты медицинских учреждений и воспитанники детских домов, эвакуация которых не была завершена. Особенно напряжённая ситуация сложилась в районе Керчи, где сосредоточивались потоки эвакуируемых, ожидавших переправы через пролив. Эвакуируемые могли находиться в ожидании отправки в течение длительного времени, что увеличивало риск оказаться в зоне боевых действий.

Во время авиационных налётов эвакуируемые были вынуждены покидать вагоны и укрываться вблизи станций или на открытой местности. Среди эвакуируемых находились не только местные жители, но и часть ранее прибывших в Крым беженцев из других регионов СССР, не успевших эвакуироваться повторно. В ряде случаев эвакуация приводила к разлучению членов семей, когда часть из них успевала выехать, а другие оставались на месте. В этих

условиях временной фактор становился критическим: задержка даже на короткий период могла означать невозможность эвакуации. Даже успешная посадка на транспорт не гарантировала спасения, поскольку эвакуационные суда становились объектами авиаударов. Воспоминания эвакуированных свидетельствуют о том, что дети и подростки составляли значительную часть пассажиров на эвакуационных судах и поездах.

По оценкам немецких оккупационных органов, к началу ноября 1941 г. на территории полуострова оставалось около 40 тыс. евреев. В Севастополе эвакуация продолжалась дольше, чем в других районах полуострова, и осуществлялась вплоть до позднего этапа обороны города, однако по мере ухудшения военной обстановки и там возможности вывоза населения были существенно ограничены. В 1942 г., в ходе завершающего этапа боевых действий в Крыму и падения Севастополя, возможности эвакуации гражданского населения практически отсутствовали. Это означало, что значительная часть довоенного еврейского населения Крыма, несмотря на проведённую эвакуацию, оказалась под немецкой оккупацией. Таким образом, масштабы эвакуации оказались недостаточными для предотвращения массовой гибели еврейского населения.

Итог

Эвакуация евреев из Крыма в 1941 г. носила массовый, но структурно ограниченный характер. Её масштабы определялись не только временем начала, но и сочетанием транспортных возможностей, географического положения и институциональных приоритетов. Несмотря на значительные масштабы перемещения

населения, значительная часть еврейской общины осталась на оккупированной территории. Среди еврейского сельского населения доля эвакуированных была ниже и, по оценкам, составляла около 30–40%.

Это было обусловлено не только ограниченным охватом эвакуации, но и её высокой уязвимостью, связанной с географией полуострова и развитием боевых действий. Эвакуация осуществлялась через ограниченное число транспортных узлов и маршрутов, значительная часть которых была нарушена в ходе боевых действий. Исход во многом определялся сочетанием объективных возможностей эвакуации и своевременности принятия решений. Во многих случаях различие между эвакуированными и оставшимися определяло дальнейшую судьбу населения.

Литература

1. Feferman Kiril. *The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus*. Jerusalem: Yad Vashem, 2016.
2. Feferman Kiril. “You Will Sow but You Will not Reap”: Flight of Jewish Peasants from the Soviet Crimea, 1941.” *Moreshet Israel* 16 (2018), pp. 53-66.

Эвакуация и бегство населения из западных областей РСФСР в 1941 г.

Территория западных областей РСФСР была оккупирована немецкой армией в июле-ноябре 1941 г. К октябрю были заняты полностью или частично 25 районов Ленинградской области, а также южные пригороды Ленинграда — Пушкин, Петергоф и Стрельня. В ноябре были оккупированы полностью или частично 37 районов Московской области.

Как и в других регионах СССР в ходе эвакуации в первую очередь вывозились военные заводы, оборудование и материалы, партийные и советские работники, сотрудники НКВД, семьи командного состава Красной армии. Кроме того, производился организованный вывоз рабочих и служащих вместе с предприятиями и организациями. Из городов выехало большинство мужского населения. Часть населения эвакуировалась и бежала по собственной инициативе.

Эвакуировались врачи, инженеры, юристы, банковские служащие, агрономы и другие специалисты. Немецкие оккупационные власти испытывали острый недостаток работников городского управления и специалистов по городскому хозяйству. Из маленьких городов и деревень уехала большая часть местной администрации и сотрудников милиции. Ортскоммандатура 1/532 докладывала в октябре 1941 г., что город Ржев Калининской области систематически эвакуировался с середины июля 1941 г. Были вывезены все железнодорожные служащие с семьями и все работники местного военного завода.

Эвакуация населения в больших масштабах проводилась только из крупных городов, из которых производился вывоз

промышленных предприятий. Например, в Смоленске, в котором до войны проживало 160.000 человек, к декабрю 1941 г. осталось только 27.000 человек. В Калинин из 250.000 человек довоенного населения к моменту занятия города немецкими войсками оставалось 160.000 человек. В Ржеве из 54.000 человек осталось только 10.000 жителей. Некоторые жители города бежали в близлежащие деревни и затем вернулись. К декабрю 1941 г. население Ржева выросло до 35.000 человек.

В Государственном архиве Смоленской области сохранилась справка «О проведенной эвакуации населения, материальных ценностей и скота по Смоленской области с начала боевых действий до момента ее оккупации немецкими фашистами» от 11 апреля 1942 г. По ней мы можем судить об организации эвакуации и в других областях России.

Немецкая авиация начала бомбить города области уже в первые дни войны. Сразу же областной Комитет по эвакуации занялся вывозом вглубь страны, в первую очередь, оборонных заводов. В дальнейшем встал вопрос об эвакуации населения, промышленных предприятий, машинотракторных станций, скота, сельскохозяйственного сырья из западных районов области.

Из Смоленска были вывезены заводы военной промышленности, льнокомбинат, швейная фабрика, фанерный завод, типография и ряд других предприятий с работниками и их семьями, большая часть оборудования Смоленской электростанции.

После захвата немцами Смоленска руководство области переместилось в Вязьму. Противник был задержан на два месяца, и эвакуация центральных и восточных районов области

происходила более организованно. Были вывезены все военные и металлургические заводы, Рославльский вагоноремонтный завод, предприятия пищевой промышленности, ценное оборудование бумажных фабрик, запасы готовой продукции.

Вглубь страны было отправлено 20.785 вагонов, из них с оборудованием фабрик и заводов, сырьем и материалами — 9.785 вагонов, с людьми — 2.120 вагонов.

В некоторых случаях гражданское население игнорировало приказы властей об эвакуации. Так, после занятия немецкими войсками Калинина большое число жителей города (примерно 35.000–40.000 человек), преимущественно мелкие городские домохозяева, осело в пригородных селениях, не желая оставлять город. Находясь в прифронтовой полосе, они ожидали прихода советских войск.

На территории западных областей РСФСР, полностью или частично оккупированных немецкой армией в ходе боевых действий в 1941 г., проживало до войны примерно 120.000 евреев. Большая часть из них проживала вне территории бывшей черты оседлости. Эта часть еврейского населения была наиболее ассимилированной и оторванной от еврейской традиции.

По данным переписи 1939 г. около 80% евреев Московской, Ленинградской, Тульской, Воронежской областей назвали своим родным языком русский. Уровень урбанизации еврейского населения в ряде областей России доходил до 90% (например в Орловской и Тульской областях).

О систематической эвакуации и бегстве еврейского населения из российских областей регулярно сообщалось в «Докладах об оперативной обстановке в СССР», издававшихся Главным

управлением имперской безопасности Германии на основе отчетов айнзатцгрупп - оперативных групп СС, занимавшихся в частности уничтожением евреев на советской территории.

Так 4 сентября 1941 г. айнзатцгруппа «Б» сообщала следующее:

«Как хорошо известно евреям было запрещено в период царского режима селиться в центральных областях России. Восточной границей зоны еврейского расселения служила линия, проходящая через Витебск, Оршу, Могилев и Гомель. Когда ограничения были сняты в феврале 1917 года евреи устремились в массовом порядке в центральные области России. Это были наиболее интеллигентные евреи, которые конечно селились почти все в больших городах, чтобы активно участвовать в политической и экономической жизни. Относительно малое количество евреев можно обнаружить в деревнях и небольших городах в этих областях. Большею частью еврейской интеллигенции из провинциальных столиц удалось бежать от германской армии на восток».

В отчете айнзатцгруппы «Б» от 24 октября 1941 г. также уделялось внимание этому вопросу:

«Бегство и систематическая эвакуация евреев на восток несомненно приобретает всё большие размеры. Так передовая команда «Москва», которая движется к Москве, докладывает, что максимально удалённые населённые пункты, до которых удалось дойти, свободны от евреев, так как евреи были заранее эвакуированы большевиками».

Более подробная информация содержится в рапорте айнзатцгруппы «Б» от 14 ноября 1941 г.:

«В ходе продвижения группы армий «Центр» некоторое число вновь оккупированных городов, такие как Брянск, Орджоникидзеград, Урицкий, Гжатск, Ржев были проверены методами СД командами айнзатцгруппы. Еще раз можно констатировать, что гражданское население этих вновь оккупированных городов уже длительное время систематически эвакуировалось Советами. В момент оккупации обычно в городах оставалась только небольшая часть от прежнего населения. В основном это были те жители, которые избежали эвакуации путём бегства в близлежащие деревни. Однако всё еврейское население, так же как члены Коммунистической партии и квалифицированные рабочие, бежало...

Бегство евреев на восток продолжается, как можно установить на время составления отчёта. Так Айнзатцкоммандо 9, которая продвигается к Москве, докладывает, что в городе Ярцево... не осталось ни одного еврея. То же самое в Ржеве, Гжатске, Можайске и Брянске».

Сходная информация содержится в рапортах айнзацгруппы «А», действовавшей на ленинградском направлении. Например, 18 июля 1941 г. она докладывала из Пскова, что при приближении немецких войск большинство евреев бежало в тыловые области России и в окружающие леса. 25 сентября 1941 г. в её донесении отмечалось, что «на старой советско-русской территории редко можно было найти евреев, даже в городах. Большинство живших там евреев бежало».

Некоторые исследователи (например Хилберг, Пинчук) целиком основываются на этой информации при оценке размеров

эвакуации и бегства евреев из областей западной России. Однако данные, приводимые в отчётах айнзатцгрупп не всегда точны.

Например, в отчёте айнзатцгруппы «Б» от 10 декабря 1941 г. отмечается, что еврейское население покинуло города Орёл, Брянск и Карачев. А в её же отчёте от 23 марта 1942 г. сообщается о том, что некоторое число евреев арестовано и расстреляно в Орле. То же самое касается Брянска и Карачева, где были расстреляны сотни евреев. В одном из отчётов указывается, что в г. Ярцево Смоленской области проживало до войны 7.000 евреев, хотя на самом деле там проживало не более 500 евреев.

Большинство исследователей считают, что 70-90% евреев западных областей России сумели эвакуироваться или бежать в 1941 г. Однако, имеется существенная разница между территориями, оккупированными в июле-августе и в сентябре-октябре.

В июле-августе 1941 г. немецкие войска оккупировали западные части Смоленской, Орловской и Калининской областей. Перед революцией 1917 г. большая часть этих территорий входила в черту оседлости. Накануне войны здесь проживала значительная часть еврейского населения вышеуказанных областей.

16 июля 1941 г. германская армия частично оккупировала Смоленск и к концу месяца были заняты западные районы Смоленской области. Во второй половине августа немецкая 2-я танковая армия генерала Гудериана была повёрнута на юг, с московского на киевское направление. В течение недели немцы оккупировали западные районы Орловской области.

Несмотря на то, что западные районы Орловской области были оккупированы более чем на месяц позже, чем западная часть

Смоленской области, многие евреи не смогли уехать. Во многом это произошло из-за того, что немецкое наступление застало советские власти врасплох, и они не успели должным образом организовать эвакуацию населения.

Например, в городе Клинцы Орловской области с развитой текстильной индустрией эвакуация промышленного оборудования, рабочих и их семей началась в начале августа. Однако, распоряжение об эвакуации населения из города Совет по эвакуации отдал лишь 19 августа, за день до захвата города немцами. В городе осталось более 3000 евреев, которые были расстреляны в декабре 1941 г.

Только 50–60% евреев удалось бежать из западных частей Смоленской, Орловской и Калининской областей.

В сентябре 1941 г. ситуация на центральном участке фронта стабилизировалась и советские власти смогли более организованно провести эвакуацию населения. Очевидно, что из населенных пунктов оккупированных немецкими войсками во время осеннего наступления на Москву эвакуировалось или бежало более 90% от проживавшего там еврейского населения.

Процент евреев, которым удалось спастись, был выше в крупных городах, чем в небольших городах и деревнях, зачастую находившихся в десятках километров от ближайшей железнодорожной станции.

Так, только незначительное количество евреев не успело выехать из промышленного Брянска, где власти провели масштабную эвакуацию. В Орле значительная эвакуация не проводилась, однако из 3.000 евреев в городе осталось менее 200,

в основном женщины и дети. В Курске из 5.000 евреев не эвакуировались только несколько сот человек.

Как правило, чем восточнее находился тот или иной населенный пункт, тем больше было шансов спастись у местных евреев. Но это происходило не всегда. Например, Калуга была захвачена немецкой армией на 9 дней позже, чем Орёл. Тем не менее к моменту оккупации в Калуге осталось примерно столько же евреев, сколько и в Орле — 200 человек.

На северо-западном направлении немецкая армия часто разбрасывала листовки откровенно антисемитского характера и передавала по радио на русском языке призывы убивать евреев и большевиков. По свидетельству Эсфири Якубович в городе Гдов, недалеко от Пскова, её муж, услышав такую радиопередачу, немедленно посадил её с ребёнком в отправляющийся поезд.

Нацистская антисемитская пропаганда вероятно повлияла на решение многих евреев эвакуироваться. В городе Пскове Ленинградской области, который был занят немцами через две недели после начала войны, нацисты захватили только 200–300 евреев из примерно 1.100 человек, которые проживали в городе до войны.

Из многочисленного еврейского населения, проживавшего в окрестностях Ленинграда и в его пригородах 90–95% удалось эвакуироваться или бежать.

Попытаемся проанализировать социально-профессиональную структуру еврейского населения, эвакуированного и бежавшего из западных областей России, на примере пяти областей: Смоленской, Орловской, Калининской, Курской и Тульской. Для этого был произведён неслучайный прямой отбор из дел со

списками эвакуированных, размещённых в РСФСР, выбранных с помощью генератора случайных чисел. Общее количество выявленных субъектов составило 463 человека (см. Табл. 1).

При сравнении социально-профессиональной структуры эвакуированного из западных областей России еврейского населения с аналогичной структурой еврейского населения по переписи 1939 г. необходимо учесть ряд факторов, повлиявших на распределение эвакуированных по социально-профессиональным группам.

Во-первых, доля женщин среди эвакуированных трудоспособного возраста была намного выше, чем аналогичный показатель в экономически активном еврейском населении в 1939 г. Поскольку большинство чисто женских профессий входит в категорию «специалистов средней квалификации» (в частности, такие распространённые профессии как медсёстры, акушерки, учителя начальных школ, библиотекари и т. п.) и в категорию «торговые, конторские и прочие служащие», вполне естественно, что почти половина эвакуированных относится к этим двум группам. В то же время в экономически активном населении в 1939 г. их доля составляла менее 40%.

Соответственно несколько снижается доля социально-профессиональных категорий с преобладанием мужчин-руководителей, промышленных рабочих, специалистов высшей квалификации.

Обращает на себя внимание практически полное отсутствие в нашей выборке эвакуированных семей руководителей высшего и среднего звена, евреев-колхозников, а также уменьшение удельного веса социально-профессиональной группы «младший

обслуживающий персонал и разнорабочие». Отсутствие семей руководителей высшего и среднего звена в выборке очевидно обусловлено тем, что эти семьи были эвакуированы главным образом в небольшое число крупных городов, не представленных в выборке. Что касается колхозников и категории «младший обслуживающий персонал и разнорабочие», то именно у этих категорий еврейского населения реальные возможности эвакуации (наличие информации, транспортных средств и т. д.) были наиболее ограничены.

Вместе с тем, имеющиеся данные, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в ходе эвакуации не существовало каких-либо очевидных льгот или привилегий в соответствии с социально-профессиональным статусом, за исключением семей руководителей высшего и среднего звена.

Библиография

1. *Государственный архив Смоленской области*. Ф. 2361. Оп. 5. Д. 13. Л. 246–248.
2. *Тверской центр документации новейшей истории*. Фонд 147. Оп. 3. Д. 48. Л. 10.
3. Mordechai Altshuler M(ed.). *Distribution of the Jewish population of the USSR 1939*. Jerusalem, 1993.
4. Yitzhak Arad, Shmuel Krarowski, Shmuel Spector (eds.). *The Einsatzgruppen reports*. New York, 1989.

Вадим Дубсон

Таблица 1.

Социальная стратификация еврейских эвакуированных из 5 областей Западной России в 1941 году.¹

Профессии	Число	% от всех	% от всех в 1939 г.
1. Высшие партийные и государственные служащие	1	0.2	3.6
2. Директора предприятий и организаций	34	7.3	4.6
3. Высококвалифицированные специалисты	50	10.8	11.6
4. Специалисты средней квалификации	100	21.6	18.3
5. Торговые, конторские и прочие служащие	128	27.6	21.2
6. Квалифицированные рабочие	46	9.9	8.2
7. Ремесленники	84	18.1	16.4
8. Младший обслуживающий персонал и разнорабочие	19	4.1	13.3
9. Колхозники	1	0.2	2.9
Всего	463	100%	100%

Источники: Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1154, 1155, 1156. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-327, Оп. 2. Д. 74, 75, 76, 86, 88, 98, 109, 131, 145, 160, 164, 175, 178, 181, 189, 206, 232, 236, 274, 284, 287, 304, 307, 327, 330, 351, 356, 359.

1 Смоленская область, Орловская область, Калининская область, Тульская область, Курская область

Эвакуация населения из Москвы (1941–1944 гг.)

Ещё до войны был разработан план эвакуации гражданского населения Москвы на случай нападения Германии. Он предусматривал вывоз из столицы 1.040.000 человек, в том числе 482.000 школьников, 226.000 дошкольников, 101.000 детей из детских садов и яслей. 5 июня 1941 г. план был представлен на рассмотрение И. Сталина, но не был утверждён.

Тем не менее, довоенный план очевидно сыграл определённую роль в характере проводимой эвакуации из Москвы. Сразу же после начала войны 22 июня 1941 г. начался массовый вывоз детей из города в составе детских садов, школ, детских домов, интернатов, а также детей вместе с родителями. Детей до трёх лет эвакуировали, как правило, с матерями, остальные дошкольники выезжали вместе с детскими садами. Эвакуированных из столицы детей размещали в Московской, Рязанской, Ярославской и Тульской областях.

Например, с 29 июня по 4 июля из Бауманского района Москвы выехало более 1000 детей школьного возраста, в основном в Михайловский район Рязанской области, где детей разместили в нескольких интернатах.

До 6 июля из Москвы эвакуировали 384.438 детей, включая вывезенных родителями самостоятельно, а к 9 июля 409.918 детей и 15.621 взрослых. Всего за первый месяц войны было эвакуировано из Москвы 500.000 детей. К 18 июля из Москвы выехало более миллиона человек.

Осенью, при приближении линии фронта, детей эвакуировали второй раз. Часть детей по возможности возвращались родителям для самостоятельной эвакуации, а другие вывозились на восток вместе с детскими домами и

интернатами. Десятки тысяч детей были размещены в детских учреждениях Горьковской, Молотовской, Новосибирской, Челябинской областей, Мордовской, Марийской, Чувашской и Татарской АССР.

Так, в октябре 1941 г. 20.000 детей из школ-интернатов, ранее эвакуированных из Москвы в Рязанскую область, были отправлены в Молотовскую (12.000), Горьковскую (6.000) и Саратовскую (2.000) области. Из Тульской области вывезли в Саратовскую область 2.170 московских детей, учащихся школ-интернатов.

В отличие от происходившего в прифронтальной полосе, в первые месяцы войны эвакуация населения из Москвы проводилась упорядоченно. Подавляющее большинство эвакуированных выезжали организованно, вместе со своими предприятиями и учреждениями или имея разрешение властей на самостоятельный отъезд. Кроме того, жёстко регламентировался въезд пассажиров из западных областей в столицу. Были приняты меры для недопущения проникновения приезжих в город, в частности установлены милицейские заслоны на станциях вокруг Москвы. Власти следили за немедленной отправкой беженцев вглубь страны.

В постановлении Совета по эвакуации от 17 июля 1941 г. был определён порядок эвакуации гражданского населения («членов семей рабочих и служащих») из столицы. Моссовету было предложено совместно с наркоматами организовать эвакуацию людей по предприятиям и учреждениям города. Железнодорожники должны были ежедневно выделять до 1000 вагонов, а речники пароходы на 3000 человек для эвакуации желающих выехать из Москвы в индивидуальном порядке. Поезда и пароходы направлялись в Горьковскую, Тамбовскую, Пензенскую, Свердловскую, Чкаловскую, Омскую, Новосибирскую области, в Чувашскую, Башкирскую,

Марийскую, Мордовскую, Татарскую, Удмуртскую АССР и в Казахскую ССР.

26 июля Совет по эвакуации обязал Моссовет эвакуировать в течение восьми дней из Москвы 544.000 женщин и детей, по 64.000 человек ежедневно железнодорожным транспортом и по 4.000 человек ежедневно водным транспортом.

13 августа Совет по эвакуации постановил вывезти из столицы 13.000 детей из детских домов, домов младенца и детских туберкулёзных учреждений. Было решено отправить 1400 испанских детей из московских детских домов в АССР немцев Поволжья.

С начала войны до 20 августа 1941 г. из Москвы выехало 1.412.120 человек. Для этого было использовано 45.000 вагонов, 43% от всех вагонов, задействованных для вывоза гражданского населения в тыл. Таким образом, в первые два месяца войны эвакуации жителей Москвы явно отдавался приоритет, хотя непосредственной угрозы захвата города ещё не существовало.

В письме от 8 сентября 1941 г. председатель исполкома Моссовета В. Пронин сообщил Сталину о том, что из Москвы эвакуировались 2.000.000 человек, включая 600.000 детей. Эти статистические данные опровергают часто встречающиеся в историографии утверждения о том, что эвакуация населения из Москвы приобрела массовый характер лишь в середине октября 1941 г.

13 сентября Совет по эвакуации дал распоряжение о дополнительной эвакуации детей из Москвы. Предлагалось вывезти из города учащихся школ-интернатов, преподавательский и обслуживающий персонал в количестве 60.000 человек в Горьковскую, Молотовскую, Саратовскую, Сталинградскую и Челябинскую области.

Таким образом, к началу октября 1941 г. численность населения Москвы существенно сократилась. Заметно вырос удельный вес женщин в составе населения, из-за массовой эвакуации детей город значительно «постарел».

Как указывает Альберт Каганович, эвакуированные из Москвы и Московской области в основном размещались на территории РСФСР, в областях Верхнего и Среднего Поволжья, и далее на восток до Урала. Кроме того, большое их количество имелось в Западной Сибири. Так, в апреле 1942 г. в Омской области приехавшие из Московской и Ленинградской областей составляли 48% от общего числа эвакуированных. В то же время в Средней Азии и на Северном Кавказе их было гораздо меньше.

По переписи 1939 г. в столице проживало 250.000 евреев, 6% от общего числа жителей города. Эвакуация из Москвы в первые месяцы войны носила организованный характер и практически полностью контролировалась властями. Поэтому можно предположить, что доля евреев среди эвакуированных была такой же, как и среди всех москвичей — 6%. Следовательно, к середине сентября из города выехало более 120.000 евреев, что составляло примерно половину от их предвоенной численности.

30 сентября 1941 г. немецкая армия начала операцию «Тайфун» по захвату советской столицы и после окружения советских войск под Вязьмой и Брянском стала быстро продвигаться к Москве. Возникла угроза захвата города.

9 октября Совет по эвакуации принял постановление «О дополнительной эвакуации женщин и детей из города Москвы». Было решено отправить из Москвы 300.000 женщин и детей в девять областей и автономных республик РСФСР и в Казахскую ССР (80.000 человек). В первую очередь планировалась эвакуация неработающих женщин с детьми, а

также женщин, работающих в учреждениях и ведомствах г. Москвы.

13 октября Совет по эвакуации распорядился вывезти из столицы 20.000 детей школ и интернатов в Молотовскую, Горьковскую и Саратовскую области, а 15 октября 20.000 членов семей начсостава Красной армии - в Казахскую ССР.

В это же время начался массовый вывоз оборудования московских заводов. В первую очередь перебазировались из города на восток металлургические заводы и все предприятия, производящие боевую технику, вооружения и боеприпасы. К 30 ноября из Москвы и Московской области было перемещено в тыл 498 крупных предприятий. Большая часть рабочих и служащих уезжала в глубокий тыл со своими предприятиями и учреждениями. Их перевозили, как правило, в грузовых вагонах.

Из Москвы выезжали театры, музыкальные коллективы и учебные заведения. 22 октября Совет по эвакуации принял специальное постановление «Об эвакуации Московского государственного еврейского театра в г. Ташкент». Для отправки имущества театра из Москвы в Ташкент выделялся один товарный вагон. Правительству Узбекистана предписывалось принять и разместить работников театра и предоставить ему для работы подходящее помещение.

Было принято решение об эвакуации из Москвы 1000 советских писателей и членов их семей в г. Казань, Елабугский и Чистопольский районы Татарии и в г. Ташкент. Для известной русской поэтессы Марины Цветаевой эвакуация в Елабугу имела трагические последствия.

Из столицы перемещались научно-исследовательские учреждения АН СССР, большей частью в Алма-Ату и Ташкент. Некоторые учёные не желали уезжать из города. Например, академик Лазарев заявил, что «лучше погибнуть от немецкой

бомбы, чем ехать на медленную смерть в Казань». По этому поводу секретарь парторганизации АН СССР С. Файланд написал письмо в ЦК партии, где описал «политически сомнительное поведение» ряда крупных учёных, отказывавшихся от эвакуации из Москвы.

После прорыва немецкими войсками Можайской линии обороны враг оказался буквально у ворот столицы. Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Власти решили эвакуировать правительство и иностранные посольства в Куйбышев. При подходе войск противника к городу планировалось взорвать предприятия и учреждения, которые нельзя будет эвакуировать, а также всё электрооборудование метро.

Также из Москвы эвакуировались многие наркоматы, предприятия, учреждения и организации и их сотрудники с семьями. Ко второй половине дня 16 октября центр города был заполнен толпами людей, устремившимися к железнодорожным станциям. Заместитель наркома путей сообщения Н. Дубровин вспоминал:

«Улица Кирова, площадь Дзержинского и все прилегающие к ней магистрали и улицы были забиты людьми. Женщины с малышами на руках, дети постарше и старики с колясками, чемоданами, корзинами сплошным потоком двигались на Каланчёвскую площадь к поездам, не зная куда их повезут. Но плачущих не видно...».

Имеются данные о том, что за одну ночь с 16 по 17 октября было вывезено из столицы 150.000 человек.

По Москве стали распространяться слухи о предстоящей сдаче города. Это вызвало панические настроения. 16 октября начались грабежи магазинов и складов, десятки тысяч людей стремились покинуть столицу. Беженцы брали то, что могли

унести, и шли пешком, или по возможности садились на любой попутный автотранспорт. Они двигались на восток по шоссе Энтузиастов, одной из главных магистралей города.

В обстановке хаоса и анархии заметно усилились проявления антисемитизма, имели место случаи погромной агитации. Велись разговоры о том, что «немцы уничтожают только евреев, а русским бояться нечего», что «евреи не идут в Красную Армию, а отсиживаются в тылу», что «эвакуируются из Москвы одни евреи».

Имелись случаи насилия над евреями, которые пытались бежать из Москвы.

Художественный редактор Г. Решетин вспоминал:

«16 октября 1941 г. ... Застава Ильича. Отсюда начинается шоссе Энтузиастов... Какие-то люди то там, то здесь останавливают, направляющиеся к шоссе автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривая по земле. Раздаются возгласы: «Бей евреев» ... У нас в школе были тоже евреи, но я не помню явных, открытых примеров антисемитизма... Вот почему эта дикая расправа с евреями, да и не только с ними... так меня потрясла».

О другом таком случае можно прочитать в отчёте начальника НКВД Москвы и Московской области М. Журавлёва за 18 октября 1941 г.:

«Группа лиц из числа рабочих завода №219 (Балашихинский район) 16 октября напала на проезжавшие по шоссе Энтузиастов автомашины с эвакуированными из г. Москвы и начала захватывать вещи эвакуированных. Группой было свалено в овраг шесть легковых автомашин... 17 октября Некрасов совместно с этими же лицами проводил около гаража групповую агитацию погромного характера. Призывал рабочих уничтожить евреев. Все трое арестованы...».

Антисемитские настроения среди населения имели место и в дальнейшем. Они отмечались, например, в сводке военной цензуры Москвы и Московской области за первую половину ноября 1941 г. В ней цитировались следующие высказывания: «Едут из Москвы одни евреи в электрических вагонах. Куда бежать — не знаю»; «Евреи эшелонами бегут на север, надеясь, что русский из боя выйдет с победой и они заживут с хозяйской рукой...»; «Обидно на евреев. До войны у них и площадь и всё, а как Москву защищать, так разлетелись. Логически рассуждая, зачем евреев земля держит».

Мы не располагаем точными данными о количестве людей, покинувших Москву в октябре 1941 г. Известно только, что в конце декабря Сталину докладывали об эвакуации из города 2.200.000 человек. Тем не менее, не вызывает сомнения, что из города выехало значительное число москвичей. Московские евреи не ждали ничего хорошего от немецкой оккупации, поэтому десятки тысяч евреев приняли решение об эвакуации. Таким образом, с учётом примерно 120.000 московских евреев, которые эвакуировались до октября, можно предположить, что за время эвакуации столицу покинуло не меньше 150.000–180.000 евреев (60-70% от их довоенной численности).

Вскоре после эвакуации некоторые москвичи попытались вернуться обратно. Власти пресекали такие попытки. В сентябре 1941 г. Моссовет запретил въезд в город эвакуированных из Москвы. Невозможно было приобрести билеты в столицу без специальных разрешений.

К концу декабря 1941 г. в Москву было возвращено несколько крупных промышленных предприятий, в том числе станкостроительный завод «Красный пролетарий». По постановлению ГКО от 10 января 1942 г. въезд рабочих в столицу разрешался только без семей. Наркоматы и ведомства не могли завозить в город рабочих и служащих без согласования с Моссоветом. Въезд в Москву запрещался без специальных пропусков, выдаваемых республиканскими, краевыми и областными органами милиции.

Тем не менее, отдельные эвакуированные из Москвы делали попытки вернуться в город, несмотря на запреты. Они пытались

пробраться в столицу через Ярославль и Рязань, куда продажа билетов была разрешена. Из Рязани они добирались до Москвы на автомашинах, товарными поездами и даже пешком.

После начала летнего немецкого наступления. реэвакуация в столицу была остановлена и была возобновлена зимой 1942 г.

Реэвакуация в Москву продолжалась три года — с 1942 по 1944 г. За это время население столицы увеличилось на 1.095.000 человек. Пик реэвакуации пришёлся на 1943 г.

Эвакуацию населения из Москвы можно разделить на два этапа: июнь-сентябрь и октябрь 1941 г. На первом этапе из города велась массовая эвакуация детей (с детскими учреждениями и в сопровождении матерей) и происходил организованный выезд рабочих и служащих, как правило вместе со своими предприятиями и учреждениями. На втором этапе эвакуация имела не только организованный, но и стихийный характер. Среди беженцев из города имелось большое количество евреев, опасавшихся нацистских репрессий.

Библиография

1. Михаил Горинов. «Будни осаждённой столицы: жизнь и настроения москвичей» // *Отечественная история*. 1996. №3. С. 3–28.
2. Альберт Каганович. «Ташкентский фронт»: *Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва. Иерусалим, 2023.
3. *Москва военная. 1941–1942. Мемуары и архивные документы*. М., 1995.
4. Марина Потемкина. «Выковыренные»: *личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны*. Магнитогорск, 2016.

Вадим Дубсон

Эвакуация из Ленинграда в 1941–1942 гг.

Предварительный план эвакуации населения Ленинграда был разработан ещё в начале июня 1941 г., но не был утверждён. На основании этого плана было подготовлено постановление СНК СССР от 29 июня 1941г. «Об эвакуации населения Ленинграда на период военного времени». Намечалось «в период военного времени провести по особому распоряжению СНК СССР эвакуацию из Ленинграда населения в количестве миллиона человек».

Была создана Ленинградская эвакуационная комиссия, которая просуществовала с 27 июня 1941 г. и до 4 декабря 1943 г., когда эвакуация из города прекратилась. Комиссия, в частности, намечала конечные пункты эвакуации, следила за своевременной отправкой поездов с эвакуированными и за их снабжением продовольствием.

К началу войны в Ленинграде проживало по данным НКВД 2.812.634 человек, в числе которых 591.603 детей.

29 июня 1941 г. датируется постановление СНК СССР о размещении детей из Москвы Ленинграда в сельских местностях. Предлагалось вывезти в Ленинградскую область 300.000, а в Ярославскую область 100.000 детей из детских домов, школ, детских садов и яслей. В этот же день Ленинградский горисполком принял решение «О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую область». Сразу же было отправлено из города 15.192 детей десятью эшелонами. Вместе с детьми выехал педагогический, медицинский и обслуживающий персонал.

В июле в день из города отправлялось по два поезда, 2.000–2.500 детей. К 9 июля из Ленинграда выехало 268.000 человек, из них 252.000 детей, к 17 июля — 364.492 человек, из них 283.000 детей. Они были направлены в следующие области:

Ленинградская область — 167.922 человек
Ярославская область — 108.677 человек
Вологодская область — 9.385 человек
Кировская область — 20.964 человек
Свердловская область — 11.573 человек
Омская область — 2.575 человек
Молотовская область — 3.897 человек
Удмуртская область — 2.969 человек
Другие — 36.800 человек.

К началу блокады из города было эвакуировано более 311.000 детей. Было вывезено из Ленинграда 812 детских домов и интернатов с 76.000 воспитанников.

Часть детей была направлена в южные районы Ленинградской области. Из-за приближения противника примерно 170.000 детей к концу лета были возвращены в город. Несколько детских эшелонов были на обратном пути в город обстреляны из пулемётов немецкими самолётами. Имелись убитые и раненые. Немалое число детей не застало в Ленинграде своих родителей, которые выехали из города. Вернувшиеся дети затем были снова эвакуированы, в основном, в Ярославскую, Кировскую, Вологодскую, Свердловскую, Пермскую области, в Удмуртскую и Башкирскую АССР.

Летом 1941 г. в Ленинград прибыло большое количество беженцев, главным образом, из Прибалтики и районов Ленинградской области и семьи военнослужащих из прифронтовой полосы. Среди беженцев имелось значительное количество евреев.

Для приёма беженцев в городе был создан городской эвакуопункт, где беженцы обеспечивались питанием и жильём, им оказывалась материальная помощь, а затем ещё семь эвакуопунктов, которые располагались на железнодорожных вокзалах и станциях и в морском порту.

В июле-августе 1941 г. многие ленинградцы ещё не хотели покидать город, так как не верили в реальность его захвата противником. Многие опасались трудностей на новых местах. Известная художница А. Остроумова-Лебедева писала в своём дневнике:

«Женщины ехать не хотят. Их мужья или воюют или служат. Им надо ехать одним. Из сберкасс, если у кого есть деньги, получить больше 200 руб. нельзя. Запас продовольствия сделать нельзя, так как всё продаётся по карточкам... Потом отовсюду приходят сведения, что в городах и сёлах всё съедено и люди голодают. Много беженцев из Минска, Смоленска, Москвы, Пскова и т. д. понаехало на Волгу, на Урал... и всё опустошено по линиям железных дорог».

Жительница Ленинграда А. Майорова во время разъяснительной беседы с агитатором заявила:

«Эвакуацию придумали евреи. Сами они испугались и давно бежали, а мы не боимся и никуда не поедим. Нас научила эвакуация на Валдай. Многие матери потеряли своих детей. Нас повезут на расстрел фашистам».

Со второй половины июля 1941 г., после того как немецкая армия захватила Псков и вышла к реке Луге, по решению Государственного комитета обороны началась массовая эвакуация населения и промышленных предприятий из Ленинграда. Приоритет при эвакуации отдавался тем оборонным предприятиям, которые уже не могли в сложившихся условиях производить продукцию для фронта.

10 августа Ленгорисполкому было предложено вывезти из города 400.000 человек, а 13 августа Совет по эвакуации принял постановление «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из города Ленинграда». Планировалось эвакуировать из города 700.000 человек.

В первую очередь, намечалось вывезти 160.000 членов семей рабочих и служащих вывозимых из Ленинграда предприятий в места размещения этих предприятий.

Во вторую очередь — 540.000 человек, женщин, детей и стариков, в следующие республики и области РСФСР:

Вологодскую — 40.000
Ивановскую — 100.000
Кировскую — 80.000
Молотовскую — 100.000
Челябинскую — 40.000
Башкирскую АССР — 100.000
Чувашскую АССР — 30.000
Удмуртскую АССР — 50.000

Полностью этот план выполнен не был. Тем не менее, к 21 августа 1941 г. из Ленинграда ушло 17300 вагонов с эвакуированным населением, что составляло примерно 17% от общего количества вагонов, использованных для эвакуации населения по СССР. За период с 29 июня по 27 августа 1941 г. из Ленинграда было отправлено 282 эшелона с людьми.

Железные дороги не справлялись с возросшим объёмом перевозок. Они подвергались постоянным тяжёлым бомбардировкам. Например, 15 августа сто немецких бомбардировщиков атаковали железнодорожную станцию Чудово, а 18 августа немецкие самолёты атаковали и серьёзно повредили железнодорожный мост через реку Волхов на линии Москва-Ленинград, прервав движение поездов.

29 августа немецкие войска захватили станцию Мга и перерезали последнюю железнодорожную магистраль, связывающую Ленинград со страной, а 8 сентября — Шлиссельбург и полностью заблокировали город. К этому времени из города удалось вывезти по данным Городской эвакуационной комиссии 488.703 ленинградца и 147.500 жителей Прибалтики и Ленинградской области.

Из города не успели выехать 216.378 человек, уже подготовленные к отправке. Несколько эшелонов с эвакуированными были остановлены по дороге. Тысячи стариков, женщин и детей остались на длительное время на путях в открытых вагонах и платформах.

С 29 июня по 27 августа 1941 г. из Ленинграда эвакуировались 164.320 рабочих, ИТР, служащих и членов их семей. Из города вывезли 92 предприятия. За время эвакуации из Ленинграда было эвакуировано три четверти промышленного оборудования.

Часть ленинградских предприятий работала в эвакуации в кооперации с заводами, эвакуированными из других частей страны. Так, на базе Челябинского тракторного завода и частично эвакуированного в Челябинск из Ленинграда Кировского завода, а также с использованием оборудования других эвакуированных предприятий, был создан знаменитый «Танкоград», выпустивший тысячи танков «КВ» и «Т-34».

После 8 сентября 1941 г. в блокадном городе оставалось ещё около 2.500.000 человек, несмотря на то, что в армию, на флот, в народное ополчение и в партизанские отряды уже к началу октября 1941 г. было призвано 587.000 человек. Значительное число беженцев из западных областей не смогли покинуть город.

Осенью 1941 г. производилась эвакуация из города водным путём через Ладужское озеро. Было вывезено 33.479 человек и большое количество промышленного оборудования.

С середины ноября эвакуация осуществлялась только авиацией. С конца ноября до конца 1941 г. самолётами было вывезено 35.000 человек, а с 10 октября по 25 декабря — более 50.000. Среди них было 30.000 рабочих и специалистов Кировского, Ижорского и Металлического заводов.

С 22 ноября 1941 г. начала функционировать ледовая трасса (военно-автомобильная дорога). По ней до 22 января 1942 г. было перевезено и прошло пешком 36.118 человек.

Это период был наиболее тяжёлым для жителей блокадного города. В последнюю декаду ноября норма хлеба была снижена до 250 г. по рабочей карточке, служащие и иждивенцы стали получать 125 г. хлеба в день. В конце декабря население не получало больше никаких продуктов, кроме хлеба. В декабре 1941 г. в городе умерло 52.612 человек, а в январе 1942 г. - 96.751 человек.

С начала 1942 г. темпы эвакуации населения стали непрерывно нарастать. Если в январе 1942 г. через Ладожское озеро было перевезено более 11.000 человек, то в феврале — почти 117.500, а в марте — 222.000 человек.

Всего, с 22 января по 15 апреля 1942 г. было вывезено 554.186 человек. Среди них было рабочих и служащих — 66.182, семей рабочих и служащих — 193.244, студентов, профессоров, преподавателей и научных работников с семьями — 37.877, детей из детских домов — 12.639. Вывезли также специальный контингент (заключённые, душевнобольные и др.) в количестве 47.141 человек.

За период с 29 июня 1941 г. до 15 апреля 1942 г. было эвакуировано 1.295.100 человек, из них 970.718 человек ленинградцев. С начала блокады население города сократилось за счёт эвакуации и смертности в два раза и составляло примерно 1.250.000 человек.

Значительное количество эвакуированных ленинградцев скончалось на пути в эвакуацию и сразу по прибытии. Только в Вологодской области умерло до 30.000 человек.

В летнюю навигацию 1942 г. через Ладожское озеро было переправлено 448.000 эвакуированных, в том числе более 130.000 детей. По словам секретаря городского комитета партии А. Кузнецова ставилась задача оставить в городе «по

преимуществу таких людей, которые были бы способны в любой момент превратиться из рабочих и служащих в бойцов».

К августу 1942 г. население Ленинграда составляло 807.228 человек, среди которых взрослых — 662.361, а детей — 144.977.

С 1 ноября 1942 г. эвакуация населения была в основном прекращена. В дальнейшем выезд из города разрешался лишь в отдельных случаях.

По данным Ленинградской городской эвакуационной комиссии с 29 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г. из города были эвакуированы 1.743.129 человек. Из них ленинградцев — 1.448.338 человек, жителей Ленинградской области — 147.291 человек, беженцев из республик Прибалтики — 147.500 человек. С 1 апреля по 17 декабря 1943 г. из города выехало примерно 20.000 человек.

Эвакуированные из Ленинграда и Ленинградской области и Москвы в 1941 — первой половине 1942 гг. в основном размещались в Поволжье и на Урале. По расчётам А. Кагановича в ноябре 1941 г. вместе они составляли в Ярославской области 73%, в Татарстане — 72 %, а в Свердловской области — 43%. В 1942 г. часть эвакуированных из Ленинграда разместили на Северном Кавказе. В результате, в ходе летнего немецкого наступления тысячи ленинградских евреев не успели бежать и погибли от рук нацистов и их пособников.

По данным переписи 1939 г. в Ленинграде проживало 201.500 евреев, что составляло 6.3% от населения города. Среди нерусского населения города евреи составляли почти половину. Евреев было много среди советских служащих, гуманитарной и технической интеллигенции, врачей, учёных, преподавателей. В то же время в партийном и советском руководстве города к началу войны евреев почти не было.

Очевидно, что евреи были широко представлены среди тех категорий населения, которые эвакуировались в первую очередь.

Кроме того, уже в июле 1941 г. до ленинградских евреев через советскую антифашистскую пропаганду, немецкие листовки и слухи стала доходить разнообразная информация об антисемитской политике нацистов. Многие евреи справедливо опасались возможной расправы в случае прихода в город немцев. Поэтому они более активно стремились эвакуироваться, чем другие жители города.

Под влиянием нацистской пропаганды стали расти антисемитские настроения. А. Остроумова-Лебедева в начале июля писала в своём дневнике, что евреи «все бегут, куда-то устраиваются в отъезд. Всё это делается втихомолку и с необыкновенной ловкостью и проворством».

Рост антисемитизма вызвал беспокойство у партийного руководства города, которое связывало его с антисоветскими настроениями. Например, в специальном постановлении Кировского райкома партии «Об антисоветских слухах, антисемитизме и мерах борьбы с ними» от 29 августа 1941 г. отмечались факты проявления антисемитизма среди рабочих Кировского завода и ряда других предприятий, а перед партийными и правоохранительными органами была поставлена задача «вести беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, распространителями ложных слухов, агитаторами антисемитизма».

С ухудшением обстановки в городе антисемитские настроения усиливались. Широко распространялись немецкие листовки с погромными призывами. В начале октября 1941 г в «Ленинградской правде» была опубликована статья «Против антисемитов — агентуры фашизма». В ней опровергались тезисы нацистской антисемитской пропаганды о евреях как о торгашеском народе, не любящем труда. Приводились многочисленные примеры широкого представительства евреев в различных сферах деятельности и их выдающихся достижений.

Мы не располагаем точными данными о количестве ленинградских евреев, которым удалось эвакуироваться. Немецкая разведка в конце ноября 1941 г. полагала, что в городе осталось не более 15.000–20.000 евреев. По оценке А. Кагановича евреи составляли примерно 12 % от общего количества эвакуированных ленинградцев. Можно предположить, что из Ленинграда эвакуировалось не менее 150.000 евреев.

В ходе эвакуации из Ленинграда советское руководство главное внимание уделяло вывозу оборонных предприятий и промышленного оборудования. Эвакуация населения также должна была способствовать более эффективной обороне города. В то же время при всех издержках она спасла жизнь сотням тысяч жителей Ленинграда и в их числе десяткам тысяч евреев.

Литература

1. Михаил Бейзер. «Евреи Ленинграда перед второй мировой войной: социальный и этнокультурный облик» // *Вестник еврейского университета в Москве. Вестник еврейского университета в Москве*. 1998. № 1(17). С. 61–83.
2. Альберт Каганович «Ташкентский фронт»: *Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва. Иерусалим, 2023.
3. Валентин Ковальчук. «Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 года» // *Отечественная история*. 2000. № 3. С. 15–24.
5. Юлия Кантор. «Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады» // *Побратимы. Регионам, принявшим ленинградцев, посвящается*. М., 2019. С. 9–54.
6. Никита Ломагин. *Неизвестная блокада*. Кн. 1. СПб., 2004.

Вадим Дубсон

Эвакуация евреев из Ростова-на-Дону (1941–1942)

Введение

Эвакуация еврейского населения из Ростова-на-Дону в годы Великой Отечественной войны представляла собой сложный и противоречивый процесс, обусловленный сочетанием военных обстоятельств, особенностей советской эвакуационной политики и характера восприятия угрозы со стороны нацистской Германии. При этом решение об эвакуации носило не только административный, но и глубоко индивидуальный характер: значительная часть населения должна была самостоятельно оценивать степень опасности и принимать решение в условиях ограниченной и часто противоречивой информации.

В отличие от ряда западных регионов СССР, где эвакуация зачастую носила стихийный характер, в Ростове-на-Дону она разворачивалась в условиях стратегической нестабильности и колебаний фронта, что привело к неоднородным результатам: часть еврейского населения смогла покинуть город, тогда как существенная часть осталась и впоследствии стало жертвами Холокоста. Ключевым фактором этой неоднородности стало сочетание ограниченной организованной эвакуации, стихийного бегства населения и административных ограничений, которые в разные периоды либо облегчали, либо, напротив, затрудняли выезд из города.

Ростов-на-Дону занимал ключевое положение на юге СССР как транспортный узел и ворота на Северный Кавказ. В предвоенный период еврейское население города составляло значительную и социально заметную группу: по

переписи 1939 г. в Ростове проживало 27 038 евреев (5,38 % населения), однако уже к лету–осени 1941 г. их численность резко возросла — по некоторым оценкам, до 50–60 тыс. человек — за счёт притока беженцев и эвакуированных из западных областей СССР. Сложившаяся демографическая и транспортная ситуация одновременно способствовала эвакуации и затрудняла её: через город проходили многочисленные потоки беженцев, но быстро меняющаяся военная обстановка делала долгосрочное планирование практически невозможным.

Военно-стратегическая ситуация и значение Ростова

Ростов-на-Дону в 1941–1942 гг. являлся одним из ключевых пунктов борьбы за Северный Кавказ, обладавший стратегическим значением как транспортный узел и как ворота к нефтяным районам Кавказа. Немецкое командование рассматривало регион как важнейшее направление дальнейшего наступления.

В первые недели войны город находился вдали от линии фронта и даже стал одним из центров приема эвакуированных. Через Ростов проходили значительные потоки беженцев, включая большое число евреев из западных областей СССР.

Ситуация начала меняться с конца лета 1941 г., когда немецкие войска стали продвигаться в направлении юга. С августа начались авиационные налёты на город, а к октябрю — ноябрю фронт приблизился непосредственно к Ростову. Это создало условия для ускорения эвакуации, но одновременно усилило хаос и неопределенность.

Эвакуация 1941 года

Лето 1941 г.: начальные реакции и ограниченная эвакуация

В первые недели войны эвакуация из Ростова носила ограниченный характер. Несмотря на отдельные меры военного времени — мобилизацию, ограничения передвижения, подготовку к возможной обороне города — непосредственной угрозы захвата города не ощущалось.

В этот период значительная часть населения, включая евреев, не рассматривала эвакуацию как неотложную необходимость. Информация о положении на фронте была фрагментарной и противоречивой: официальная пропаганда стремилась поддерживать уверенность в контроле над ситуацией, тогда как слухи и частные сообщения создавали более тревожную картину.

Для многих евреев ключевым фактором оставалась неопределенность: хотя сообщения о преследованиях в Европе публиковались, их масштаб и характер не всегда воспринимались как непосредственная угроза. В результате значительная часть населения заняла выжидательную позицию. Во многом это объяснялось тем, что ростовские евреи не располагали достоверной информацией о характере нацистской политики уничтожения: даже сведения, поступавшие от беженцев, не давали полной картины происходящего, а официальные источники оставались противоречивыми и неполными.

Осень 1941 г.: массовый исход и его особенности

С приближением фронта в сентябре-октябре 1941 г. эвакуация из Ростова значительно активизировалась. В этот период из региона было организовано эвакуировано от 100 000 до 150 000 человек, а ещё десятки тысяч покинули его самостоятельно. Среди организовано эвакуированных насчитывалось около 7 000–10 000 евреев, сопоставимое число бежало неорганизованно. Параллельно с этим организованная эвакуация осуществлялась железнодорожным и водным транспортом: использовались двусосные крытые вагоны (в каждом размещалось не менее 36 человек), а также баржи, следовавшие по Дону, вмещавшие по 1,5–2 тыс. человек.

Несмотря на наличие этих каналов вывоза, эвакуация проходила крайне неравномерно. Доступ к ней зависел от социального положения, занятости и административных возможностей. Многие семьи оказывались разделёнными: часть членов семьи получала разрешение на выезд, тогда как другие оставались в городе.

Дополнительным фактором была конкуренция различных потоков беженцев. Ростов одновременно являлся пунктом эвакуации и транзита, что приводило к перегрузке инфраструктуры и ухудшению условий выезда. В результате часть населения откладывала эвакуацию или отказывалась от неё, считая риски пути не меньшими, чем опасность остаться. В этих условиях решение об эвакуации нередко принималось как баланс между непосредственной угрозой и экономическими и бытовыми соображениями, причём до момента резкого ухудшения ситуации последние нередко играли существенную роль.

Первая немецкая оккупация и её влияние

Немецкие войска заняли Ростов-на-Дону 21 ноября 1941 г., однако удерживали его лишь около недели. Несмотря на кратковременность оккупации, она оказала значительное влияние на поведение населения.

Немецкие власти ввели меры контроля над еврейским населением, включая регистрацию и создание еврейского совета, однако из-за кратковременности оккупации они не были реализованы в полном объёме.

Тем не менее масштабы насилия в этот период были ограниченными и не давали полной картины будущей политики уничтожения. Это породило у части еврейского населения иллюзию, что немецкая власть ограничится дискриминационными мерами. Быстрое освобождение города Красной армией также усилило убеждение, что Ростов может быть удержан и в дальнейшем.

В результате после первой оккупации значительная часть евреев осталась в городе, не решившись на эвакуацию. Тем самым к концу 1941 г. в Ростове сформировалась значительная группа населения, не успевшего или не решившегося эвакуироваться, что во многом предопределило ситуацию следующего года. Решение остаться было обусловлено не только объективными ограничениями, но и субъективной оценкой ситуации: в условиях относительной стабилизации фронта и отсутствия ясного представления о масштабе угрозы многие считали возможным отложить отъезд.

В этих условиях после освобождения Ростова 28 ноября 1941 г. положение с эвакуацией не упростилось. В условиях

прифронтового режима советские власти стремились ограничить стихийное передвижение населения, и 13 февраля 1942 г. был введён запрет на выезд из города без специального разрешения комендатуры. Такие разрешения выдавались лишь при выполнении норм на строительстве оборонительных сооружений, независимо от возраста и семейных обстоятельств. Эти меры существенно сократили возможности эвакуации, хотя часть населения продолжала покидать город вопреки ограничениям.

Эвакуация в 1942 году

Ситуация осложнялась тем, что часть евреев, эвакуированных осенью 1941 г., впоследствии вернулась в Ростов, не предполагая, что город вновь окажется под угрозой захвата. Таким образом, к лету 1942 г. в Ростове сохранялось значительное еврейское население, включавшее как местных жителей, так и прибывших ранее беженцев. К этому добавлялась длительная предыстория колебаний: в течение месяцев многие семьи неоднократно обсуждали возможность эвакуации, откладывая окончательное решение в надежде на улучшение ситуации.

В этих условиях в июне-июле 1942 г. эвакуация была плохо организована и проходила в условиях спешки и нехватки ресурсов. Большинство евреев, не подлежавших организованному вывозу, фактически не смогло покинуть город. В значительной степени это было связано с тем, что решения об отъезде принимались слишком поздно, когда возможности для организованной или даже самостоятельной эвакуации уже были резко ограничены. В результате этого в Ростове осталось большое число людей, прежде всего

стариков, больных, женщин и детей, что предопределило масштабы последующей катастрофы. Срыв эвакуации стал особенно трагичным после того, как 24 июля 1942 г. Ростов-на-Дону был вновь занят немецкими войсками.

Оставшееся в городе еврейское население вскоре стало жертвой массового уничтожения в августе 1942 г., что напрямую связано с неудачей эвакуации.

Литература

1. Kiril Feferman. *If we had wings, we would fly to you: A Soviet Jewish Family Faces Destruction, 1941-42* (Boston: Academic Studies Press, 2020).
2. Kiril Feferman. "To Flee or not to Flee: The Conflicting Messages of Soviet Wartime Propaganda and the Holocaust, 1941." *Cahiers du monde russe* 56, 2-3 (April-September 2015), pp. 517-542.
3. Kiril Feferman. "A Soviet Humanitarian Action? Jewish Emigration from the North Caucasus, 1940–1942." *Holocaust and Genocide Studies* 23, no. 3 (2009), pp. 388–409.
4. Мовшович, Е. В. *Холокост в Ростовской области: уничтожение евреев на Нижнем Дону и в Восточном Приазовье*. Ростов-на-Дону: [издательство не указано], [год не указан].

Повторная эвакуация 1942 года

Повторная эвакуация в годы советско-германской войны — это безотлагательный вывоз промышленных предприятий, материальных ценностей и гражданского населения с территорий, которые были временно освобождены Красной армией, но затем снова оказались под угрозой оккупации врага, либо перемещение из прифронтовых зон, ставших небезопасными. Когда немецкие войска в мае 1942 г. вышли к Волге и Кавказу, беженцы снова собрались в дорогу. На 1 июля 1942 г. на территории Краснодарского, Ставропольского краев, областей и автономных республик Северного Кавказа было размещено около 600 тыс. эвакуированных, которым снова пришлось уезжать. На территории Юга России до войны к тому времени проживало 50 тыс. евреев, часть из которых тоже направилась в тыл. Кроме того, эвакуация охватила Ростовскую, Воронежскую, Орловскую, Сталинградскую, Ворошиловградскую области и др. регионы. В отличие от первой волны 1941 г., повторная эвакуация часто была хаотичной из-за сжатых сроков, что затрудняло спасение людей и оборудования.

Труднее всего пришлось неорганизованным еврейским беженцам. Когда немцы захватили Ростов и стремительно продвигались на юг, часть евреев пыталась выбраться самостоятельно пешком или с помощью гужевого транспорта. По ночам они видели, как немцы сбрасывали десанты, слышали стук пулемётов, небо прорезали снопы ракет. Проезжая населенные пункты Северного Кавказа, еврейские беженцы чувствовали на себе враждебное отношение

местных жителей. В Баку они жили на улице, на вокзале проходили санитарную обработку и получали хлебные пайки. На пароме беженцы переправились в Красноводск, откуда на открытых платформах под палящим солнцем их везли в Узбекистан. Другие ехали в наскоро приспособленных вагонах. Детям давали жевать прессованный жмых хлопка, от которого начался кровавый понос. Если долго не было остановок, тела умерших во время движения сбрасывали под откос. В Горьком беженцев погрузили в холодный трюм самоходной баржи и сплавляли вниз по Волге. Люди сидели на своих узлах, было душно и грязно. Санитарные условия не были предусмотрены. Некоторые пассажиры болели дизентерией и тифом. Тела умерших людей ночью выбрасывали в Волгу. На пристанях экипаж получал хлеб для пассажиров.

По данным Еврейского Антифашистского комитета евреи составили 22% из 4 млн эвакуированных москвичей и ленинградцев в 1941–1942 гг. На начало января 1943 г. общую численность евреев, эвакуированных в ходе второй волны можно оценить в 2 млн 220 тыс. чел., что составило 23% из 8,7 млн эвакуированных всех национальностей.

По отдельным регионам страны это выглядело следующим образом: из РСФСР - 580 тыс. евреев или 27%, из БССР – 200 тыс. (9%), из УССР – 950 тыс. (42,8%), Молдавская ССР – 130 тыс. (6,8%), страны Балтии - 40 тыс. (1,8%), Польша – 280 тыс. (12,6%).

Урал принял около 40% всех эвакуированных по РСФСР. Общая численность населения в 1941–1942 гг. возросла там на 9,9% и достигла 15,6 млн человек. Евреи были одной из наиболее многочисленных национальных групп среди

приезжих. В Молотовской (Пермской) и Свердловской областях еврейское население увеличилось в 8 раз, хотя до войны евреев в двух этих регионах проживало лишь 0,33% от общей численности населения, в Челябинской области в 1939 г. евреи составляли всего лишь 0,19%.

Особенно много евреев среди потока беженцев и эвакуированных второй волны оказалось в Средней Азии, что произошло, в основном, из-за направлений туда транспортных магистралей из Украины, южной России и Северного Кавказа. За 1942 г. сюда прибыли дополнительно не менее 260 тыс. евреев и к началу 1943 г. в Средней Азии находилось более 1 млн еврейских беженцев. Большая их концентрация родила миф о том, что “евреи воевали в Ташкенте”. Этому косвенно содействовала советская цензура, которая скрывала, что в это время не менее 500 тыс. евреев сражались в Красной Армии, и что евреи занимали первое место среди народов Советского Союза по относительному количеству бойцов и командиров, воевавших против нацистской Германии.

Массовый наплыв беженцев создал большие трудности в местах эвакуации. Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Казахстан в 1942 г. не располагали запасами, чтобы обеспечить сотни тысяч людей продуктами питания, предметами первой необходимости и лекарствами, потребность в которых возросла многократно. Начался быстрый рост цен, прежде всего на продовольствие.

Первоначально прибывавших в эвакуацию людей местное население встречало с сочувствием. Однако вскоре общая неустроенность, нехватка продовольствия и предметов

первой необходимости, другие тяготы и лишения, порожденные войной, начали вызывать раздражение к приезжим. Особенно страдали те, кто приехал самостоятельно, без планового направления – их не принимали на работу за неимением прописки. Тысячи людей попали в безвыходную ситуацию. Многие беженцы, будучи без средств, оказались на грани голодной смерти. Все это немедленно отразилось на отношении местных жителей к эвакуированным, которые называли их “выковыренными” и “выковырками”.

Нехватка продовольствия, топлива, отсутствие мужчин, которые были на фронте, оказывали негативное влияние на женщин и детей в тылу. Общая неустроенность, неимение работы по специальности, тяжелый физический труд с низкой оплатой, незнание ментальности и условий жизни ставили эвакуированных в зависимое положение от местных жителей и рождали конфликты на бытовой почве.

Таким образом, повторная эвакуация оказалась не только вынужденной мерой со стороны государства, когда война снова приблизилась к ранее безопасным районам. За прошедший год (июнь 1941- июнь 1942 гг.) беженцы приобрели бесценный опыт, который помог перенести новые скитания. Повторная эвакуация многому научила советских евреев, которые поняли, что не нужно быть излишне доверчивыми. Необходимо критически оценивать события, а не принимать заверения властей на веру. Вместо этого, стоит полагаться на себя, рассчитывать силы, предусматривать возможные трудности и заранее искать пути их преодоления, в том числе не удивляться недружелюбному, а иногда и прямо враждебному отношению местных жителей. Уроки были выучены, и это реально спасло тысячи жизней.

Еврейские беженцы оказались более мобильными и готовыми к перемене места жительства, туда, где цены были ниже, а перспективы найти работу выше. Но эти переезды раздражали власти, поскольку срывали работу на предприятиях и в колхозах, и приводили к перегрузке железнодорожные пути сообщения. С середины войны сменить стало всё трудней, поскольку разрешения выдавались неохотно. Давая общую оценку жизни эвакуированных и беженцев в годы войны с Германией, совершенно очевидно, что советский режим, заботясь о самосохранении, ставил интересы государства превыше всего, а евреи вместо сочувствия и помощи со стороны государства испытали на себе предвзятое отношение, холодный расчет и лицемерие.

Литература

1. Albert Kaganovitch. *Exodus and Its Aftermath: Jewish Refugees in the Wartime Soviet Interior*. University of Wisconsin Press, 2022.
2. Leonid Smilivitsky. *Jews in the Red Army: Front and Civilian Rear Correspondence, 1941–1945*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2026.
3. Mordechai Altshuler. *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile*. Jerusalem, 1998.
4. Vadim Dubson “Toward a Central Database of Evacuated Soviet Jews; names for the study of the Holocaust in the Occupied Soviet Territories” // *Holocaust and Genocide Studies*, 2012, vol. 26 (1), pp. 95-119.

Эвакуация населения в Верхнее и Среднее Поволжье в 1941–1945 гг.

Одним из центров эвакуации населения и промышленности стали республики и области Верхнего и Среднего Поволжья. С самого начала войны в этот регион направлялось большое количество организованных эвакуированных и беженцев, так как он имел подходящие условия для их размещения и был удобно расположен в географическом отношении. Большинство эвакуированных поселилось в Ярославской, Горьковской, Куйбышевской, Саратовской областях, Татарской и Чувашской республиках РСФСР. Кроме того, такие города, как Ярославль, Горький, Казань, Куйбышев были важными транзитными центрами для перемещения эвакуированного населения в восточные регионы СССР.

В первые месяцы войны Ярославская область была, главным образом, промежуточным пунктом для приёма эвакуированных, так как большая часть из прибывших отправлялась дальше на восток после оказания им медицинской помощи. Тем не менее, к 27 сентября 1941 г. в область прибыло более 156.000 эвакуированных.

Зимой 1941–1942 гг. начали приезжать эвакуированные из блокадного Ленинграда, как правило больные и сильно истощенные. За первое полугодие 1942 г. ежедневно прибывало по несколько эшелонов с эвакуированными. Только с февраля по апрель 1942 г. в Ярославль прибыло 167 поездов, в которых находилось более 300.000 ленинградцев. Больных оставляли в городе, а остальных отправляли в районы Ярославской области и в другие регионы.

По данным на 1 апреля 1943 г. в Ярославской области было размещено 265.147 человек, в том числе 123.219 детей, 106.446 женщин и 35.482 мужчин. В Ярославле поселилось 11.166 эвакуированных.

Основная масса эвакуированных прибыла из Ленинграда — 135.582 человек и Ленинградской области — 46.375 человек и из Москвы — 23.951 человек и Московской области — 8.486 человек. Кроме того, в области находились эвакуированные из Калининской, Мурманской, Тульской, Орловской, Курской, Воронежской, Ростовской областей РСФСР, а также из Белоруссии, Украины, Молдавии и других республик.

С июля 1941 г. через Горький шло движение эвакуированных людей и грузов. В городе были созданы эвакуопункт и эвакуобаза в речном порту для обслуживания и распределения потока эвакуированных.

К 13 июля 1941 г. в Горьковскую область прибыло до 70.000 эвакуированных и беженцев из прифронтовой полосы и до 13.000 человек из Москвы. Зачастую эшелоны приходили без номеров, без начальников эшелонов, без поименных списков беженцев. Часть пассажиров до конечных пунктов не доезжала. На 1 октября 1941 г. Горьковская область приняла и разместила 145.000 человек.

Горьковские речники перевезли в навигацию 1941 г. 613 тыс. эвакуированных. Из Гомеля в Горький были эвакуированы пединститут, мединститут, строительный техникум.

800 семей из Литвы было размещено в 1941 г. в городах Кулебаки и Выксе. Эвакуированные размещались у местных жителей, не имея осенней одежды, белья на смену. Большинство из них стало работать на стройках, торфоразработках, лесозаготовках.

С начала войны на 1 сентября 1942 г. в области было размещено 178.859 эвакуированных и беженцев. Основная масса эвакуированных работала в колхозах и совхозах — 23.948 человек, на предприятиях промышленности — 18.941 человек и в различных учреждениях — 8.263 человек.

На 1 января 1943 г. численность эвакуированного населения в Горьковской области составляла 185.800 человек. Из них 60.300 тыс. были размещены в городских поселениях и 125.500 - в сельской местности.

В Горький было эвакуировано более 100 предприятий. В Горьком были размещены отраслевые наркоматы судостроения, электропромышленности, в Дзержинске – наркомат химической промышленности.

Население Горького увеличилось к концу 1941 г. на 300.000 человек за счет эвакуированного населения и составило 900.000 человек.

В выполнении военных заказов участвовали пять авиационных заводов Горького (три из них были пущены летом-осенью 1941 г. на базе эвакуированных из Москвы и Московской области). Завод им. Петровского (№ 215), эвакуированный в 1941 г. из Киева в Горький, в сжатые сроки создал семь новых цехов и производил торпедно-минное вооружение для ВМФ. Горьковский завод «Красное Сормово» (директор Е. Рубинчик) освоил производство танков «Т-34».

По состоянию на 1 апреля 1943 г. всего эвакуированных, проживающих в городах и селах Чувашии числилось 70.715 человек. Из общего числа эвакуированного населения приехало рабочих и служащих вместе с эвакуированными предприятиями 5.367 человек, детей, прибывших в составе эвакуированных детских учреждений - 906 человек, и прибывших отдельными группами и эшелонами – 64.442 человек.

Эвакуированные прибыли в Чувашию из следующих местностей: Белоруссии – 5.276 человек, Украины – 7.083 человек, Молдавии – 178 человек., Литовской ССР – 581 человек, Латвийской ССР – 1.646 человек, Эстонской ССР – 1.656 человек, Карело-Финской ССР – 4.000 человек, г. Ленинграда – 3.859 человек, Ленинградской области – 8.357

человек, Калининской области – 5.793 – человек, Смоленской области – 933 человек, г. Москвы – 21.838 человек, Московской области – 4.861 человек, Тульской области – 692 человек, Орловской области – 797 человек. Остальные эвакуированные прибыли из других областей РСФСР. Большинство семей эвакуированных проживало в районных центрах.

В Чувашию были эвакуированы 28 заводов, фабрик, цехов и вместе с ними 5.367 рабочих и ИТР. 26 июня 1941 г. была создана правительственная комиссия по приему и устройству эвакуированного населения. В республике 96 % трудоспособного населения были трудоустроены. На апрель 1943 г. не работало 1.441 человек. Основная масса эвакуированных - более 15.000 человек – работала в колхозах и совхозах. Остальные были заняты в промышленности, связи, госучреждениях, на транспорте и т. д.

Эвакуированные предприятия начали прибывать в Татарию в июле 1941 г., вместе с эвакуированными рабочими и служащими. К началу сентября 1941 г. в Татарии было размещено более 176.000 человек. Во втором полугодии 1941 г. население Казани выросло с 401.000 до 515.000 человек, а на 1 января 1943 г. численность эвакуированного населения в Татарии составила 268.900 человек, и них в городских поселениях поселилось 154.100 человек, а 114.800 человек – в сельской местности.

К осени 1942 г. промышленность Татарии превратилась в один из крупнейших арсеналов по снабжению фронта боеприпасами, вооружением и снаряжением. В республике было размещено более 70 эвакуированных предприятий, ее промышленность производила более 600 наименований оружия и снаряжения. Казань стала крупнейшим производителем боевых самолетов (почти каждый шестой боевой самолет в годы войны был сделан в Казани). Специализацией казанских заводов авиационной

промышленности было производство скоростных бомбардировщиков, моторов к ним и авиационных приборов.

В 1941 г. в Казань было эвакуировано 15 НИИ и 3 лаборатории, 93 академика и члена-корреспондента, 1650 научных сотрудников АН СССР (в том числе академик Е. В. Тарле). В Татарию были эвакуированы также известные писатели, в том числе С. Я. Маршак.

Население Куйбышева увеличилось за июль-ноябрь 1941 г. на 133.000 человек. На 1 января 1943 г. в Куйбышевской области были размещены 287.000 эвакуированных, из них 218.000 – в городах и 69.000 – в сельской местности. Такое соотношение указывает на то, что большую часть из приехавших в область составляли организованные эвакуированные, прибывшие с предприятиями и организациями.

В Куйбышевскую область прибыли предприятия из Москвы, Ленинграда, Воронежа и других городов, а также из Украины и Белоруссии, было эвакуировано 123 предприятия, из них 80 крупных заводов и фабрик.

В Куйбышев переехал аппарат ЦК ВКП (б), Президиума Верховного Совета СССР и СНК СССР. В город эвакуировались некоторые наркоматы и другие правительственные учреждения, а также весь дипломатический корпус. В критический момент битвы за Москву город планировали сделать второй столицей СССР.

За 1941–1942 гг. население Ульяновска увеличилось вдвое — почти на 100.000 человек. В нём были размещены 17 крупных промышленных предприятий. В город были эвакуированы Наркомат иностранных дел СССР, Наркомат юстиции СССР, Верховный суд СССР и Госбанк. Сюда переместилось также руководство Русской православной церкви.

Саратовский транзитно-приемный эвакуопункт принял из западных районов страны 820.000 человек. На 1 января 1943 г. в Саратовской области находилось 324.600 эвакуированных, из них 140.400 — в городах и 184.200 — в сельской местности. Последняя цифра свидетельствует о прибытии в область большого количества беженцев, которых в основном размещали в колхозах и совхозах. Значительную часть из них составляли евреи.

Эвакуированные прибыли в область из Украины, Белоруссии, Литвы, из Смоленской, Московской, Ленинградской и других областей РСФСР. 6.706 детей прибыли с детскими домами.

К началу 1942 г. в городах Саратовской области было размещено 104 эвакуированных предприятия. В Саратов и Энгельс эвакуировались многие правительственные, культурные и учебные заведения. В Саратов временно был перемещен аппарат Президиума Верховного Совета и СНК РСФСР, отдельные наркоматы СССР и РСФСР.

Всего в период 1941–1942 гг. в областях, примыкавших к Верхней и Средней Волге, было размещено примерно 1.400.000 эвакуированных. Большую часть из них составили эвакуированные из союзных республик — РСФСР, Украины и Белоруссии. Значительная часть эвакуированных прибыла из Московской и Ленинградской областей. В ноябре 1941 г. они в сумме составляли в Ярославской области 73% от всех прибывших, а в Татарстане — 72%.

Доля евреев среди эвакуированных была ниже, чем в южных союзных республиках. Однако она увеличивалась в тех областях, куда приехало значительное количество неорганизованных беженцев. Так, в Саратовской области на 1 декабря 1941 г. она составляла 31%.

В сельской местности власти сразу пытались привлечь всех прибывших трудоспособных эвакуированных к

сельскохозяйственным работам. В справке секретаря Горьковского обкома по пропаганде И. Гурьева в ЦК ВКП(б) за 9 августа 1941 г. о расселении эвакуированных в области отмечалось следующее:

«Часть эвакуированных совершенно не принимает участия в работах колхозов и совхозов, живут празднично и своим бездельем создают к себе неприязненное отношение как колхозников, так и честно работающих эвакуированных. Эти семьи неработающих состоят из разных групп: часть жен начальствующего состава РККА и РКМФ, которые материально обеспечены... часть семей служащих, тоже материально обеспеченных, и есть такие, которые, хотя и не обеспечены материально, но уклоняются от работы в колхозах под разными предлогами – «никогда не работал в сельском хозяйстве», «мне вреден физический труд», «дайте работу в учреждении» и т. д. Эта группа предпочитает работе хождение по учреждениям с требованиями обеспечить их питанием...».

Особенно в тяжёлом положении оказались еврейские беженцы. В докладной записке инспектора Управления по эвакуации населения Саратовской области З. Ханина от 27 января 1942 г. отмечалось, что «значительная часть эвакуированных, особенно из западных областей - Украины, Белоруссии и Бессарабии совершенно не имеет тёплой одежды, белья и обуви. Такое положение лишает их возможности работать в условиях открытого воздуха на полях. Например положение семьи Эпштейн, эвакуированной из БССР — на четырёх трудоспособных женщин имеется только одно пальто и одна пара обуви».

В связи с приездом в Поволжье большого числа эвакуированных возникла необходимость срочного решения жилищной проблемы. Так, 24 февраля 1942 г. Ярославский облисполком принял решение о временном расселении в Ярославле эвакуированных из Ленинграда с уплотнением

квартиросъёмщиков до 4 кв. м. на человека. В апреле 1942 г. из-за тяжёлого положения с жильём была запрещена прописка в Ярославле.

Отдел по хозяйственному устройству эвакуированных СНК РСФСР в ходе проверки, проведенной в 1942 г. в Куйбышевской области установил, что в Ленинском районе Куйбышева 139 эвакуированных семей жили в тесных, неотапливаемых и непригодных для проживания в зимних условиях квартирах. В городе Мелекесе 63 семьи были размещены в чуланах и сараях.

Тяжёлое положение сложилось также в колхозах. Об этом свидетельствует жалоба эвакуированных из колхоза им. Энгельса Саратовской области от 23 февраля 1943 г.:

«... Общий разговор сводится к тому, что нас, евреев, здесь все ненавидят... Материально-бытовое положение на сегодняшний день почти в одной мере для всех остается весьма тяжелым. Большинство семей впали в тяжелую материальную нужду – отсутствуют продукты питания, белье и зимняя одежда для детей и взрослых, в особенности семей: Энтиной (муж слепой), Эстриной (муж больной лежит в больнице) ... Квартирные условия... Семьи Энтиной, Розенкранц и Эстриной живут в одном доме (одной квартире). Он состоит из кухни и комнаты с земляными полами, в комнатах грязно, стены не побелены, сырые. В земляном полу в нескольких местах выбиты ямы по колено. Из-за отсутствия топки во всех семьях в квартирах холодно...».

Российский историк В. Федотов отмечает, что на Среднем Поволжье и в городах, и в деревне часто имели место проявления бытового антисемитизма. Приведём несколько примеров из документов. В Чапаевске Куйбышевской области больные оскорбляли врача-еврейку и кидали в неё обувь и подушками. В Саратовской области эвакуированная учительница Ахтубинской средней школы Ахтубинского

сельсовета Шпейгардт написала в марте 1944 г. заявление властям о том, что четверо школьников в возрасте от 9 до 11 лет в вечернее время подходили к её квартире и стучали в дверь и окна с криками «Жидовка», «Еврейка».

Некоторые эвакуированные еврейские семьи находились в тяжёлом положении и через несколько лет после приезда на место эвакуации. Об этом можно узнать, например, из письма эвакуированной Р. Лившиц, проживавшей на ст. Ершово Саратовской области, на фронт своему мужу от 17 апреля 1944 г.:

«...Ты должен понять как тяжело жить в настоящих условиях, имея семерых детей, которые требуют питания, одежды и обуви, чтобы жить и учиться. Дети все заболели: кто цингой, кто язвой на языке от недоедания. Двое маленьких детей высохли и стали похожи на скелет, так как от недоедания болели воспалением кишечника. Сама я едва хожу от истощения. Работать силы нет. И здесь я не одна такая нуждающаяся... Дети мои завернуты в тряпках, голые. Если бы ты посмотрел, как мы всю зиму жили почти без топлива в холодной квартире и голодные. А мороз доходил до 40 градусов.

Я прошла суровую школу жизни, даже пришлось ходить побираться почти босой и полуголой, чтобы не дать умереть детям голодной смертью... Сейчас я питаюсь из помойных ящиков картофельной шелухой. Она горька. Дети не перестают болеть и я вместе с ними. Наверное не суждено нам дожидаться окончания войны».

Резэвакуация населения из Верхнего и Среднего Поволжья началась со второй половины 1943 г. Так, например, из Саратовской области с августа 1943 г. возвращались руководящие работники, специалисты и рабочие, ранее эвакуированные из Литовской и Латвийской ССР. Также проходило откомандирование на родину специалистов

сельского хозяйства, научных работников и преподавателей сельскохозяйственных учебных заведений, эвакуированных в Саратовскую область из Молдавской ССР.

Из Чувашии в июле 1944 г. были реэвакуированы в Ленинград 6.357 человек, размещённые в 170 вагонах. Осенью того же года из республики возвращались в родные места бывшие жители Ленинграда и Калининской области.

Процесс возвращения эвакуированных продолжался и в послевоенное время.

Библиография

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 327. Оп. 2. Д. 51. Л. 46–58.
2. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 3. Оп.1. Д. 2074. Л. 271–273.
3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 4723. Оп. 3. Д. 5. Л. 36–38.
4. Альберт Каганович А. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва. Иерусалим, 2023.
5. *Население России в XX веке: Исторические очерки*. В 3-х т. / Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 85.
6. Виктор Федотов. *Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны*. Самара., 2009.

Эвакуация населения в Сталинградскую область в 1941–1944 гг.

Первые эшелоны с эвакуированными стали прибывать в Сталинградскую область в конце июня 1941 года. В плане эвакуации населения 1-й очереди, принятом в начале июля, предусматривался вывоз из западных областей СССР в Сталинградскую область 50.000 человек. Другим планом на первую декаду июля 1941 г. планировалось вывезти из Украины в Сталинградскую и Саратовскую области 350.000 человек.

На территории области, в городах Сталинград, Камышин, Калачи на станции Владимировка, были созданы эвакуопункты для приема и обслуживания эвакуированного населения. К концу июля через Сталинградский эвакуопункт проследовало 125 эшелонов с эвакуированными. Часть поездов, прибывших в июле из Украины и Крыма, не имели начальников поездов и списков эвакуированных, поэтому работа по их учёту проводилась на эвакуопунктах.

Эвакуопункты должны были обеспечивать эвакуированных питанием в соответствии со следующими нормами: хлеб — 400 г в день; крупа — 800 г в месяц; сахар — 200 г в месяц; сахар (детям) — 300 г в месяц; мясо-рыба — 800 г в месяц; жиры — 200 г в месяц. Кроме того, они предоставляли прибывшим денежную помощь, содействовали в трудоустройстве, выдавали промтовары и одежду.

К 12 июля в область приехало 16.653 человека, а на 25 июля 1941 г. в районах Сталинградской области было расселено 62.971 человек

Были случаи когда эвакуированные отказывались выезжать из городов в районы области. Например, из отправленного в Ворошиловский сельский район эшелона в 800 человек самовольно высадилось на пригородных

станциях 700 человек. Прибывшее в область население было размещено в основном Сталинграде, Красноармейске, в окрестных рабочих посёлках и сельских районах

К 11 августа в область прибыло 78.974 эвакуированных, а на 10 ноября 1941 г. в области было размещено 179.000 эвакуированных. Однако осенью 1941 г. поток эвакуированного населения резко вырос. В октябре-ноябре 1941 г. в Сталинград ежедневно поступало от 8.000–15.000 эвакуированных. В результате численность населения в городе выросла вдвое (в 1939 г. она составляла 445.312 человек). Бывший первый секретарь Сталинградского обкома партии А. Чуянов позднее вспоминал:

«Все станции и перевалочные базы были забиты. На вокзалах, пристанях, переправах — огромное скопление людей, автомашин, подвод, скота. Работникам вокзалов и переправ порой трудно было установить, куда и в каком направлении должны идти эти грузы».

18 ноября 1941 г. Государственный комитет обороны СССР (ГКО) принял постановление «Об ускорении продвижения эшелонов и отдельных групп вагонов с эвакуированным населением».

Управление по эвакуации населения в это же время информировало ЦК ВКП(б) о том, что «на многих станциях наблюдается исключительная забитость вокзалов, массовая завшивленность эвакуированных, большое количество больных всевозможными болезнями, в том числе сыпным тифом. Медленное продвижение эшелонов и отдельных вагонов... создаёт эвакуированным ряд дополнительных трудностей, в особенности в питании, вызывает усталость и заставляет часть из них сходить с поездов и размещаться на вокзалах. С наступлением морозов увеличилось число больных, в частности гриппом и воспалением лёгких».

Для решения проблемы разгрузки Сталинградского железнодорожного узла от эшелонов с эвакуированным населением и грузами в Сталинград из Москвы в ноябре 1941 г. была направлена специальная комиссия. Она обнаружила, что на Сталинградской железной дороге и в самом городе находится около 200.000 эвакуированных. Они жили в поездах, на вокзале, на стадионе, на улицах, скверах и площадях. Редко проводилась санитарная обработка людей. Питание было плохо организовано. Многие эвакуированные покупали продукты в коммерческих магазинах в городе, создавая большие очереди. Это вызвало недовольство местного населения.

Городские власти приняли меры по ликвидации скопления эвакуированных на переправах и по разгрузке вокзалов и пристаней. С 1 по 15 ноября из города было вывезено 221.990 человек, в том числе более 100.000 водным путём. Кроме того, было отправлено 32 поезда через станцию Поворино на Пензенскую железную дорогу. С Владимирской пристани через Рязанско-Уральскую железную дорогу выехало в Узбекистан и Казахстан 51.700 человек, в области Урала и Сибири — 9.350 человек, в Саратовскую область (левый берег) — 14.350 человек

Владимир Дробнис описывает отъезд своей семьи из Сталинграда в ноябре 1941 г.: «Выехать из Сталинграда оказалось очень сложно. Во-первых, железной дороги на север, до Саратова, тогда ещё не было, её пришлось срочно строить уже в годы войны... Во-вторых, судоходство уже останавливалось, так как по реке пошла шуга (смесь снега, льда и воды) ... Мы трое суток просидели с вещами на речном вокзале: все пароходы, шедшие вверх по Волге были перегружены, и несмотря на наличие билетов, никто не хотел нас брать на борт».

Всего с августа 1941 г. по март 1942 г. через Сталинградский эвакуопункт проследовало 441.079 эвакуированных. Около 200.000 было размещено в восточных районах области.

По данным Управления по эвакуации населения о количестве размещенного эвакуированного населения в Сталинградской области по состоянию на 30 декабря 1941 г., на территории области находилось 183.500 человек. По данным местных властей к началу 1942 г. в пределах Сталинградской области было размещено более 300.000 эвакуированных, в самом Сталинграде — более 100.000.

С 25 февраля по 9 марта 1942 г. через Сталинград прошло 11 эшелонов с 10.500 эвакуированных ленинградцев. Каждый вагон посещался врачами, которые оказывали необходимую медицинскую помощь. Из числа эвакуированных 162 человек в тяжёлом состоянии было госпитализировано, из них 9 человек сразу умерли.

Всего в феврале-марте 1942 года через Сталинградскую область прошло более 100 эшелонов с населением, эвакуированным из Ленинграда, в которых находилось примерно 130.000 человек.

В мае 1942 г. было принято решение о размещении в Сталинградской области 50.000 жителей блокадного Ленинграда. Из них было принято и размещено в области более 10.000 человек.

Выбор направления эвакуации зачастую определялся недостаточно обоснованно. Весной 1942 г. десятки тысяч эвакуированных из Ленинграда и Смоленской области прибыли в Сталинград и Сталинградскую область, но позднее им пришлось перебазироваться далее на восток. Последующие события показали, что решение о вывозе гражданского населения из ряда центральных и южных областей в Сталинградскую область было неверным.

С началом летнего немецкого наступления значительно усилился поток эвакуированного населения через Сталинградскую область из Ворошиловградской (ныне Луганская), Ростовской и Воронежской областей. Эвакуированные обслуживались на областных эвакуопунктах, но в основном отправлялись за пределы области.

Эвакуация населения из Сталинграда началась с большим опозданием. Вопрос о необходимости разгрузки города был поставлен Городским комитетом обороны ещё в октябре 1941 г. 14 декабря 1941 г. ГКО разрешил вывезти из Сталинграда 50.000 эвакуированных в сельские районы области и за её пределы. Беженцы продолжали прибывать зимой и весной 1942 г., и летом их количество достигло максимума.

Бывший первый секретарь Сталинградского обкома партии А. Чуюнов так описывал сложившуюся ситуацию:

«По Волге, с северных портов, не прекращалась отправка в Сталинград эвакуированного населения... Это шло вразрез с развёртывающимися боевыми действиями в большой излучине Дона. Партийные и советские организации поставили перед ГКО вопрос о необходимости разгрузки города — эвакуации мирных жителей Сталинграда и членов их семей, работников ряда его предприятий. Тем не менее, вопрос об их эвакуации не решался по тем соображениям, что «Сталинград не будет сдан противнику».

В середине июля 1942 г. Сталинградский обком партии принял решение об эвакуации населения из 15 районов по правому берегу рек Хопёр и Дон. Однако из Москвы поступили указания о том, чтобы покончить с эвакуационными настроениями и бороться с трусами и паникёрами. Вопрос об эвакуации населения Сталинграда ставился и военными. Так, командующий Сталинградским фронтом Тимошенко 13 июля 1942 г. писал в Ставку верховного главнокомандования:

«Считаем необходимым немедленно эвакуировать из Сталинграда женщин и детей, не занятых на производстве военных материалов, ибо в городе скопилось очень много народа после эвакуации из Украины, и дальнейшее оставление всего населения на своих местах будет очень невыгодно в условиях возможных налётов авиации противника».

В начале августа 1942 г. Москва разрешила приступить к эвакуации женщин с детьми, не работающих на предприятиях, в учреждениях и на строительстве оборонительных сооружений, в Куйбышевскую область. В это же время по специальному решению начали выезжать отдельные промышленные предприятия, эвакуированные ранее в Сталинград. 15 августа 1942 г. Сталинградский обком партии принял решение «О частичной разгрузке г. Сталинграда», по которому намечалось вывезти в Ульяновский и Сызранский районы Куйбышевской области 15.000 женщин с детьми и 10.000 разместить в заволжских районах.

К моменту массированной бомбардировки Сталинграда немецкой авиацией 23 августа 1942 г. из Сталинграда были эвакуированы райвоенкоматами семьи начальствующего и политсостава РККА, прибывшие в порядке эвакуации из других областей.

Таким образом, в августе 1942 г. в относительно спокойной обстановке было вывезено из Сталинграда более 75.000 женщин и детей, значительная часть которых была размещена на левом берегу Волги в 4-х районах Сталинградской области.

В течение 1941 г. и первой половины 1942 г. в Сталинградскую область было эвакуировано из западных областей 70 детских домов — 10.042 детей. В связи с

приближением фронта 63 детских дома были эвакуированы за пределы Сталинградской области.

После бомбардировки 23 августа 1942 г., вызвавшей большие пожары и разрушения в Сталинграде, началась массовая эвакуация населения из города за Волгу. Для этого были выделены специальные речные трамвайчики, мобилизованы более 1.000 весельных лодок и в широких масштабах использовались воинские переправы. 24 августа Городской комитет обороны принял постановление «Об эвакуации женщин и детей на левый берег Волги», а после жестоких бомбардировок 29 августа и 2 сентября дополнительное постановление «О переброске населения на левый берег Волги».

В конце августа количество перевезённых за Волгу людей достигало 50.000–60.000 человек. В районе центральной пристани Сталинграда был организован эвакуопункт, который регулировал поток эвакуированного населения по отдельным переправам.

Пароходы, на которых вывозилось население Сталинграда и эвакуированные ранее в город, часто отходили перегруженными и подвергались беспощадным бомбардировкам немецкой авиацией. 24 августа из города был отправлен пароход «Иосиф Сталин», на котором находилось до 1.200 пассажиров. Пароход был потоплен, причём спасти удалось только 150 человек.

На левой стороне Волги, напротив Сталинграда, в Красной Слободе был организован эвакуопункт, на котором выдавалась денежная помощь, горячее питание, обувь. Крупные эвакуопункты были организованы в Средней Ахтубе и Ленинске. Основная масса эвакуированного населения грузилась в поезда на станции Ленинск и направлялась в Куйбышевскую, Молотовскую и другие области.

Одновременно проходила и эвакуация рабочих с семьями промышленных предприятий союзного подчинения.

В конце сентября и в октябре налёты немецкой авиации на железнодорожную линию за Волгой значительно усилились. Некоторые эшелоны бомбили после погрузки, а также в пути следования. Около 100.000 человек были размещены в колхозах за Волгой.

К 11 сентября 1942 г. из Сталинградской области выехало 180.000 человек, в октябре эвакуация ещё продолжалась, и на 1 декабря 1943 г. там находилось 120.677 эвакуированных.

По данным на 1 декабря 1941 г. евреи составляли 51% среди всех эвакуированных в Сталинградскую область. Это объясняется тем, что эвакуированные из Украины составляли примерно половину, а из Белоруссии — более 17% от всех прибывших. Из Украины и Белоруссии в область приехали в основном неорганизованные беженцы. Семья Бориса Лившица приехала в Сталинград из Киева в конце июля 1941 г. По его наблюдениям в городе собралось огромное количество беженцев, «ногу было негде поставить или достать кусок хлеба».

Материальное положение еврейских беженцев было тяжёлым. По воспоминаниям Ефима Кипниса его семья жила в Сталинграде в будке площадью не более 6 метров, которая находилась недалеко от пристани. Затем они переехали в совхоз, расположенный в 70 км от Сталинграда, рядом с большой узловой станцией Поворино. Там семья получила одну комнату в деревянном бараке. В комнате имелись печка и плита. Дрова для них надо было самим рубить в лесу.

Ряд свидетелей отмечает равнодушное или враждебное отношение к евреям-беженцам, поселившимся в сельской местности. Томас Палий, эвакуированный из Запорожья на хутор в излучине Дона вспоминал о совместной жизни с донскими казаками:

«За год мы обносились и обнищали. Может не стоит вспоминать, но в течение года никто из жителей и корки хлеба не предложил. Я мог бы сравнить с Узбекистаном... Но Б-г с ними».

Эля Гехтман рассказывает, что отношение казаков к евреям-беженцам на хуторе Малоголовский менялось со временем в худшую сторону. При приближении фронта станичники стали открыто говорить: «Скоро немцы придут, мы Вас всех жидов перевешаем!».

На территории Сталинградской области в 1942–1943 велись боевые действия. 14 сельских районов оказались полностью или частично оккупированы немецкими войсками. Более 50.000 жителей сельских районов погибло от боевых действий. Наибольшие потери понесли оккупированные районы области. По состоянию на 1 января 1944 г. в этих районах осталось лишь 70,7 % от численности населения 1939 года.

Особенно пострадало население Сталинграда. Большая часть Сталинграда была оккупирована и почти до основания разрушена. В результате вражеских бомбардировок в Сталинграде погибло 42.797 мирных жителей. К моменту завершения Сталинградской битвы в городе осталось примерно 32.000 жителей.

После завершения боев на территории области в город начинают возвращаться эвакуированные жители, прибывать люди из других районов страны. Среди них были как квалифицированные специалисты с семьями, так и молодежь, прибывающая по комсомольской мобилизации.

Массовая реэвакуация населения из Сталинградской области началась в 1944 г. В начале 1944 г. в области было размещено 112.105 эвакуированных, а к концу того же года их число сократилось до 41.015 человек.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 18. Л. 158; Ф. А-259. Оп. 40. Д. 3028. Л. 60–67; Д. 3517. Л. 15.
2. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 249. Л. 65–68.
3. Владимир Дробнис. «Когда дети взрослеют быстро» // *Неизвестная эвакуация. Воспоминания еврейских беженцев СССР, 1941–1945*. Иерусалим, 2015. С. 196–197.
4. Альберт Каганович. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва. Иерусалим, 2023.
5. Ефим Кипнис. *Еврейские беженцы и эвакуированные в СССР, 1939–1946. Сборник статей, документов и свидетельств* / Ред. З. Левин. - Иерусалим, 2020. С. 250–253.
6. Федотов В. Эвакуированное население в Сталинградской области в 1941–1948 годах // *Научный диалог*. 2019. №3. С. 307–321.

Вадим Дубсон

Эвакуированные и беженцы-евреи в Башкирии

Почти четыре тысячи евреев проживало перед войной в БАССР. Старшее поколение придерживалось традиций: справляли религиозные праздники, готовили традиционные кошерные блюда, женщины не работали, занимались хозяйством. Жили скромно, но достойно.

С началом Великой Отечественной войны в Башкирию было эвакуировано более 100 промышленных предприятий, научные учреждения, вузы и научно-исследовательские институты, вместе с которыми здесь оказались тысячи людей, цвет научной, культурной и технической интеллигенции. Республика приняла и разместила свыше 278 тысяч беженцев.

В этом огромном людском потоке евреи составляли значительный процент, и за несколько первых военных месяцев численность еврейского населения республики увеличилась в разы. Только в Уфу за 1941–42 гг. прибыло 104 тыс. эвакуированных. Если по переписи 1939 г. здесь насчитывалось 250 тыс. человек, то к началу 1945 г. — 382 тыс. вместе с Черниковском, городом-спутником, построенным на месте деревни Черниковка. Башкирия стала за несколько месяцев большим промышленным и культурным центром.

Первую группу эвакуированных составили руководители производства, инженерно-технические работники, рабочие высокой квалификации, прибывшие вместе со своими предприятиями, а также представители научной и творческой интеллигенции (члены Союза писателей, Академии наук Украины), среди которых было много евреев. Это были образованные, в большинстве своем достаточно ассимилированные и не соблюдавшие еврейских традиций люди. В новых условиях они продолжали заниматься своей работой, получили приличное жилье в благоустроенных квартирах, пайки.

По Башкирскому обкому КПСС на 1 января 1942 г. состояло 1548 евреев-членов партии и 350 кандидатов, всего 1898 человек (по

Уфимскому горкому соответственно — 733 и 163). Евреи-коммунисты были направлены во все районы республики.

За короткий срок вместе с другими эвакуированными они сумели наладить производство, организовать строительство и изыскательские исследования, научную и пропагандистскую работу, развернуть госпитали для раненых и больных воинов.

Одним из организаторов эвакуации научных учреждений АН Украины был профессор Илья Хризман. Академики И.Г. Гольденберг, С.А. Берзон из АН УССР работали по созданию новых строительных материалов.

Директор Уфимского механического завода Б. А. Вольнец входил в Комитет обороны страны.

Израиль Болотовский, начальник цеха Рыбинского авиационного завода, сумел за короткий срок организовать эвакуацию завода в Уфу. Когда немцы объявили об уничтожении крупнейшего авиазавода, ни одного станка и ни одного работника там уже не было. И.А. Болотовский долгое время заведовал кафедрой авиационного института, был награжден орденом «Знак Почета».

В Стерлитамак был эвакуирован Одесский станкостроительный завод им. Ленина, выполнявший задания правительства по выпуску специальных агрегатных станков для оборонной промышленности.

Начальник инструментального цеха Иона Мармер в 1940 году был отправлен из Одессы в Швейцарию за станком, которого тогда не было в СССР. Несколько месяцев он пробыл в Европе, бережно сохраняя драгоценные детали. А вскоре в Стерлитамаке был впервые в стране запущен в производство сверхточный станок.

Среди заводчан, удостоенных в конце войны высоких правительственных наград, было шестеро евреев.

Государственных наград были также удостоены: еврейский писатель Давид Гофштейн, председатель Президиума Уфимского горпромсоюза А.Я. Ихельман и многие другие.

В Уфе выступали с концертами заслуженный артист УССР А. Сонц и известная еврейская певица Анна Гузик. Продолжала работать Лина По (Полина Горенштейн), ослепшая балерина, ставшая скульптором. Некоторое время находился в Башкирии выдающийся художник Роберт Фальк. Эвакуировался в Уфу и друг Амедео Модильяни, 70-летний художник Яков Хаст, молодость которого прошла в Париже, где он закончил Академию изящных искусств,

Артисты Ленинградской еврейской оперетты в клубе Карла Маркса (ныне Дом офицеров) показывали спектакль «А хасане он клезмер» («Женитьба музыканта»).

Были эвакуированы из Киева писатель Натан Рыбак, филолог Марк Плисецкий и выдающийся фольклорист Моисей Береговский, в годы войны изучавший башкирскую народную инструментальную музыку.

Писатель Яков Городской создал много произведений о Башкирии и переводов башкирских авторов, Елена Ильина перевела сборники стихов башкирских поэтов «С отвагой в сердце». Профессор Зейлигер доставил из Одессы в Уфу более 300 экспонатов музеев русского, украинского, западноевропейского искусства.

В поселке Давлеканово поселили ленинградцев, среди них было немало ученых.

В годы войны в республике были развернуты эвакуогоспитали, через которые прошло около 250 тысяч раненых и больных. Среди 50 профессоров и доцентов, постоянно консультировавших в госпиталях, было немало евреев.

В Уфе разместились военные училища, в которых преподавали опытные командиры, в том числе евреи.

Образ жизни, язык, менталитет ничем не отличали этих людей от коллег других национальностей. По окончании войны многие из них, особенно москвичи, ленинградцы, киевляне, вернулись домой.

Из западных областей СССР, а также Москвы, Ленинграда днем и ночью под огнем противника шли эшелоны, увозя на восток

беженцев-стариков, женщин и детей. Их воспоминания помогают представить, как все это было. Путь был долг, полон опасностей. Матери во время бомбежек закрывали детей своими телами, как Елизавета Вайн-Кантерман, потерявшая мужа, погибшего вместе с ранеными на пароходе «Армения».

Моя мама, Чара Фридман, эвакуировавшаяся с семьей из Украины, вспоминала: *«По дороге часто встречались разбомбленные поезда. Крики, плач, стоны... Было жарко и душно. Во многих городах не удавалось остановиться, т. к. им говорили, что «город будет сдан». На 19-й день пути местность стала холмистой, на вокзале за окном появились старики с остроконечными седыми бородами, слышалась незнакомая речь. Эта была Уфа...»*

Здесь и остановились.

Поселили 8 человек в одной комнате в двухэтажном бревенчатом доме по адресу ул. Сталина, 17».

Когда хоронили бабушку, мама поклонилась и произнесла слова благодарности дому, ставшему для ее семьи родным.

Чара, ее брат и сестра продолжили в Уфе учебу. Заболев туберкулезом, она получала дополнительное питание. Бабушка каждое утро встречала почтальона, какую весточку он принесет. Ждала сына даже после того, как закончилась война.

На Уфимском вокзале, на маленьких станциях беженцев встречали толпы людей разных национальностей. Они приводили приезжих, голодных, оборванных, завшивленных к себе домой, кормили, ухаживали за ними, помогали найти работу, поддерживали морально. Архивные данные дают лишь приблизительное представление о том, сколько было беженцев. Не учитывались дети. Тем не менее, в списках эвакуированных из прифронтовой полосы и прибывших в Уфу в первые месяцы войны, евреи составили 50,8 %.

Улицы «штетла», небольшого района вокруг синагоги, где с конца XIX века селились евреи и вели привычный образ жизни, говорили на идиш, приняли на себя основной поток беженцев. Выросшие в

бывшей черте оседлости, окончившие в довоенные годы еврейские школы и техникумы, они привнесли с собой дух местечек, язык, традиции. Многие из них остались жить здесь после войны. Согласно переписи населения 1959 г. число евреев составляло свыше семи тысяч человек. Идиш звучал на уфимских улицах до конца 1960-х годов.

Беженцев расселяли по общежитиям, коммуналкам, частным квартирам, многих — в селах и деревнях.

В Уфе, в семьях эвакуированных евреев, родились писатели Сергей Довлатов, Людмила Улицкая, выдающийся скрипач и дирижер Владимир Спиваков, чей отец приехал с фронта после ранения. Среди эвакуированных было немало учителей, воспитателей, оказавших заметное влияние на культуру села. Они устраивали концерты, вечера отдыха, организовывали хор, читали лекции. Здоровый образ жизни, система воспитания детей, крепость семейных устоев становились образцом для подражания.

Эвакуированные и беженцы активно включались в жизнь республики, ставшей для многих из них второй родиной. Ветераны труда вспоминают, что на нескольких заводах были «еврейские» цеха, где работали практически одни евреи. К станку вставляли 15–16-летние ребята и люди преклонного возраста.

Находилась работа и для тех, кто не имел специальности. Так, в эвакуированных из Киева мастерских Главпромстроя НКВД трудились домохозяйки, подростки.

Хлебные карточки с максимальной нормой хлеба — 800 г. были лучшим материальным вознаграждением, а голубые шинели немецких офицеров — премией передовикам производства.

Значительное увеличение населения не могло не вызвать определенные сложности и недовольство отдельных местных жителей, которых «уплотняли», подскочили цены на рынке, зимой 1941–42 гг. голодающим людям приходилось сутками стоять на морозе за пайком хлеба. Впрочем, так было повсюду. К чести наших

сограждан, большинство из них поняло беду людей, потерявших на оккупированных территориях все: близких и кров.

Было бы неверным игнорировать тот факт, что война вызвала всплеск антисемитизма не только на оккупированных территориях, но и в глубоком советском тылу. Хранящиеся в архиве общественных объединений РБ документы дают возможность судить о том, каковы были реалии тех лет.

Лектор Л. Е. Якобсон, выступавший в разных районах республики и беседовавший как с местным, так и с эвакуированным населением, обратился в обком партии с докладной запиской «О некоторых явлениях межнациональной розни в БАССР».

Он предлагал усилить пропагандистскую работу, чтение лекций, проведение бесед об антисемитизме, отразить эту тему в печати. С письмом к Первому секретарю обкома партии 23 июля 1942 года обратился Борис Копман, начальник отдела института № 86, позже заместитель ди ректора 210-го завода который сообщал о проявлениях антисемитизма и видел причину в *«чьей-то подрывной деятельности и вражеской агитации, а также в наличии элементов, специально занимающихся этим»*. В рапорте о состоянии воспитательной работы в школах было отмечено, что «почти ежедневно в мужских школах имеют место случаи драк, проявления антисемитизма, хулиганства».

Нам не удалось найти документы, позволяющие судить о принятых руководством республики мерах по пресечению подобных высказываний и действий.

Первым секретарем Башкирского обкома КПСС был в 1942–1943 гг. участник Гражданской войны Семен Задонченко (Шимон Борухович Задончик), прибывший в Уфу с Рыбинским моторостроительным заводом. Возможно, он считал, что не следует фиксировать на этих фактах внимание и предпринимать какие-либо меры репрессивного характера, дабы не «подлить масла в огонь».

Начало политики государственного антисемитизма пришлось именно на годы войны. Замалчивались факты геноцида еврейского населения на оккупированных территориях (такая информация перед началом войны и в первые ее месяцы могла спасти жизнь сотням тысяч евреев, помнивших толерантных немцев Первой Мировой войны), замалчивались и подвиги евреев, командиров и бойцов на фронтах Великой Отечественной, тормозилось их награждение, зачастую в наградных документах указывалась иная национальность.

Часть людей ухудшение условий жизни связывала с евреями. Под влиянием пропаганды они считали, что Гитлер ведет войну только против евреев, что на фронтах их мало, нет на передовых. Не нужно забывать об антисемитских «традициях» в отдельных населенных пунктах, где попытки погрома были и в 1905, и во время Гражданской войны, хотя жертв не было и сколько-нибудь серьезного ущерба они не причинили.

В мае 2005 года нами было проведено интервьюирование 55 жителей г. Уфы в возрасте от 72 до 86 лет, евреев по национальности, живших в военные годы в БАССР, о проявлениях антисемитизма в Башкирии во время Великой Отечественной войны.

33 респондента (60%) ответили отрицательно. 22 человека (40%) отметили проявления антисемитизма, сводившиеся к обзыванию «жидом/жидовкой» или «жидовской мордой», пении антисемитских песенок.

В целом же атмосфера во время войны оценивалась как вполне доброжелательная и все, без исключения, респонденты выражали благодарность республике, приютившей их, давшей возможность выжить в суровые военные годы.

Отвоевав, приехали сюда, к своим семьям, фронтовики, бывшие узники гетто, которым было слишком тяжело оставаться там, где все напоминало о пережитом.

Судьбы большинства эвакуированных и их потомков сложились в большинстве случаев благополучно: проблем с получением

образования, трудоустройством, характерных для городов бывшей черты оседлости, здесь не было.

Таким образом, миграционная волна 1941–42 гг. вызвала:

1. Рост численности населения республики в целом и в десятки раз увеличение еврейской диаспоры.
2. Изменение национального и социального состава жителей республики.
3. Сдерживание ассимиляционных процессов среди еврейского населения.
4. Рост антисемитских настроений в советском тылу.

Библиография

1. ЦГОО РБ. Ф. П-122. Оп-22. Д. 288
2. *Документы мужества и героизма (Башкирия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Документы, материалы.* Башкирское книжное издательство. Уфа, 1980.
3. ЦГИА РБ. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 849.
4. ЦГОО РБ. Ф. П-122. Оп. 21. Д. 23. С. 184–186.
5. ЦГОО РБ. Ф. П-122. Оп. 21. Д. 23. С. 194.

Эвакуация в Марийскую АССР

Марийская автономная область была образована 4 ноября 1920 г. 5 декабря 1936 г. область была преобразована в Марийскую АССР.

В Марийскую республику на 26 июля 1941 года прибыло 15.582 эвакуированных. После прохождения санобработки большую часть из них отправили в колхозы и совхозы. В числе эвакуированных прибыло 349 детей без родителей, три детских сада, один детский дом. Дети были размещены в Кузнецовском, Люльпанском и Параньгинском детдомах и в Куярском доме отдыха.

По состоянию на 12 октября 1941 года в Марийскую АССР в порядке эвакуации прибыло 33.905 чел. В том числе из прифронтовой полосы – 20.566 чел. и из Москвы – 13.339 чел. Среди них было детей до 15 лет — 18.535, мужчин от 16 до 60 лет — 2.900, женщин от 16 до 55 лет — 10.120, мужчин старше 60 лет и женщин старше 55 лет — 2.350.

По состоянию на 10 апреля 1942 г. в республику прибыло 38.700 эвакуированных, в том числе 15.200 детей. С промышленными предприятиями приехало 7.300 человек. В сельской местности было размещено 28.000 человек.

В декабре 1942 г. в республике проживало 29.208 эвакуированных, в том числе в трёх городах областного подчинения — 8.308 человек. В столице республики г. Йошкар-Ола находилось 6.320 эвакуированных.

Из Украины приехало 2.790 чел., из Белоруссии — 1.990 чел., а из прибалтийских республик — 1696 чел. Среди них большинство составляли еврейские беженцы. Поэтому среди всех

эвакуированных в Марийскую республику каждый пятый оказался евреем (21%). В некоторых местах большую часть прибывших составляли еврейские беженцы. Например, такая ситуация сложилась в посёлке Куженер, как свидетельствует коренной житель посёлка В. Смоленцев:

«...К нам в район прибыли эвакуированные из западных областей Украины... Прибыла молодёжь преимущественно, а может быть исключительно, еврейской национальности».

В 1941 г. прибыло по эвакуации 17 детских домов с 1377 детьми. В республике работали детские дома, ясли для эвакуированных детей. В короткие сроки были построены для них новые дома или приспособлены имевшиеся здания.

В Марийскую республику в течение второй половины 1941 – первой половины 1942 гг. прибыло оборудование 27 промышленных предприятий из Москвы, Одессы, Киева, Ленинграда, Ржева. Из Ленинграда в Йошкар-Олу были эвакуированы Военно-воздушная академия, Государственный оптический институт, особое конструкторское бюро (ОКБ-43) Наркомата вооружения СССР и др.

На базе эвакуированных профильных заводов Москвы, Ленинграда, Одессы образовалось оптико-механическое предприятие в Йошкар-Оле (завод №297). За годы войны завод №297 поставил на серийное производство 85 новых и модернизированных видов оптических приборов.

Из Одессы прибыл завод киноаппаратуры «КИНАП». Часть оборудования завода осталась в г. Зеленый Дол после войны. Там же остались инженеры Розенберг, Фелькер, Шойхет, Шмушкевич, Клейман, Пироткиер и ряд других, работавшие затем на этом производстве большую часть своей жизни.

Работа в органах, занимавшихся обслуживанием эвакуированных, была непрестижной и низкооплачиваемой. Поэтому на должности эвакуационных инспекторов зачастую набирали малограмотных или неподходящих людей. В Марийской республике на 2.800 эвакуированных приходился лишь один работник эвакуопункта.

Средства на нужды эвакуированных поступали из республиканского бюджета. Беженцам выдавались денежные пособия. Их размещали в общежитиях, школах, кинотеатрах, вселяли в дома местных жителей. Специальным постановлением СНК МАССР от 8 декабря 1941 г. был организован аппарат Управления по эвакуации населения в городах и районах республики со штатом инспекторов по трудоустройству.

По данным за апрель 1943 г. из общего числа 28.376 эвакуированных трудоспособных было 11.893 чел., из которых были трудоустроены 10.039 человек. Большая часть из них работала на промышленных предприятиях (3.277 человек) и в колхозах (4.311 человек). По талонам выдавали соль, спички, мыло. Хлебный паек все эвакуированное население получало на общих основаниях. Рабочим полагалось хлеба по 450 г. в день,

служащим – 300 г., иждивенцам и детям до 12 лет – 250 г., учителям, врачам, зоотехникам и агрономам по 600 г.

Остро стоял вопрос с обеспечением эвакуированных одеждой и обувью. Об этом в октябре 1941 г. начальник Йошкар-Олинского эвакуопункта при СНК Марийской АССР П. Краев писал в организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б):

«Большинство эвакуированных прибыло в июле и начале августа только в летней одежде, даже без замены белья, не говоря уже о зимней одежде. Поэтому многочисленные заявления и жалобы от эвакуированных сводятся к отсутствию ботинок, галош, валенок, пальто, варежек, теплых портянок, нательного и постельного белья».

Такие заявления сохранились в Государственном архиве Республики Марий Эл. Так, художница М. Гребнер, работавшая по договорам в разных учреждениях Йошкар-Олы, остро нуждалась в обуви. В своем заявлении она просила «приобрести любую обувь вплоть до мужской, так как хожу в совершенно рваных ботинках на босу ногу».

Эвакуированная из Москвы В.Гольцман 29 августа 1942 г. писала в Йошкар-Олинский горисполком:

«Я нахожусь в эвакуации с двумя детьми с 1941 года... Ребёнок 7 лет остался без обуви. В связи с наступающими холодами прошу выдать мне разрешение на покупку одной пары ботинок размером №30».

Канадский исследователь А. Каганович отмечает, что местные чиновники среднего и низового уровня, как правило, менее охотно заботились о нуждах эвакуированных, чем работники высшей категории (республиканская и областная администрация). Например, в некоторых колхозах Марийской республики эвакуированные были вынуждены ходить с детьми за дровами на дальние расстояния, так как им не давали лошадей. В колхозе им. Максима Горького эвакуированным выдавались за трудодни, как продукты питания, порошкообразные отруби, которыми кормили лошадей.

Имело место и прямое воровство при распределении выделенных для эвакуированных фондов. Так, власти Йошкар-Олинского района раздали своим служащим 3.000 метров ткани, предназначенных для пошива тёплых одеял для эвакуированных.

В то же время республиканские власти часто помогали эвакуированным в сложных ситуациях. Об этом свидетельствует история семьи Шварц. Хозяйка квартиры, которую снимала эта семья из четырёх человек, продала ее и потребовала от жильцов освободить квартиру. Дело дошло до суда, и Шварцам предложили покинуть квартиру. Однако Верховный суд Марийской АССР разрешил эвакуированной семье остаться в квартире.

В Марийской республике в годы войны нередко были антисемитские проявления по отношению к эвакуированным, в частности со стороны председателей колхозов. Например, председатель колхоза Стрельников издевался над эвакуированным Берлиным из-за еврейской национальности, несмотря на его отличную работу. В январе 1945 г. в ЦК ВКП(б) поступила информация, что в школах Волжского района республики школьники считают, что евреи употребляют кровь христианских детей. В ряде случаев слухи об этом распространяли поляки. В русском колхозе села Кунжур дети попросили девочку Хану Давидсон показать хвост и рожки, а потом стали щупать ей голову. С другой стороны Ицхак Штейнгант вспоминал о хорошем отношении к евреям в Йошкар-Оле.

С 1943 г. началась массовая реэвакуация в Москву. Она усилилась в 1944 г. в связи с решением Госкомитета обороны

СССР о конфискации квартир у эвакуированных из Москвы, получивших разрешение на возвращение в столицу и не вернувшихся в течение двух месяцев. Зачастую в заявлениях на реэвакуацию имелись просьбы об помощи с одеждой или же с денежными средствами на приобретение железнодорожных билетов.

В июне 1945 г. было принято постановление СНК Марийской ССР о реэвакуации в Калининградскую область и в Эстонскую ССР, а в августе 1945 г. его же постановление о реэвакуации в Новгородскую, Псковскую, Великолукскую, Ленинградскую и Калининскую области. Реэвакуация в основном завершилась до конца 1946 г.

Литература

1. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 249. Л. 67–68.
2. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. Р-852. Оп.1. Д. 2–3, 9.
3. Каганович А. «Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу. Москва. Иерусалим, 2023.
4. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Йошкар-Ола, 2005.
5. Марийская АССР в документах Государственного комитета обороны СССР (1941–1945). Сборник документов. В 2 томах. Т.1. Йошкар-Ола, 2025.

Эвакуация населения в Кировскую область

Уже в первые месяцы войны в Кировскую область прибыли тысячи эвакуированных из западных регионов СССР. Удобное тыловое положение региона, наличие транспортных магистралей давало возможность для быстрого развёртывания эвакуированных учреждений и предприятий.

Через центр области, в том числе через Киров, проходила Транссибирская магистраль, а у Котельнича дорога ещё и делилась на два направления. Главная магистраль шла через Горький на Москву, вторая ветка шла к Ленинграду. Это давало возможность вывозить людей и предприятия из двух важных районов страны. В первую очередь это был северо-западный район, к которому относились Ленинград и Ленинградская область. Вторым направлением, откуда шёл поток людей и эвакуированных грузов, был центральный район страны, к которому относились Московская, Калининская, Тульская, Смоленская и другие области.

На станции Котельнич был образован крупнейший в области эвакуопункт. Уже 13 июля он принял первый эшелон из Ленинграда с 300 эвакуированными, а 15 июля прибыл эшелон из Литовской ССР. Уже за первые десять дней работы эвакуопункт принял 10.000 человек.

28 июля 1941 г. был образован эвакуопункт в г. Кирове. При нём работали медпункт, столовая, рассчитанная на 1500–2000 обедов в день. В то же время помещений для временного размещения эвакуированных не хватало.

В январе 1942 г. газета «Кировская правда» сообщала о состоянии вокзала г. Кирова следующее:

«Через станцию Киров идут бесконечные потоки грузов, эшелонов. Вокзал работает плохо. Везде грязно и раскидан мусор. В билетных кассах ночуют люди. Участились случаи краж. Плохо работает багажный отдел».

В одном эшелоне зачастую ехали эвакуированные в различные города (Киров, Горький, Пермь, Свердловск и др.). Поэтому местные власти не знали точно о количестве эвакуированных, подлежащих расселению на территории Кировской области.

Значительная часть эвакуированных прибыли на станции Киров, Вятские поляны, Котельнич, Слободской. Большинство эвакуонаселения приняли центральные и часть южных районов области.

К началу ноября 1941 г. в область приехало 158.000 чел. На 1 января 1942 г. в области находилось 231.572 эвакуированных. В сельской местности поселилось 122.837 чел. (53%). Большую часть прибывших (около 70 %) составляли жители других регионов РСФСР, в том числе Ленинграда (12,1 %) и Ленинградской области (38,1 %), Москвы (3,5%) и Московской области (5,5%). В областном центре г. Кирове было размещено 54.000 эвакуированных — треть населения города.

Летом–осенью 1941 г. в Киров по железной дороге регулярно прибывали эшелоны с детьми и сотрудниками детских домов, садов и школ. Всего в регион доставили более 200 детских учреждений (яслей, садиков, школ, интернатов). Вместе с ними прибыло около 30.000 детей.

В конце 1941г. и в начале 1942 г. была произведена частичная реэвакуация населения, а летом-осенью 1942 г. в

область прибыли тысячи эвакуированных в ходе летнего немецкого наступления на юге России. В результате к 20 августа 1942 г. число эвакуированных снизилось до 177.800 человек, а к 1 января 1943 г. снова выросло до 197.200 чел.

На 1 июля 1943 г. в области находилось 161.228 эвакуированных. Из них 19.185 чел. прибыли с предприятиями и учреждениями. Среди эвакуированных имелось 54.066 детей до 14 лет.

В 1942 г. 85.767 чел. (43,8%) из общего количества эвакуированных относились к категории «трудоспособные», из них 74685 чел. (87,1%) были трудоустроены. 43% из них работали в колхозах, 30,5% в промышленности, и лишь 3,9% в учреждениях.

В Кировскую область было полностью или частично перевезено оборудование и персонал около 120 промышленных предприятий авиационной, танковой, лесной, станкостроительной и других отраслей. Численность городского населения области увеличилась до 1 января 1944 г. на 22.5% по сравнению с 1940 г. Это было связано с прибытием в регион ряда крупных промышленных предприятий.

В область прибыли наркоматы лесной промышленности СССР, лесной промышленности РСФСР, просвещения РСФСР, научные и педагогический институты, Ленинградский Большой драматический театр им. Горького (БДТ).

В Кировской области оказалась значительная часть эвакуированной научно-технической и учебной интеллигенции. Так, например, Кировский педагогический

институт (ныне ВятГУ) в 1941 г. принял десятки эвакуированных преподавателей из западных регионов, в том числе специалистов из Минска и Киева. Среди них были известные учёные: историк Александр Фортунатов, церковный историк Самуил Лозинский и др., что позволило вузу сохранить высокий академический уровень преподавания в сложных условиях войны. В Молотов~~ск~~ приехали видные педагоги Ефим Голант и Эле Монозон. В Кирове работал известный химик Исаак Иоффе. С группой БДТ эвакуировались в областной центр из Ленинграда писатель и завлит театра Евгений Шварц и известный поэт и драматург Анатолий Мариенгоф.

Среди эвакуированных в Кировскую область были и тысячи евреев, спасавшихся от нацистов. Особенно много еврейских семей было среди прибывших из республик Прибалтики, а также из западных районов Украины и Белоруссии. Например, в Уржумском районе (южная часть Кировской области) евреи составляли большинство эвакуированных.

В области имели место проявления антисемитизма. Например, в одном из колхозов крестьяне с откровенной враждебностью относились к польским евреям, «которые распяли Христа».

Резкое увеличение населения (каждый десятый житель области в 1941 г. был эвакуированным) привело к дефициту помещений. Люди массово селились в школах, больницах, клубах и даже сельских домах культуры. Прибывших в г. Халтурин латвийских писателей с семьями (всего 16 человек) местные власти поселили в одной комнате без мебели.

Главным способом решения жилищного вопроса стало уплотнение жильцов. С целью выявления подходящих помещений местными Советами регулярно проводились проверки жилой площади. Уплотнение осуществлялось путём снижения санитарных норм до минимума. Таким образом удалось расселить эвакуированных, прибывших в г. Киров.

Кроме того, для решения жилищной проблемы, в соответствии с постановлением СНК СССР от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения», осуществлялось строительство жилья упрощенного типа (бараков, казарм, землянок). В Кировской области было ассигновано на строительство бараков для эвакуированного населения 2.300.000 рублей.

У многих эвакуированных ощущалась острая нехватка тёплой одежды и обуви. В Омутнинском районе области по этой причине более трети детей эвакуированных не посещали школу. Ленинградка А. Эпштейн писала из Кирова: «У Мары нет обуви, потому в школу не ходит, а на рынке очень дорого». В этом же городе дочь Марии Амлинской из Днепропетровска ходила на работу до наступления морозов босиком, а затем в рваных калошах.

Многие эвакуированные испытывали острый недостаток продовольствия. В своих воспоминаниях Изольда Иванова так описывает происходящее:

«В Кирове не голодали, как в блокадном Ленинграде, но сытыми тоже не бывали. Чтобы не хотелось есть, жевали чёрный вязкий вар или стеарин с оплывших свечек. Для детей открывались столовые, где по талонам раз в день выдавали тарелку супа или заварухи».

В другом месте своих воспоминаний она отмечает, что «хлеб по карточкам получали мокрый и тяжёлый, синезелёный от подмешанной в тесто травы».

Уже упомянутая ленинградка А. Эпштейн осенью 1942 г. писала из Кирова родственнице:

«Дела у меня очень плохи. На рынке цены безумные, питаюсь очень плохо, в столовой одна вода с листьями, вырезают очень много талонов, так что карточки на месяц не хватает. Продала почти все тряпки, дальше не знаю, что делать... В комнате холодно, готовить нечего, света нет, керосина нет, кушать кроме 400 грамм хлеба нечего».

С прибытием большого числа эвакуированных в области произошёл резкий рост эпидемических заболеваний (сыпной и брюшной тиф, цинга и пр.), особенно в населенных пунктах, расположенных при железнодорожных линиях и в районах массового расселения эвакуированных. Пик распространения инфекций пришелся на осень 1941 г. – зиму 1942 г.

Эвакуированные жаловались на своё тяжёлое положение в письмах к родным. Осенью 1942 г. цензоры НКВД выявили 26.923 таких жалоб в Кировской области. В некоторых из них содержалась жёсткая критика местных властей. Так, в одном из писем его автор писал следующее:

«Столовая здесь для начальства, а мы — отбросы. Иногда кажется, что живёшь не в Советском Союзе. Отношение к эвакуированным чёрт знает какое. Нас считают за скотину». Со второй половины 1943 г. началась реэвакуация из Кировской области. В августе 1944 г. было реэвакуировано 29.892 чел. в Ленинградскую область и 2.793 чел. в

Калининскую область. На 1 января 1945 г. в области в сельской местности оставалось лишь 31.528 эвакуированных. К концу 1945 г. подавляющее большинство эвакуированных возвратились в родные места.

Резэвакуация продолжалась до 1948 г. Некоторые эвакуированные добровольно остались на территории области.

Литература

1. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. Р-2344. Оп.2. Д.469. Л.19; Ф. Р-3071. Оп. 1. Д. 6–7.
2. Каганович А. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва. Иерусалим, 2023.
3. *Население России в XX веке: Исторические очерки*. В 3-х т. / Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 85.
4. *Позабывать нельзя: Кировчане в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* Киров, 2010.

Эвакуация населения в Свердловскую область

Уже в первые недели войны в область стали прибывать эшелоны с эвакуированными. Для первоначального размещения прибывших уже в июле 1941 года в Свердловске был создан эвакуопункт при железнодорожном вокзале. Здесь люди обеспечивались бесплатным жильем в двух общежитиях на 900 коек, при эвакуопункте работали столовые. В некоторые месяцы через эвакуопункт ежедневно проходило 17.000–18.000 чел.

К 30 июля 1941 года в Свердловскую область перевезли свыше 40.000 чел.

До конца 1941 г. в область прибыло 378.611 чел. Большая часть из них приехала с Украины (Киевская, Днепропетровская, Сталинская (ныне Донецкая) области), из Москвы и Московской области, Ленинграда и Ленинградской области. Прибывшие с предприятиями и учреждениями составляли 73.9 %, беженцы — 26.1 %.

Организованные эвакуированные размещались, как правило, недалеко от предприятий, большей частью в городах (73.4 %); беженцы в основном направлялись в сельскую местность (69.6 %).

Доля эвакуированных среди всего населения Свердловской области к концу 1941 г. составила 10.4%.

Эвакуированные в начале 1942 г. поступали в основном из Ленинграда и Ленинградской области. За 1942 г. через Свердловский эвакуопункт прошёл 901 эшелон, из них 359 — с

ленинградцами. 2.000 дистрофиков-ленинградцев прошли лечение в больницах.

По данным на 1 мая 1942 г. в области было зарегистрировано 300.578 эвакуированных. Из них женщины составляли 41.2%, мужчины — 27.3%, а дети — 31.5%. 77 % эвакуированных были размещены в городах (из них 31% в Свердловске) и 23 % — в сельской местности.

Во второй половине 1942 г. эвакуированное население прибывало в основном из Крыма, Донбасса, Сталинграда, Воронежской и Орловской областей и с Северного Кавказа.

По данным на 1 июля 1943 г. в области проживало 343.873 эвакуированных, из них прибыло из Украины 75.628 чел., а из Белоруссии — 13.040 чел.

Имеются сведения о количестве эвакуированных в Свердловскую область по местам выхода за 1943 г. Эвакуированные из Москвы и Московской области в составили 31.1 % от всех эвакуированных, из Ленинграда и Ленинградской области — 25,8%, из Украинской ССР — 22%.

Свердловская область приняла большое число эвакуированных детских учреждений. В апреле 1943 г. в области находилось 111.700 детей.

Урал стал в годы войны крупнейшим центром промышленной эвакуации. К осени 1942 г. на его территории было размещено оборудование более 830 предприятий, 212 из которых приняла Свердловская область. Вместе с эвакуированными предприятиями прибыли до 40% рабочих и ИТР.

Заводы, эвакуированные в Свердловскую область, как правило, сливались с однопрофильными. Так, Уральский завод тяжёлого машиностроения разместил на своих площадях Ижорский завод и ещё несколько оборонных предприятий. На территории Уралвагонзавода разместились Харьковский завод им. Коминтерна и Мариупольский завод, образовав Уральский танковый завод.

В область были эвакуированы научные институты, музеи (в том числе Эрмитаж и Оружейная палата), театры, творческие деятели из Москвы, Ленинграда, Киева и Крыма. В Свердловск приехали Майя Плисецкая, Арам Хачатурян, актёры МХАТа.

В дневнике Марии Коноплёвой описывается жизнь эвакуированных в Свердловске в августе 1941 г. Люди тратили многие часы в поисках пищи, килограмм сахара на рынке стоил 100 руб. Плата за комнату в месяц достигала 500 руб. Многие прибывшие продолжали жить в палатках.

Эвакуированных селили в подвалах, сараях и в других непригодных для жилья помещениях. Власти старались максимально использовать имеющийся жилой фонд. Часто в одной комнате проживало несколько семей. Многие рабочие проживали в бараках без межкомнатных перегородок, с нарами в несколько рядов и ярусов.

В областном архиве Свердловской области сохранилось много документов о бедственном положении еврейских беженцев. Так, в докладной записке председателя Верхне-Тавдинского райисполкома за декабрь 1942 г. сообщалось следующее:

«На сегодняшний день мы имеем очень много эвакуированных, которым сейчас же, немедленно требуется оказать помощь в белье, одежде и обуви, иначе они не в состоянии работать и существовать. Вот например: врач-эпидемиолог Львович не имеет зимнего пальто, а имеющиеся у нее ботинки настолько износились, что не поддаются ремонту...».

Аня Гуревич из деревни Слобода писала в не датированном заявлении в Туринский райторг:

«Так как я приезжая из Белоруссии, Минской области, Слуцкий район, с дому я уже 24.6.41. и я с собой никаких вещей не захватила, иду босая. Поэтому прошу Слободо-Туринский район оказать мне помощь в обуви и в одежде...».

Вот другое заявление на имя Уполномоченного по эвакуации:

«Кашпер Шлема Исаевич из Бессарабии МССР. Прошу помогать мне... так как я ничего не имею, ни брюки, ни белья, нахожусь голым. Может что поможете мне, возьмете внимательно мою просьбу, в виду я потерял свою жену с ребенком и ничего не имею во время эвакуации».

В январе-марте 1942 г. Свердловский обком партии рассмотрел на заседании бюро вопросы о материально-бытовом обслуживании эвакуированных в трёх районах области. Обнаружилась удручающая картина: ненормальные жилищные условия, отсутствие снабжения топливом, необеспеченность питанием, одеждой и обувью, игнорирование жалоб и заявлений.

Большие сложности имелись при распределении хлеба в сельской местности. Выдача хлеба эвакуированным нередко

задерживалась, произвольно сокращалась, а в некоторых случаях эвакуированные несправедливо лишались права на его получение.

Государством принимались меры по поощрению огородничества. Эвакуированным выделялись земельные участки и семена, оказывалась помощь по обзаведению мелким скотом и птицей. По данным по области за 1942 г. около 40% потреблённого населением картофеля выращивалось на собственных огородах.

С 1941 г. на Урале наблюдался рост инфекционных заболеваний. В 1942 г. особенно увеличилось число больных сыпным тифом. В Свердловской области заболеваемость сыпным тифом была отмечена в 28 районах.

С прибытием большого количества эвакуированных сильно вырос уровень смертности по области. В 1942 г. по сравнению с 1941 г. смертность увеличилась на 44.8% в городах и на 35.8% в сельской местности. Рост смертности был напрямую связан с голодом. 34% всех смертельных случаев в области в 1944 г. были вызваны дистрофией и авитаминозом.

Среди прибывших на 1 октября 1941 г. в Свердловскую область евреи составляли 30%, на 1 декабря того же года — 25%. По оценке российского историка Т. Прощёнок в область в ходе эвакуации прибыло около 74.000 евреев. Среди беженцев прибывших из Украины и Белоруссии евреев было не меньше половины. Беженцев расселяли в основном в сельской местности, поэтому здесь особенно заметной была неприязнь к евреям. В городах антисемитизм был менее выражен. Об этом вспоминает А. Вольфсон:

«На Среднем Урале до войны проживало немного евреев, они все практически работали рядом с русскими, вместе строили предприятия, и в общем людям не было знакомо это чувство в таком объёме, как в западных районах. Многие местные жители вообще не различали приезжих по национальности».

В сельских районах недоброжелательное отношение ко всем эвакуированным накладывалась на старые антисемитские предрассудки. Антисемитские инциденты имели место в Красноуфимском, Ниже-Сергинском, Туринском и в ряде других районов Свердловской области. Американская исследовательница Ребекка Мэнли приводит информацию о еврейском погроме в области. В ходе погрома нападавшие кричали: «Вот вам второй фронт — бей жидов!».

С 1943 г. доля эвакуированных среди населения области начинает постепенно уменьшаться. На 15 декабря 1944 г. в области оставалось 113.595 эвакуированных, а на 15 декабря 1945 г. - 80.616. За год из области было отправлено 17 эшелонов с возвращающимся эвакуированным населением.

В Москву и Московскую область возвратились к концу войны 94 % эвакуированных, в Ленинград и Ленинградскую область — 83 %, на Украину — 52 %. В связи с тем, что многие промышленные предприятия на Украине сильно пострадали за годы войны, эвакуированные оттуда заводы продолжали некоторое время работать на Урале после войны. К концу 1945 г. большая часть эвакуированного в область населения возвратилась на прежнее место жительства.

Литература

1. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-540. Оп.1. Д.105. Л. 3; Ф. Р-2145. Оп.1. Д. 2. Л. 17–18; Ф. Р-2508. Оп. 1. Д. 68. Л. 27–28, 185, 187; Д. 92. Л.8.
2. Вольфсон А. Евреи Уралмаша в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документальная повесть. Екатеринбург, 1998.
3. Корнилов Г. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. №4 (49). С. 112–120.
4. Потемкина М. Эваконаселение в уральском тылу (1941–1948 гг.). Магнитогорск, 2006.
5. Manley R. *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Cornell University Press, 2009

Эвакуация населения в Челябинскую область

Первые поезда с эвакуированными из Ленинграда прибыли в Челябинскую область в конце июня 1941 г. В июле-августе прибыли тысячи семей из Прибалтики. Свыше 5.000 жителей Эстонской ССР были размещены в шести районах области. Осенью 1941 г. количество прибывающих резко увеличилось: к 30 октября прибыло 124.000 чел., к 10 ноября – 195.900 чел.

Основная часть эвакуированных прибыла в область в организованном порядке. По данным на 25 января 1942 г., было эвакуировано 225.318 чел., из них прибыли с предприятиями и учреждениями 166.800 чел., а с детскими учреждениями — 33.591 чел. К началу 1943 г. в области было размещено 361.100 эвакуированных. Из них мужчин — 17.5%, женщин — 44.4%, детей — 38.1%.

Доля эвакуированных среди всего населения области составляла в конце 1941 г. 11.9%.

В Челябинскую область было эвакуировано более 200 промышленных предприятий, в том числе ленинградский Кировский завод, московский завод «Компрессор», тульские заводы, выпускавшие военную продукцию. Всего с промышленными предприятиями прибыло 71.224 рабочих и ИТР, что составляло более 47% от всех трудоспособных эвакуированных.

Из Москвы были перебазированы наркоматы боеприпасов, танковой промышленности, электростанций, строительства, Промбанк. В область эвакуировались научные учреждения, 15 вузов, десятки техникумов и ремесленных училищ, Академический Малый театр, Московский театр Сатиры и множество других учреждений и организаций.

В Челябинскую область прибыло 133 интерната и 92 детских дома из прифронтовой полосы. Всего на территории области в апреле 1943 г. было размещено 128.700 эвакуированных детей.

До войны в области проживало около 5.000 евреев. В то же время в 1943 г. только в Челябинске проживало 42.000–45.000 евреев. По данным на декабрь 1941 г евреи составляли 29% от всех эвакуированных в область.

В декабре 1941 г. Челябинский облисполком принял ряд решений об оказании помощи эвакуированному населению. Для этого местным советам было выделено более миллиона рублей. В январе-феврале 1942 г. облисполком оказал материальную помощь эвакуированным в 38 районах области.

В связи с прибытием десятков тысяч эвакуированных резко обострилась жилищная проблема. С 1 сентября 1941 г. норма жилплощади в Челябинске была установлена до 3 кв. м. на человека, в Копейске — 2.7 кв. м. В рабочих общежитиях некоторых предприятий были установлены двух-трехъярусные нары. Для прибывших выделялись сараи и подвалы, началось строительство бараков и землянок.

Условия жизни рабочих зачастую были очень тяжёлыми. В тресте «Магнитострой» многие из них жили в землянках, пропускающих воду во время дождей. Работники предприятий нередко были вынуждены ходить на работу за 10–15 км.

В г. Златоусте эвакуированные рабочие из Тулы жили в антисанитарных условиях:

«Бараки строились зимой. Очень грязные, полные клопов, крыши протекают, стены сырые, к зиме совершенно не приспособлены. Из-за отсутствия топлива кипятка не хватает.

Площадка у бараков сильно замусорена, в дождь превращается в непроходимое болото. Уборные не очищаются месяцами».

Семья Аркадия Луковского получила комнату в Челябинске. «Это было узкое, длинное полуподвальное помещение с одним окном. Подоконник вровень с землёй. Кровать, печь, стол». Семья Исаака Заславского жила в комнате 15 кв.м. Вместе с дальними родственниками в этой комнате проживало 10 человек.

Продукты и товары широкого потребления продавались по карточкам или специальным талонам. По рабочей карточке продавалось 400–600 гр., по иждивенческой в два раза меньше. Люди простаивали на морозе многочасовые очереди, чтобы купить продукты по государственным ценам. Ведро картошки на рынке стоило 100 рублей.

Информация о положении еврейских беженцев содержится в документах Челябинского областного архива. Инструктор Магнитогорского горкома партии Плеханова писала о ситуации в Магнитогорске:

«... Большое количество эвакуированных не обеспечены кроватями, матрацами, мебелью и посудой, а также обувью и одеждой. Плохо обстоит дело с питанием эвакуированных. Пенсионерка Тальская эвакуировалась из Днепропетровска, живет с внучкой. Вся мебель их состоит из одной кровати, оставленной бывшими жильцами этой комнаты. Они не имеют ни матраца, ни стола, ни стула, ни посуды... Не имеют они ни обуви, ни одежды, особенно нуждается девочка, которой из-за отсутствия обуви приходится пропускать учебу. Вся их пища состоит из 400 гр. хлеба на человека и воды, так как они не могут согреть себе чая из-за отсутствия топки... У гражданки Гурфинкель заболел ребенок трех месяцев. Нести в поликлинику или консультацию было не в чем.

На вызовы врача из консультации – приехать на дом отказался... Абсолютное большинство эвакуированных нуждается в обуви. Райсоветы... отказывали в приеме таких заявлений, ссылаясь на отсутствие талонов».

В отчете инспектора по хозяйственному устройству эвакуированного населения Нязе-Петровского района за 1943 г. сообщалось следующее:

«... Материальное положение эвакуированных тяжелое... Сливаник – жена рядового имеет больную старуху мать и больного 3-летнего ребенка, которого не принимают в ясли, не может поэтому работать. Гольдина – жена и мать бойца так же не обеспечена ни продуктами питания, ни топливом, ни одеждой, дистрофик. Промышленными и продуктовыми товарами эвакуированные снабжались с большими перебоями...».

В Челябинской области в сельской местности было расселено 37.5% эвакуированных. На сельскохозяйственных работах было занято примерно 25% трудоспособного эвакуированного населения. Некоторая часть новоприбывших использовалась на канцелярской работе и в учреждениях культуры.

Наум Райскин в своих воспоминаниях рассказывает о выживании его семьи в деревне Забродино Шумихинского района, где им выделили небольшой участок земли:

«Особенно трудно было весной, когда кончались запасы, заготовленные с лета, а до нового урожая было ещё далеко. Люди варили свежую крапиву, выкапывали и ели какие-то корни. Колхоз мало что мог дать колхозникам на трудодни, всё забирало государство на нужды фронта. От голода люди пухли, умирали».

Ситуация с продовольствием, товарами первой необходимости и жильём для коренных жителей области с прибытием десятков тысяч эвакуированных серьёзно ухудшилась. Почти каждый третий из приехавших был евреем, что способствовало росту антисемитских настроений. В Лебяжьевском районе один из председателей колхозов собирал эвакуированных на собрание словами: «Вызовите сюда всех жидов». Похожую картину рисует Вольф Гутман:

«Мы оказались в Златоусте... без какой-либо одежды, без денег, без ничего. Нас поселили в семью уральцев. Мы в передней комнате с русской печью, которая не топится, они во второй, у них печка. Вечером собирается семья. И только и слышно: «Жи́ды, жи́ды».

Настроения взрослых передавались и детям. В Челябинской школе №57 ученик отказался записывать урок по древней истории об Иудейском царстве, заявив: «Еврея́ми тетрадь пачкать не буду». Еврейских детей избивали в школах и пионерских лагерях, поэтому они нередко скрывали свою национальность.

Для борьбы с антисемитизмом власти проводили беседы «О дружбе народов СССР», иногда виновных привлекали к партийной, реже к уголовной ответственности.

Между двумя этапами эвакуации в Челябинскую область (летом-осенью 1941 г. и летом 1942 г.) проводилась и частичная реэвакуация. В течение марта – мая 1942 г. из Южно-Уральского региона на прежнее место жительства вернулось 22,5% от общего числа эвакуированных.

С лета 1943 г. начинается постоянный отток эвакуированного населения на запад, в освобожденные районы. На 1 января 1944 г.

в городах и районах Челябинской области оставалось 128.043 эвакуированных.

Реэвакуация проводилась организованно, под контролем партийных и советских органов. Существовали ограничения на выезд работников оборонных предприятий и ценных специалистов. Реэвакуация усилилась после победы в войне. На 1 июня 1945 г. в области находилось только 21.600 эвакуированных.

Литература

1. *Объединённый государственный архив Челябинской области*. Ф. Р-1142. Оп.1. Д.149. Л.19-19об., Д.165. Л.40; Ф.П-234. Оп. 16. Д. 54. Л.99-102.
2. Альберт Каганович. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва-Иерусалим, 2023.
3. Геннадий Корнилов. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // *Уральский исторический вестник*. 2015. №4 (49). С. 112–120.
4. Марина Потемкина. *«Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны*. Магнитогорск, 2016.
5. *Южный Урал в судьбах России: история и современность*. Челябинск, 2008.

Эвакуация населения в Чкаловскую область

Эвакуация в Чкаловскую (ныне Оренбургскую) область началась в первые недели войны. Область была выбрана для размещения эвакуированных во вторую очередь, наряду с областями Урала, Западной Сибири и Казахстана.

Чкаловская область приняла тысячи эвакуированных из Украины, Белоруссии, Молдавии, Латвии, Эстонии, Смоленской, Брянской, Калининской, Воронежской, Курской, Московской, Ленинградской и ряда других областей России, а также из Москвы и Ленинграда.

Первые эвакуированные прибыли в область 9 июля 1941 г. - 5.806 чел. Они были размещены в Соль-Илецком, Бузулукском, Бугурусланском, Абдулинском и Саракташском районах.

Для руководства работой по приему и расселению эвакуированных при Облисполкоме была создана эвакуационная комиссия. Прибывающие эшелоны с людьми для размещения в Чкаловской области получали дальнейшее назначение в тот или иной район, двигались на соответствующую станцию, откуда на машинах или колхозных лошадях эвакуированные доставлялись к месту жительства.

С начала войны по 28 июля в Чкаловскую область прибыло 72.704 эвакуированных из прифронтной полосы.

Эвакуированные направлялись для расселения главным образом в сельские районы. Однако, как сообщил 29 июля 1941 г. в Совет по эвакуации секретарь Чкаловского обкома партии А. Дубровский, имелись такие случаи, когда прибывшие отказывались туда ехать и настойчиво просили оставить их в городах области. Некоторые эвакуированные самовольно уезжали в город из тех районов, куда они были

направлены или умышленно отставали от поездов с целью остаться в областном центре.

На эвакуопунктах, при железнодорожных станциях было организовано питание и медицинское обслуживание эвакуированных. Прибывающие в Чкаловскую область получали первые 3–4 дня, до их расселения, бесплатное питание. Для этого было выделено 342.000 рублей.

Работа эвакуопунктов серьёзно критиковалась в отчёте о работе областного отдела хозяйственного устройства эвакуированного населения за 1941 г.:

«Существует много недостатков в работе эвакуопунктов. Главная трудность – это стесненность помещения самих пунктов, что не позволяет держать их в чистоте, постоянная загрузка этих помещений людьми не позволяет делать своевременно дезинфекции, надлежащей санитарной обработки.

Помещение вокзалов, эвакуопунктов значительно загружаются различными группами странствующих эвакуированных граждан в поисках своих семей, а также семьями, самовольно передвигающимися из одного пункта предоставленного местожительства в другой...

На железнодорожных станциях по-прежнему остается скверным дело обеспечения проезжающих людских эшелонов кипятком, горячей пищей, совершенно не выдерживается установленная правительством скорость движения людских эшелонов, непомерная грязь в помещениях эвакуопунктов и теснота».

К началу августа в Чкалове было расселено около 8.000 человек, в основном работники эвакуированных из Москвы учреждений, а также рабочие и их семьи, прибывшие с оборудованием заводов и фабрик из прифронтовой полосы.

По информации Чкаловского городского комитета партии от декабря 1941 года, в Чкалов были эвакуированы более 10 крупных промышленных предприятий из прифронтовой зоны, а также 10 крупных учреждений. В город вместе с предприятиями переехали около 30.000 человек, помимо этого в областной центр прибыло 25.000 беженцев из западных областей. Сообщалось, что возможности для расселения граждан были почти исчерпаны, в некоторых квартирах жили по 3 семьи.

В других городах условия жизни эвакуированных были столь же нелёгкими. Белла Гольдштейн вспоминает о жизни своей семьи в Орске:

«Нас, эвакуированных, расселили в поселке «Крекинг» в наспех сколоченных бараках. Говорили, что до нас в них держали заключенных. Их отправили на фронт, так освободились места для беженцев. Нашу семью поселили в маленькой комнате, единственным удобством которой была печка. Ни туалета, ни воды, ни мебели не было. Стояли сорокаградусные морозы».

Проблема жилья в городах в связи с прибытием эвакуированных стояла очень остро. Власти принимали меры для её решения. Так, на строительство жилых домов барачного типа, землянок и бань в Чкалове в 1941 г. отпустили 600.000 руб.

15 января 1942 года в Чкалове было организовано областное справочное и учетное бюро, формировавшее списки эвакуированных граждан.

На 20 сентября 1941 года в Чкалов с начала войны прибыло и разместилось свыше 20.000 эвакуированных, а к маю 1942 года их число достигло уже 75.000 чел.

К 15 октября в Чкаловской области приняли 95.829 человек. На 20 декабря 1941 г. в области было зарегистрировано 186.957 эвакуированных. Среди них взрослых — 106.429, детей — 80.528. Около 10.000 детей прибыли с детскими учреждениями —

детскими домами, детскими садами, спецшколами, домами ребёнка и пр.

Первые детские учреждения на территории области появились в июле 1941 г. Школьники, дошкольники и дети ясельного возраста прибыли из Винницкой, Орловской, Смоленской, Могилевской, Гомельской областей, а также из городов Киев, Гомель, Днепропетровск и Мурманск. Все они были размещены по городам, райцентрам и селам области.

К 20 июня 1942 г. в область прибыло 223.100 эвакуированных, а на 1 октября 1942 г. их было зарегистрировано 240.711 человек. Из них приехало из Украины — 64.479 человек; из Белоруссии 29.529 человек; из Молдавии — 1.923 человек; Ленинграда и Ленинградской области — 25.971 человек; 32.111 человек — из Москвы и Московской области.

На 1 января 1943 г. в области находилось 274.000 эвакуированных. Из них 132.000 были размещены в городах, а 142.000 — в сельской местности. На 1 апреля 1943 г. в области было размещено 237.644 эвакуированных, из них 49.192 человек — в городе Чкалове.

С июня по декабрь 1941 года в Чкаловскую область было эвакуировано более 90 предприятий: 44 непосредственно в Чкалов, 17 - в Орск, 5 - в Медногорск и 9 - в Бузулук.

На 5 ноября 1941 года в Оренбургской области находилось 4445 единиц эвакуированного промышленного оборудования, ввезено также более 20 миллионов тонн чёрных и цветных металлов и изделий из них. На эвакуированном оборудовании Великолукского, Воронежского и Ворошиловградского паровозоремонтных заводов шло производство танков, боеприпасов, снарядов для «катюш» и артиллерии. В начале 1942 года на базе фабрик по производству шелка был создан шелкоткацкий комбинат, изготавливающий парашютный шелк.

Дети к станкам вставали уже с 14 лет. Много эвакуированной молодежи в возрасте до 25 лет, прерываясь лишь на короткий сон, работало на предприятиях.

Питание на предприятиях было очень плохое. Эвакуированная из Тулы в город Медногорск А. Подъемщикова вспоминала: «В первую зиму, да и по весне в столовой давали одно блюдо – затируху, или болтушку, как его называли рабочие. Это была заваренная в воде мука».

В области были размещены Наркомат юстиции СССР, Верховный суд СССР, Наркомат станкостроения, Наркомат совхозов, Главпуть СССР, Управление НКПС, Военная академия ВВС, Московское управление НКВД. В Соль-Илецке находились центральный склад РККА и отдел изобретений Госплана.

С 1942 по 1948 гг. в г. Бугуруслане находилось Центральное справочное бюро. Оно подчинялось паспортному отделу Главного управления милиции НКВД и занималось ведением учёта граждан, эвакуированных в тыл СССР, а также давало справки об их местонахождении.

Сообщается, что Чкаловский горсовет оказал материальную помощь на питание в сумме 31.350 руб. эвакуированным из прифронтовой полосы семьям руководящих партийных, советских работников, семьям начсостава Красной Армии, флота и войск НКВД. Для обеспечения эвакуированных продуктами питания в районы области дополнительно были отпущены продовольственные товары.

Кроме того, секретарь Чкаловского обкома партии А. Дубровский обратился за дополнительной помощью к секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову. В своём письме «О выделении фондов для снабжения эвакуированных организаций и граждан» от 2 сентября 1941 г. он писал:

«Поступившие эвакуированные граждане, главным образом из прифронтовой полосы (Белостока, Минска, Бреста, Бобруйска,

Литовской, Латвийской республик и других областей) в большинстве своём женщины и дети в одних платьях, босые, детучреждения без постельных принадлежностей. Всем им требуется оказать необходимую помощь.

В связи с наступлением осени, много эвакуированных всякими путями оставляет колхозы и пробирается целыми семьями по направлению к Ташкенту. Основным мотивом передвижения является то, что они раздевши и разувши и оставаться в Чкаловской области при наличии резкой зимы они боятся».

Дубровский просил оказать денежную помощь для приобретения зимних пальто, белья и обуви и для поддержки особо нуждающихся, а также выделить дополнительные фонды продовольственных товаров.

Очевидно, что основную часть упомянутых в письме «эвакуированных граждан» составляли еврейские беженцы. На 1 декабря 1941 г., среди всех эвакуированных в область евреи составляли 42%. В Сорочинском районе области на 15 октября 1941 г. насчитывалось 5.073 эвакуированных, из них евреев — 2.222 (43.8%), русских — 1.301, украинцев — 624, поляков — 43.

Еврейские беженцы оказались в особенно тяжёлом положении. Они не успели взять с собой необходимых вещей и с наступлением морозного времени испытывали огромные трудности. Их разместили в основном в сельской местности. Беженцы не могли выходить на работу в колхозах и совхозах, а также больше других были подвержены всевозможным заболеваниям. Свыше тысячи детей школьного возраста из-за отсутствия одежды и обуви не посещали школу.

Жилищные условия в сельской местности были исключительно тяжёлыми. В районном центре Сорочинске на 14–16 беженцев приходилось 25–30 кв.м. жилой площади.

Беженцы часто болели различными эпидемическими, заразными болезнями такими как: брюшной и сыпной тиф,

дифтерит, а также скарлатиной и болезнями легочного характера, связанными с простудными явлениями.

Например, в Ташлинском районе в мае 1942 г. было зарегистрировано 10 случаев заболеваний сыпным тифом, причём все заболевшие были эвакуированными. В Сатмарском районе было отмечено 10 случаев детской смертности от этой болезни.

Отношение местных властей к беженцам зачастую было недоброжелательным. Канадский историк А. Каганович указывает на то, что в некоторых районах Чкаловской области с беженцев незаконно требовали выплаты паевого колхозного взноса, без чего не продавали им продукты и мыло по карточкам.

В докладе заместителя областного прокурора Латухина сообщается о том, что председатель колхоза им. Мичурина Сидоренко отказался выдать молоко беженке для больного ребёнка. О том же вспоминает Людмила Бородицкая, семья которой жила в колхозе «16 лет Октября» Курманаевского района: «Жили впроголодь, даже стакан молока для новорождённого ребёнка невозможно было достать».

Многие еврейские беженцы хорошо работали в колхозах и совхозах. Например, в Саракташском районе в колхозе им. Молотова беженцы Гаткин и Сегал считались лучшими работниками, их премировали бараном. Беженцы Москалик, Ройцаун и пионер Абрам Москалик за отличную работу были премированы каждый по гусю.

В других местах эвакуированные и беженцы питались намного хуже. Аркадий Цфасман, семья которого поселилась в деревне Шарлык, вспоминал:

«Единственный продукт, который выдавался по карточкам, был чёрный, вязкий, тяжёлый хлеб, которого не хватало. В сельской местности нормы его выдачи, как я потом узнал, были гораздо меньше, чем в городах и особенно на военных заводах. Лакомством был иногда достававшийся нам жмых. Особенно

страдал от недоедания брат. Ему постоянно хотелось есть. Очень часто вечером, перед тем как уснуть, мы вспоминали счастливые довоенные годы».

В областном центре меню эвакуированных было несколько более разнообразным. Об этом вспоминает известный поэт Юрий Этин, семья которого была эвакуирована в Чкалов:

«Самое вкусное, что я запомнил на всю жизнь - это жмых. Жмых — это корм, который давали животным, у них там были коза, овца, корова. Этим отчасти мы тоже питались. Козье молоко я помню, коровье, конечно, я обожал».

Местное население относилось к беженцам по-разному. Нередки были примеры недоброжелательного и даже враждебного отношения к прибывшим, в особенности к евреям. В письме из Чкаловской области в 1942 г. беженка писала своей родственнице:

«Население тёмное смотрит на нас, как на собак. Поместили нас в комнату, где только крысы и мыши, печки нет. А полы грязные, похожи на землю. Спим на полу. Хотели вымыть, но нет тряпок и вёдер. Народ вредный».

Семью Лины Торпусман поселили в колхозе в доме раскулаченной и сосланной с Украины женщины, которая ненавидела и советскую власть и евреев. Хозяйка дома молилась о приходе Гитлера и создавала невыносимые условия жизни для своих постояльцев.

В городах ситуация была более благоприятной. А. Вольфсон, эвакуированный в 1941 г. в Чкалов, в своих воспоминаниях отмечал следующее:

«На Среднем Урале до войны проживало немного евреев, они все практически работали рядом с русскими, вместе строили предприятия и в общем людям не было знакомо это чувство (антисемитизм) в таком объёме, как в западных районах. Многие

местные жители вообще не различали приезжих по национальности».

Резвакуация из Чкаловской области началась в 1943 г. Сначала велась резвакуация специалистов. Например, за период с 1943 г. по 1 июля 1944 г. из области было отправлено на Украину 3.318 украинских специалистов. В 1944–1945 гг. проводилась резвакуация в Эстонию и Латвию, а также в Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую и Великолукскую области РСФСР.

К началу 1945 г. в Чкаловской области проживало 42.091 эвакуированных, на начало 1946 г. их оставалось 27.473, а на начало 1947 г. лишь 11.393 человек.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 51. Л. 11–24.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 121. Д. 120. Л. 31.
3. Альберт Каганович. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва. Иерусалим, 2023.
4. *Население России в XX веке: Исторические очерки*. В 3-х т. / Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 85.
5. Марина Потёмкина. «Эвакуация и евреи: стратегии выживания в военном социуме» // *Еврейские беженцы и эвакуированные в СССР, 1939–1946. Сборник статей, документов и свидетельств* / Ред. З. Левин. - Иерусалим, 2020. С. 72–73.
6. Лина Торпусман // *Неизвестная эвакуация. Воспоминания еврейских беженцев СССР, 1941–1945*. Иерусалим, 2015. С. 405–413.

Азербайджан: евреи-беженцы и эвакуированные в Азербайджанской ССР

По переписи 1939 г число евреев в Азербайджане составляло 41 245 человек (1, 3% нас.). После начала Великой Отечественной войны, в отличие от республик Средней Азии и Казахстана, а также ряда регионов РСФС, эвакуация промышленных предприятий и населения в Азербайджан не носила массовый характер в силу того, что властями учитывалась возможность наступления гитлеровских войск с целью захвата бакинской нефти. Согласно спискам эвакуированных на 1 мая 1942 г., хранящихся в фонде Главного переселенческого управления при СМ РСФСР, летом-осенью 1941 г. в Баку был эвакуирован ряд ростовских предприятий. Так, рабочих и специалистов ростовского завода №458 расселили в 2 районах Баку: Октябрьском и Городском. Среди них было более 100 эвакуированных евреев, размещенных в столице Азербайджана. Так же в Азербайджане в первые месяцы войны оказались эвакуированные партийные и советские работники, в том числе – евреи, из западных регионов СССР.

В письме в Государственный комитет обороны (ГКО) на имя Сталина от 2 ноября 1941 г. зам. председателя Совета по эвакуации А. Н. Косыгин сообщал о 100 000 эвакуированных из Сталинской, Ворошиловской и Ростовской областей, которых необходимо расселить, в т. ч. на территории Азербайджанской ССР. Недатированный проект Постановления ГКО о размещении эвакуируемого населения из Ростовской, Сталинской, Ворошиловградской областей в союзные республики Закавказья предполагал размещение в Азербайджанской ССР 25 000 чел. В

Постановлении № С7-183 Совета по эвакуации от 8 ноября 1941 г. (с грифом «Секретно» и за подписью зам. председателя Совета по эвакуации А.Н. Косыгина и Секретаря Совета по эвакуации М. Кузьмина) говорилось о направлении 20 000 из 100 000 эвакуированных, скопившихся на пристани Махачкалы, в Азербайджанскую ССР (кроме г. Баку) с возложением обязанностей по их перевозке на Совнарком Азербайджанской ССР.

Но вскоре эта цифра была вновь скорректирована (видимо, после возражений руководства Азербайджана): «В связи с большим скоплением людей в порте Махачкала было решено направить для расселения в сельских местностях в 3 области, в том числе, в количестве 10 000 чел., кроме района Баку».).

В итоге плановое число эвакуированных в республику было снижено. К записке зам. председателя СНК СССР К. Д. Панфилова секретарю Совета по эвакуации М. Р. Кузьмину по вопросу разгрузки Орджоникидзеvской ж. д., Махачкалы, Поти, Батуми и Сухуми от 25 ноября 1941 г. отмечалось, что СНК Азербайджана возражают против приема 25 000 эвакуированных. Проект постановления Совета по эвакуации, который подписали зам. председателя Совета по эвакуации М. Г. Первухин и зам. секретаря Совета по эвакуации Л. И. Погребной, предполагал направление во все республики Закавказья 40 000 эвакуированных, «скопившихся на пристани Махачкалы, станциях Батуми, Сухуми, Поти и Орджоникидзеvской железной дороги». Из них лишь 10 000 человек предполагалось направить в Азербайджанскую ССР, обязав Совнарком республики обеспечить перевозку эвакуированных до места расселения и организовать их трудоустройство.

Но это число было увеличено вдвое (хотя и на 20% меньше первоначального количества). Реальное же число эвакуированных в Азербайджанскую ССР по данным на 1.01.1942 г. составляло 15,4 тыс. человек. По сравнению с основными тыловыми регионами, куда направляли эвакуированных, это количество минимально. Однако, число евреев среди них в процентном отношении было самым высоким. Так, в Закатальском, Ждановском, Имишлинском и Пушкинском районах Азербайджанской ССР среди эвакуированных и беженцев значились 2 545 евреев (или 92. 7%) из 2 745 эвакуированных и беженцев. В то же время, русских - 114 чел., украинцев - 65 чел., 13 поляков. В числе остальных были армяне, татары, молдаване, грузины. В Баку на 1 февраля 1942 г. евреи составляли не менее 30 % эвакуированных. В Городском и Дзержинском районах г. Баку проживало 386 евреев (из 1067 указанных в переписи). Также здесь проживали 387 русских, 168 украинцев, 73 армян, 5 грузин, 7 азербайджанцев, 11 поляков, 8 татар и представителей некоторых других национальностей. В Пушкинском районе Баку находились 387 евреев из 417 эвакуированных (93%); в Сальянском районе – 247 из 275 (89%); в селе Агджабеды – 186 евреев из 224 (83%); в селе Элдар Самухского района - 75 из 95 (79%).

Эти цифры свидетельствуют, что знание о политике нацистов, направленной на преследование, а в дальнейшем – и на уничтожение евреев, вело к массовому бегству еврейского населения. Это проявилось еще в большей степени в ходе второй волны эвакуации и транзита беженцев с Северного Кавказа летом 1942 г.

Источником информации о национальном, социальном, профессиональном составе этих людей служат списки

эвакуированных. В них указывались: ФИО, год рождения, откуда и куда эвакуирован с указанием адреса, национальности, иногда профессии и места работы. Они велись в машинописном или рукописном виде, обычно по районам города Баку и республики. Делались они, как правило, путем подворного обхода. Естественно, что с учетом постоянных миграционных процессов и степени сохранности архивов, списки эти неполные.

В запрашиваемых различными ведомствами данных об эвакуированных статистика по национальности не требовалась. Лишь иногда она встречается на уровне отдельного района Статистика в отношении трудоустройства велась более тщательно и подробно, но также без разбивки по национальностям. Наличие этих сведений позволяет вести исследования по социальному составу и семейному положению эвакуированных и беженцев, а благодаря указанию адреса – позволяет выявление устных свидетельств об их контактах и повседневной жизни беженцев.

В этих документах указаны как минимум 19 (преимущественно, крупных) населенных пунктов, из которых бежали или были эвакуированы евреи: Ростов, Симферополь, Керчь, Феодосия, Москва (РСФСР); Киев, Винница, Днепропетровск, Дрогобыч, Житомир, Запорожье, Мариуполь, Николаев, Одесса, Полтава, Харьков (УССР); Вильнюс (ЛитССР), Вайнеде (ЛатССР); Мозырь (БССР). Анализ соотношения городов и эвакуированных предприятий позволит установить процент именно беженцев. Среди последних наибольшее число составляли жители Ростовской области.

Порт Баку выполнял роль транзитного пункта эвакуации через Каспий в Среднюю Азию. Особую роль он играл летом 1942 г. К сожалению, по транзитным пассажирам официальная велась

статистика лишь по численности эвакуированных. По инструкции списки должны были составлять старшие по эшелону, но в условиях военного времени это далеко не всегда можно было сделать. Кроме того, эшелоны в течение пути могли терять существенную часть списочного состава. Учет транзитных беженцев через Баку в условиях отступления Красной Армии летом 1942 г. практически не велся. Вероятно, часть из них осталась в Азербайджане. В условиях массового бегства даже похороны умерших представляли проблему. По воспоминаниям Л. И. Лернер, ее семья летом 1942 г. бежала из Ставрополя в Баку, но дедушка умер буквально накануне посадки на пароход. Похоронить его не было никакой возможности, власти предлагали сбросить труп в море. Но две абсолютно незнакомые женщины-азербайджанки заверили семью, что похоронят старика «по-человечески».

Этот факт свидетельствует, что необходим фронтальный просмотр общих книг воспоминаний об эвакуации. Показательна история Зиновия Бекмана, эвакуированного в Азербайджан из Крыма. Важен и анализ опубликованной переписки евреев периода войны. Например, в письме от 1944 г. Ольги Супрун из г. Золотоноша Полтавской обл. семье своего погибшего мужа (его отцу Давиду Юджовскому, сестрам Тусе и Фриде), эвакуированным в г. Баку, которое было переслано писателю И. Эренбургу для «Черной книги», говорилось о его сестре, пытавшейся добраться через линию фронта до столицы Азербайджана: «Гитю Боря встречал, когда ехал домой из плена. Она шла на Лубны и далее хотела перебраться через фронт. У нее была цель – пробраться в Баку».

Данная тема важна в контексте спасения европейских евреев-беженцев в одной республике СССР с преобладающим

мусульманским населением. Число оказавшихся в Азербайджане в годы ВОВ эвакуированных и бежавших евреев было а процентном отношении значительно выше в сравнении с эвакуированными других национальностей, чем в среднем по другим республикам и областям СССР.

Литература

1. Илья Альтман. «Евреи-беженцы в Азербайджанской ССР (1941–1942)» // *История, память, люди. Материалы Международной XI научно-практической конференции. Алматы, 20 сентября 2022 г.* – Алматы, 2022. С.58-63;
2. Георгий Куманев. «Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы» // *Новая и новейшая история*, 2006, №2.
3. Mordechai Altshuler. *Distribution of the Jewish Population of the USSR 1939*. Jerusalem, 1993.
4. Калашникова И. П. Эвакуация в годы войны: устные истории и новые имена. // *История. Память. Люди: Материалы X Международной научно-практической конференции. (23 сентября 2020 г.)*. – Алматы, 2020. С.287-295
5. *Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. СССР, 1941–1945.* / под. ред. А. Бермана. - Иерусалим, 2009. С.73-78

Илья Альтман

Эвакуация в Казахстан (1941–1945 гг.)

Эвакуация населения в Казахстан началась уже в июне 1941 г. До 10 июля прибыло более 3.500 человек в северные области и в полупустынную и наименее развитую Кызыл-Ордынскую область на юге. В Алма-Ате на 1 августа 1941 г. поселилось 298 эвакуированных.

С августа 1941 по январь 1942 гг. поток эвакуированного населения в Казахстан постоянно нарастал. К 1 сентября 1941 г. республика приняла 24.258 человек, в том числе из России – 10.941, Украины – 6.620, Белоруссии – 5.159, Карело-Финской ССР – 550, Литвы – 231, Латвии – 294, Эстонии – 158, Молдавии – 113, Крыма – 11.181, других регионов СССР – 181. Из них было 10.968 русских, 8.218 евреев, 2.695 украинцев, 1.259 белорусов, 159 поляков, 32 немца, 39 литовцев, 159 латышей, 160 эстонцев и 569 чел. других национальностей. 60,8% из них составляли женщины, 36,3% – дети и 39,2% – мужчины. Евреи составляли 33.5% от общего количества прибывших.

К началу октября 1941 г. в Казахстан из западных регионов СССР, Ленинграда и

Москвы прибыло 65.691 эвакуированных, в том числе 11.931 мужчина, 28.213 женщин и 25. 547 детей. Все они были размещены в различных районах республики: в Западном Казахстане (Гурьевская, Западно-Казахстанская, Актюбинская области) – 14.257 человек, в Южном Казахстане (Джамбульская, Кызыл-Ордынская, Южно-Казахстанская, Алма-Атинская области) – 13.728, в Центральном Казахстане (Карагандинская) – 1.105, в Северном Казахстане (Акмолинская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская) – 22.524, в Восточном Казахстане (Семипалатинская, Восточно-Казахстанская) – 11.443, в Алма-Ате – 2.634.

На исходе ноября по данным Управления по эвакуации при СНК Казахстана в Казахстане находилось 306.375 эвакуированных. При этом в именных списках были зарегистрированы 159.000 человек, среди которых было 74.565 евреев (46.9%).

В целом, с августа 1941г. по январь 1942 г. прибыли 386.492 эвакуированных. Из них больше всего прибыло с Украины — почти 160.000 человек (41.6%). Из Белоруссии приехало 20.699 человек (12.9%)

На 10 февраля 1942 г. в Казахстан прибыло 439.689 человек, из них 364925 из прифронтовой полосы, 27078 человек из Москвы и 8294 человек из Ленинграда. Лишь небольшая часть из них поселилась в столице, Алма-Ате — 34.705 человек и в Алма-Атинской области — 54.443 человека.

Весной 1942 г. в тыловых районах проводилась перепись эвакуированного населения. Представляют интерес данные переписи по Гурьевской области Казахстана. В Форт Шевченко приехало 718 чел. (среди них – 507 евреев, 125 русских, 50 украинцев, 5 белорусов). В Досор прибыло 588 человек (среди них – 324 еврея, 171 русский, 58 украинцев, 13 белорусов). В Гурьевскую область эвакуация шла в основном с Украины, чем и объясняется высокий процент евреев среди прибывших.

В июле 1942 г. началось немецкое наступление на южном направлении. Это вызвало увеличение потока эвакуированных в Казахстан. Люди прибывали в основном из Воронежской, Сталинградской, Ворошиловградской, Ростовской областей и с Северного Кавказа.

Всего с начала войны и до июля 1943 г. в Казахстан эвакуировалось 532.500 человек.

Промышленные предприятия и их персонал эвакуировались главным образом в областные центры Казахстана — Алма-Ату, Чимкент, Уральск, Семипалатинск и Петропавловск. С июля 1941 по октябрь 1942 гг. в Казахстан прибыло 142 крупных промышленных предприятия, а всего за годы войны в Казахстан было перебазируется более 300 заводов.

Часть прибывающего в Казахстан эвакуированного населения составляли рабочие и инженерно-технические работники

эвакуированных предприятий. Например из прибывших к концу 1941 г. в Гурьевскую область 8.399 человек, было 1.276 рабочих и специалистов.

К 1 июля 1942 г. в республику прибыли 111 детских домов (12969 человек).

20 июля 1941 г. был создан Эвакуационный отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК Казахской ССР. Такие отделы стали работать и при областных советах депутатов трудящихся. Кроме того, на территории Казахстана были организованы 12 эвакуационных пунктов с аппаратом в 323 чел.

По пути следования поездов с беженцами возникали многочисленные проблемы. Зачастую людские эшелоны следовали от места погрузки до места назначения несколько недель, простаивая на станциях по несколько дней. Снабжение топливом вагонов с эвакуированными было нерегулярным, питание и обеспечение кипятком, так же как и санитарное обслуживание были организованы плохо.

На нескольких узловых станциях Казахстана в начале декабря 1941 г. скопилось более 500 вагонов с беженцами, число которых можно оценить в 40.000–45.000 человек. Длительное нахождение в вагонах-теплушках, нехватка воды и пищи являлись причиной заразных заболеваний и смертности в пути.

Очевидец описал первый поезд, прибывший с беженцами из Восточной Украины в Алма-Ату:

«Окна в вагонах были выбиты, заделаны фанерой, а где тряпьём. В стенах зияли дыры от пуль и осколков снарядов. И в этих вагонах люди. Грязные и заросшие, с пожелтевшими, опухшими лицами, с сиплыми, простуженными голосами. А на детей страшно было смотреть. Изнурённые дальней дорогой, они кашляли, просили есть. В них еле теплилась жизнь».

Прибывшие в Казахстан эвакуированные в основном были горожанами и стремились поселиться в городах. Малонаселенные

казахстанские города были застроены большей частью одноэтажными домами и имели слаборазвитую инфраструктуру. Поэтому наиболее привлекательной для приезжих была столица республики Алма-Ата, где проживало по переписи 1939 г. 230.000 человек. В Алма-Ате было размещено наибольшее количество предприятий, организаций и учреждений, эвакуированных в Казахстан.

Кроме того, на время войны столица Казахстана стала прибежищем многих известных представителей советской культурной элиты. Например, в городе жили и работали кинорежиссёры Эйзенштейн и Рошаль, писатели Зощенко, Паустовский, Маршак и Шкловский.

Власти стремились сдержать поток людей, стремившихся поселиться в Алма-Ате. Для этого использовалась прописка — разрешение на проживание в данном городе. Беженцы, не имевшие прописки, не могли устроиться на работу и получить продуктовые карточки.

В итоге большинство эвакуированных (в основном беженцев, прибывших самостоятельно) было расселено в аулах и селах (64,6% по состоянию на 1 июля 1943 г.). 35,4% из них были обустроены в городах, в которых в первую очередь селили рабочих и специалистов, занятых на промышленных предприятиях.

Жилищная проблема в городах, и до войны острая, обострилась еще сильнее. Эвакуированные жили в условиях крайней скученности, в том числе и в столице Казахстана. Об этом свидетельствует фрагмент «Акта обследования хозяйственного и бытового устройства населения Алма-Аты за май 1942 г.:

«В доме гр. Токарской по 16-й линии №6 в комнате площадью 9 кв. м. живут четыре семьи эвакуированных: гр. Шапшай А., Шапшай Ф., Рабинович и Гольштейн общим количеством 10 человек, в том числе 6 детей. На эту же площадь в начале мая самовольно вселилась хозяйка с ребёнком. В настоящее время в этой комнате на девяти метрах живут 12 человек, имея 0.75 кв.м. на человека, норма, которая не даёт возможности сидеть всем, а не только спать».

Сходная ситуация была и в других местах. В связи с прибытием в Северо-Казахстанскую область эвакуированных рабочих и их семей была установлена временная жилищно-санитарная норма всех жилых помещений городов Петропавловска, Кокшетау и районных центров в четыре кв. метра на человека, а к 1943 году на человека приходилось 2,3 кв. метра.

У беженцев прибывших из западных областей СССР ощущался серьезный недостаток в обуви и теплой одежде. В докладной записке, поступившей из Гурьевской области в ЦК компартии Казахстана за февраль 1942 г. отмечалось, что «почти все эвакуированное население, прибывшее из южных районов Украины, не имело теплой одежды. Некоторая часть детей не может посещать школу, а взрослые - пойти на работу».

Эвакуированным выдавались по карточкам государственные субсидированные продукты. Существовали различные нормы выдачи для работающих и иждивенцев, для руководящих работников, учёных, артистов и других категорий прибывших граждан. По карточкам можно было регулярно покупать только хлеб (300–600 грамм на человека в день). Цены на продукты на рынках в несколько раз превышали государственные и были недоступны большинству беженцев. Многие были вынуждены распродавать привезённые с собой вещи, чтобы купить что-нибудь съестное.

В южной Алма-Ате проще было достать овощи и фрукты, кроме того там имелись столовые различных категорий. В сельской местности положение было намного хуже. Об этом свидетельствуют коллективные жалобы эвакуированных на имя секретаря ЦК КП(б) Казахстана Н. Скворцова.

Эвакуированные семьи начсостава Красной Армии (в т. ч. Рабинович, Кацман и др.) из села Аксу Алма-Атинской области писали 12 февраля 1942 г.:

«В селе Аксу мы уже проживаем больше трёх месяцев. У всех нас имеются дети, которые болеют от истощения. Никаких продуктов кроме 400 г. на человека в день, и то с большими перебоями, мы не

получаем, да и на деньги по самой дорогой цене мы не можем достать... Большинство из нас бежали из Белоруссии в первые дни войны и не имеют даже вещей личного пользования. У нас у всех мужья на фронте; многие ещё не разыскали своих мужей и не имеют денежных аттестатов».

Эвакуированные Рейтблат, Фильштейн, Гальберберг и др. из колхоза «Энбекши» Луговского района Джамбульской области за ноябрь 1942 г. сообщали, что они, живя примерно год в колхозе, получали хлеба по 600 граммов на трудоспособных и по 300 грамм на иждивенцев. Кроме хлеба они ничего не получали. В районе имели место перебои со снабжением хлебом в ноябре-декабре 1942 года. В первую очередь это касалось вновь прибывших эвакуированных, которые не успели заработать достаточного количества трудодней.

Эвакуированные из Украины, проживавших в с. Георгиевка Курдайского района Джамбульской области жаловались в апреле 1942 г.:

«Многоуважаемые руководители Казахской республики! Мы эвакуированные уже четвертый месяц не живём, а мучимся с детьми в глубоком тылу. Все ждали улучшения наших бытовых условий, но, к сожалению не дождалось. Наоборот с каждым днём наша жизнь ухудшается. С продуктами мы получаем только 200 грамм хлеба на взрослых, а на детей 100 грамм. На рынке кошмарные цены на продукты... Денег нет, вещей для продажи также нет, как дальше жить?».

После неурожая в 1943 г. в колхозах Казахстана перестали выдавать продукты по карточкам иждивенцам.

Важным источником продуктов питания для эвакуированных стали огороды и бахчи, а также подсобные хозяйства предприятий.

Наиболее остро нуждающейся части эвакуированного населения в республике была оказана единовременная помощь на общую сумму 2.970.000 рублей. Принимались и другие меры по оказанию материальной помощи эвакуированным.

С прибытием большого числа беженцев усилилась нехватка продуктов питания и товаров повседневного спроса, увеличились очереди, обострилась жилищная проблема. На этом фоне пыльным цветом расцвёл бытовой антисемитизм.

В октябре 1942 г. в прокуратуру СССР поступили сведения о том, что проявления антисемитизма в Казахстане приняли распространённый характер. Сообщалось, что по статье за возбуждение национальной вражды с 1 августа по 4 сентября только по одной Алма-Атинской области было предано суду 35 человек, а всего с начала года — 62 человека. Указывалось, что антисемитские проявления «приняли разнообразные формы: публичные выступления, оскорбляющие национальное достоинство; избиения на улицах; открытое одобрение политики Гитлера по отношению к евреям; повреждение имущества, отказ от предоставления работы; распространение листовок с призывом не продавать евреям продуктов питания; распространение слухов об убийстве евреями детей».

В Кустанайской области во многих местах отмечалось исключительно грубое, издевательское отношение домохозяев к еврейским семьям, вселённым в порядке уплотнения. Их самовольно выселяли из квартир, выбрасывали вещи на улицу. Местные власти, органы милиции, суда и прокуратуры в большинстве случаев не реагировали на такие факты.

Эвакуированная из Киева П. Колодизнер из Джанибека Западно-Казахстанской области в письме своей сестре в Саратов от 5 мая 1942 г. описывала своё положение следующим образом:

«Так тяжело на душе, что иногда думаешь, почему бомба не убила тебя в Киеве... Обстановка, которая нас окружает, заставляет так думать... Тут все местные думают, что эвакуированные – это не люди, а собаки и еще хуже. И должна тебе написать правду, что нас не любят потому, что мы евреи. Как ни печально это писать, но это факт. Тут развит страшный антисемитизм... Тут ни комсомол, ни райком партии заступиться за тебя не хочет».

Летом 1942 г. усилились проявления антисемитизма в Джамбульской области, особенно в г. Джамбуле. Это выражалось не только в антисемитских высказываниях, направленных на унижение национального достоинства евреев, но и в систематическом избииении евреев на улицах. Эти избииения сопровождались выкриками погромного характера:

“Бей жидов, спасай Россию», «Жидаы продали Россию», «Не пойдём на фронт, пока не перебьём всех жидов». Часто антисемитские настроения подогревались эвакуированными-славянами из западных регионов СССР и местными славянами, у которых такие настроения имели традиционный характер.

Партийные органы были озабочены ростом антисемитизма, который рассматривался как политически вредное явление. Ещё 4 ноября 1941 г. секретарь ЦК компартии Казахстана Бузурбаев направил в партийные органы письмо, в котором обращалось внимание на факты проявления враждебного отношения к еврейским беженцам со стороны «отсталой части населения».

В Архиве Президента Республики Казахстан сохранилось совершенно секретное письмо партийного руководителя Казахстана Н. Скворцова за 25 августа 1942 г. секретарям обкомов, райкомов и горкомов о проявлениях антисемитизма в Казахстане и мерах по борьбе с ним. В нём, в частности, говорилось:

“Агитаторы и пропагандисты должны разъяснять, что вместе со всеми бойцами и командирами Красной Армии героически сражаются, защищая родину, сыны еврейского народа... Они показывают примеры мужества и героизма, самопожертвования и любви к родине... бьются за каждую пядь земли до последней капли крови, нанося тяжёлые удары по фашистской армии. Среди награждённых за мужество и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками имеется множество сынов еврейского народа».

Резэвакуация населения из Казахстана началась уже в 1943 г. Она проходила в основном путём самостоятельного выезда. Часть эвакуированных, в том числе и евреев, осталась жить в этой республике.

В качестве примеры приведем данные по областному центру Северо-Казахстанской области, г. Петропавловску. На 31 июля 1945 года эвакуированное в г. Петропавловск население составило 1907 человек. По национальному составу оно было представлено в основном русскими – 42,2% и евреями – 37,3%.

Библиография

1. *Архив Президента Республики Казахстан*. Ф. 708. Оп. 6/2. Д. 180. Л. 51-52об.
2. *Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации 1938–1953*. (Сост. Г. Костырченко). М., 2005. С. 33–34.
3. Альберт Каганович. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва. Иерусалим, 2023.
4. Николай Кропивницкий. «Документы Центрального государственного архива Казахстана об эвакуации населения (1941–1943 гг.)» // *Эвакуация: Воскрешая прошлое. Материалы международной научной конференции*. Алматы, 2009. С. 20–32.

Вадим Дубсон

Эвакуация населения в Узбекистан

В первые недели и месяцы войны эвакуация в Узбекистан не планировалась властями и не имела массового характера. В это время трудно было себе представить, что на территории Средней Азии будут размещаться эвакуированные.

Но уже 25 августа 1941 г. Совет по эвакуации разрешил правительству Узбекистана организовать эвакуационный пункт первого класса в г. Ташкенте и эвакуационные пункты второго класса в городах Коканде, Бухаре, Андижане и Самарканде.

К началу октября 1941 г. в республику прибыло лишь 2.600 человек, а к концу месяца эта цифра выросла до 39.000 человек. Резкий перелом произошёл в ноябре. К середине месяца число эвакуированных и беженцев составило 300.000 человек, а к началу декабря достигло 600.000.

14 ноября 1941 г. Совет по эвакуации принял постановление, согласно которому Узбекистан стал одним из 13 административных субъектов СССР, которые считались первой (основной) группой для эвакуации. Планировалась эвакуация в 5 городов республики. Руководство Узбекистана запросило вмешательства центра «для равномерного распределения эвакуированных между республиками Средней Азии и Казахстана, а также решения на месте всех возникающих вопросов с транспортировкой эвакуированных».

В республике был создан аппарат Уполномоченного по эвакуации общим штатом 45 человек. В восьми областях и Кара-Калпакской АССР были назначены уполномоченные по эвакуации.

К середине декабря в Узбекистан прибыло 625.000 эвакуированных и беженцев, а к концу 1941 г. их количество составило 716.000 человек. За 1941–1942 гг. всего прибыло 786.800 человек. По расчётам А. Кагановича соотношение количества эвакуированных к общему числу жителей в Узбекистане было наивысшим среди всех республик СССР — 11,5%.

Беженцы и эвакуированные, приехавшие в республику в 1941 г. были расселены в г. Ташкенте — 54.011, Ташкентской области — 45.199, Самаркандской области — 61.741, Андижанской области — 107.936, Ферганской области — 82.011, Наманганской области — 85.770, Бухарской области — 126.514, Хорезмской области — 2.330, Сурхандарьинской — 15.369, Кара-Калпакской АССР — 51.662 и в совхозах — 5.000 человек. Кроме того, в организованном порядке с предприятиями и организациями прибыло 80.000 человек.

К сентябрю 1942 г. в Узбекистан были эвакуированы 78 детских домов, в которых находилось 9.918 детей. Из них десять были влиты в существующие, а восемнадцать расформированы.

В республику из западных областей СССР были эвакуированы 104 предприятия, среди которых были такие как Ленинградский завод текстильных машин, завод «Ростсельмаш», Сталинградский химкомбинат, московские заводы «Подъёмник» и «Электростанок». К концу 1941 г. было введено в эксплуатацию более 50 эвакуированных предприятий.

Для приёма, размещения и монтажа эвакуированных предприятий была создана специальная правительственная комиссия во главе с партийным руководителем республики У. Юсуповым. Машиностроительные и приборостроительные

заводы разместились в основном в Ташкенте и других крупных городах.

В Узбекистан были перебазированы 22 научно-исследовательских института и 16 вузов из РСФСР, Украины и Белоруссии. Здесь с осени 1941 г. работали крупные учёные: академики Б. Д. Греков, В. В. Струве, члены-корреспонденты АН СССР А. Я. Якубовский, Е. Э. Бертельс, С. В. Бахрушин, профессор С. П. Толстов и другие. В Ташкенте разместились союзная Академия наук и Академия наук Белоруссии, в Самарканде — Сельскохозяйственная академия им. К. Тимирязева. В Узбекистан переехала Пулковская астрономическая обсерватория.

Для эвакуированных театров и других учреждений культуры Ташкент был желаемой целью, так как значительная часть населения города была русскоговорящей. Сюда были эвакуированы несколько московских театров, в том числе и Государственный еврейский театр. 12 января 1942 г. он начал свою работу спектаклем «Тевье-молочник». Кроме того, в Узбекистан прибыли также государственные еврейские театры из Киева и Одессы.

В Ташкент переехали видные представители творческой интеллигенции А. А. Ахматова, А. Н. Толстой, К. М. Симонов, К. И. Чуковский, Ф. Г. Раневская, В. В. Иванов, Н. Я. Мандельштам, Е. С. Булгакова, Н. Ф. Погодин, М. И. Белкина, сын М. И. Цветаевой — Г. С. Эфрон.

Детский писатель К. И. Чуковский эвакуировался в Ташкент в 1941 г. Город произвёл на него хорошее впечатление:

«Тополя — необыкновенной высоты — придают городу особую поэтичность, музыкальность. Я брожу по улицам, словно

слушаю музыку, - так хороши эти аллеи тополей. Арыки и тысячи разнообразных мостиков через арыки, и перспективы одноэтажных домов... и южная жизнь на улице и милые учтивые узбеки, и базары, где изюм и орехи, благодатное солнце...».

Узбекские власти оказывали помощь крупным партийным и государственным работникам, видным хозяйственникам, известным деятелям науки и культуры, прибывшим с семьями в Ташкент. Однако для многочисленных беженцев, прибывших в Узбекистан в октябре-ноябре 1941 г. ситуация была не столь радужной.

Значительная часть беженцев, приехавших в Узбекистан в ноябре 1941 г. ранее находилась на юге России (в основном в Краснодарском и Ставропольском краях). В этих регионах было размещено большое количество эвакуированных и беженцев с Украины. Так, в Краснодарский край в сентябре-октябре 1941 г. прибыло примерно 220.000 человек (из них 160.000 евреев). В ноябре 1941 г. в период наступления немецкой армии на Ростов большинство из них самостоятельно выехали в южном направлении. Вся эта масса беженцев двинулась в сторону Узбекистана через Махачкалу, Дербент и Баку морем до Красноводска и далее по Ашхабадской и Ташкентской железным дорогам. Их прибытие стало полной неожиданностью для узбекских властей. Это во многом определило дальнейшие трудности с приёмом, размещением и устройством беженцев.

Люся Шахмурова вспоминает о своём прибытии в Ташкент:

«На привокзальной площади и в самом деле было некуда ступить: люди лежали, стояли, сидели на расстеленных одеялах, тряпках и просто на пыльной, потрескавшейся от сухости земле. Дети кричали, плакали, бегали, терялись, просили есть и пить».

Вокзал стал местом проживания для многих прибывших. В Ташкенте даже в начале 1942 г. люди продолжали ночевать на привокзальной площади, которую иронически называли зал №3.

За годы войны население г. Ташкента увеличилось до 800.000 человек по сравнению с 600.000 в 1940 г.

Власти разрешали селиться в Ташкенте лишь тем, кто прибыл с эвакуированными предприятиями и учреждениями, семьям номенклатурных работников и старших армейских командиров. Кроме того, в городе могли остаться прибывшие москвичи и ленинградцы, имевшие в городе родственников или друзей, которые могли предоставить им жильё.

Проблемы с приёмом эвакуированных в Узбекистане были проанализированы в докладной записке отдела бытового обслуживания союзного Управления по эвакуации населения за начало 1942 г. В ней отмечалось, что с прибытием большого количества беженцев в республику в Ташкенте, Бухаре и ряде других мест наблюдалось большое перенаселение. Обращалось внимание на проблему с недостатком топлива для эвакуированного населения. Для обогрева жилищ использовались саксаул и хлопковые отходы, которых не хватало, поэтому некоторые жилища эвакуированных просто не отапливались.

В Бухарской области беженцы использовали для питья грязную воду из арыков, что привело к росту заболеваемости дизентерией и брюшным тифом. В результате несвоевременной санобработки появилось большое количество больных сыпным тифом.

Проведённая проверка в 16 районах Ташкентской области показала, что трудоустройством эвакуированных по специальности практически не занимались, и они вынуждены были братья за любую работу. Примерно также обстояли дела в Самаркандской, Бухарской и Ферганской областях. Было отмечено, что в ряде районов беженцы не могли работать в колхозах из-за отсутствия подходящей одежды и, в особенности, обуви.

В конце октября 1941 г. правительство республики приняло постановление «О мероприятиях по организации обслуживания эвакуированного населения в Узбекистан из прифронтовой полосы». В нём, в частности, отмечалось следующее:

«Некоторые руководители областных и районных партийных организаций не поняли всей политической сущности проводимых мероприятий по эвакуации гражданского населения из мест, временно занятых вражескими немецко-фашистскими войсками, что послужило причиной ряда искривлений в практике трудового и бытового устройства эвакуированных... проявления прямого антисемитизма, мародёрского отношения к эвакуированным...».

Тема антисемитизма прозвучала в постановлении не случайно. Доля евреев среди беженцев была весьма высока. Например, среди прибывших до 15 октября 1941 г. в Ферганскую область 9.265 человек евреев было 6.774 человека или 73%. Из Украины приехали 5.314 человек, а из Белоруссии — 1892 человека, однако украинцев и белорусов среди них было соответственно только 890 и 207 человек.

Среди 67.931 эвакуированных, учтённых в именных списках на 1 декабря 1941 г. в целом по Узбекистану, насчитывалось

42.912 евреев или 63%. В Ташкенте в 1942 г. было внесено в список эвакуированного населения - 67.377 человек, из них евреев — 26.604 (39%). В картотеке эвакуированных в Узбекистан на 250.000 карточек, хранящейся в Мемориальном музее Холокоста США, имеется 156.000 карточек евреев (62%).

Приведенные выше статистические данные позволяют с уверенностью утверждать, что в Узбекистан в 1941–1942 гг. прибыло несколько сот тысяч еврейских беженцев. Ташкент стал новым еврейским центром. Сюда в начале 1942 г. были официально переведены все службы московской еврейской общины. Евреи приехали также и в такие города, как Самарканд, Коканд, Хива, Бухара, Андижан и ряд других.

Узбекская исследовательница Хайрия Буриева проанализировала изменения в социально-профессиональном составе еврейских беженцев, прибывших в Сталинский район Ташкента за 1942 г. (2140 человек). По её данным число работавших в сфере управления евреев сократилось с 5.6% до 2.1%, количество бухгалтеров и экономистов — от 4.2% до 2.1%, работников торговли — от 2.9% до 0.6%, работников сферы образования, науки и юриспруденции — от 3% до 1.7%, врачей и медработников — от 1.9% до 1.3%, инженеров — от 1.2% до 0.7%, работников сферы бытового обслуживания — от 6.6 % до 5.3%. В то же время доля работников заводов, фабрик, артелей и пр. выросла от 11.3% до 28.4%. Среди прибывших беженцев выросло число иждивенцев.

Из-за острой нехватки жилья еврейские беженцы зачастую оказывались в очень тяжёлом положении. Приехавшая в Андижан Сарра Амлинская впоследствии вспоминала:

«Тётя Эстер с детьми жила в узбекской семье в бывшем сарайчике-кладовке, такой маленькой, что там помещался только топчан, сбитый из старых досок. Там семья из трёх человек спала. Вся остальная жизнь проходила во дворе».

Рахель Рывкина жила в Ташкенте в 18-метровой комнате вместе с другими 27 родственниками. Они с трудом помещались на ночь на полу. Семье Арона Фейгеловича после долгих поисков удалось снять квартиру на окраине Ташкента в глиняной хате.

Чтобы как-то решить жилищную проблему в Ташкенте городские власти отдали беженцам помещения городских клубов и кинотеатров. Клара Фридман с тремя детьми ночевала «в огромном помещении клуба — на полу солома и больше ничего. Не было ни воды, ни уборных. Пользовались арыками, воду из которых пили и ею же умывались».

Сарра Амлинская вспоминает, что местные узбеки в Андижане давали беженцам старые циновки и одеяла, которыми они накрывались по ночам, приносили им лепёшки и воду, хотя сами жили очень бедно.

Многие беженцы голодали, особенно в первые месяцы после приезда. Продовольственное снабжение несколько улучшилось лишь в 1944 г. По свидетельству Дова Дунаевского в это время на рынках Ташкента появилось сметана и масло, которые исчезли из продажи осенью 1941 г. На фоне голода и болезней резко выросла смертность (например, в Ташкенте почти в 2 раза в 1942 г. по сравнению с 1941 г.).

По воспоминаниям Ирины Гайстер «там, в Фергане ценность человеческой жизни была ничтожной. Особенно мерли мужчины». Давид Азриэли так описывал ситуацию в Бухаре:

«По городу слонялись сотни изнурённых до крайности людей. Нередко они засыпали на парковых скамейках и уже не просыпались. Каждое утро город обходили рабочие с телегой. На неё грузили появившиеся за ночь сотни трупов. Эпидемии свирепствовали повсюду, и с этим приходилось считаться».

Денег, выделяемых из союзного и республиканского бюджетов для помощи эвакуированному населению, как правило, хватало только на несколько месяцев. Поэтому правительство Узбекистана отдельными постановлениями выделяло дополнительные средства. Так, по постановлению от 3 марта 1943 г. эвакуированному населению было передано 200.000 рублей. Тем не менее, объём выделяемой материальной помощи далеко не полностью покрывал потребности беженцев. Надежда Мандельштам пишет в своих воспоминаниях, что в первую очередь спасали не деньги, а пайки, то есть выдача нормированных продуктов по государственным ценам, которые были значительно ниже рыночных.

Нехватка продовольствия и предметов первой необходимости, резкий рост цен на рынке, жилищный кризис и другие тяготы и лишения войны подпитывали антисемитские настроения у части населения Узбекистана. Зачастую распространителями таких настроений были инвалиды войны и беженцы-славяне, прибывшие из западных областей СССР.

В Самарканде русские инвалиды войны написали на стенах синагоги «Бей жидов, спасай Россию!». В Ташкенте они кричали евреям «Абраша». А. Левитин-Краснов в своих мемуарах вспоминал про общую неприязнь у местного населения к европейским евреям, приехавшим в Ташкент с Украины. Один из свидетелей рассказал, что в Андижане осенью 1942 г. ходили слухи о готовящемся еврейском погроме.

О целом ряде случаев избиений евреев, о фактах погромной антисемитской агитации в Узбекистане говорилось в спецсообщении 3-го Управления НКВД СССР на имя наркома внутренних дел Л. Берия от 20 августа 1942 г. Характерно, что частично в усилении антисемитских настроений обвинялись сами евреи:

«НКВД СССР сообщает, что в связи с приездом в республику по эвакуации значительного количества граждан СССР еврейской национальности, антисоветские элементы, используя недовольство отдельных местных жителей уплотнением жилплощади, повышением рыночных цен и стремлением части эвакуированных евреев устроиться в систему торгующих, снабженческих и заготовительных организаций, активизировали контрреволюционную работу в направлении разжигания антисемитизма».

В спецсообщении указывалось, что имели место призывы уничтожать евреев и коммунистов. О фактах антисемитских проявлений в республике НКВД информировало партийное руководство Узбекистана. Наиболее активные антисемиты арестовывались и привлекались к суду.

Бухарские евреи, как правило, помогали прибывшим в Узбекистан еврейским беженцам. В первую очередь они поддерживали хасидов, особенно движение Хабад. Кроме того, они с уважением относились к евреям из Польши и Прибалтики, так как они были более религиозными, чем евреи-ашкеназы из славянских республик СССР.

Резэвакуация из Узбекистана проходила с конца 1943 г. При этом попытки самовольной резэвакуации жёстко пресекались властями. Категорически запрещался отъезд без разрешения для работников оборонных предприятий. Так, центральная газета Узбекистана «Правда Востока» опубликовала в начале января 1942 г. статью о том,

как несколько работников покинули свой завод и самовольно вернулись в Москву. Через неделю после этого они были арестованы и приговорены к восьми годам тюрьмы. Большие трудности возникли у многих еврейских беженцев, возвращающихся на Украину, из-за антисемитской политики советских властей.

Библиография

1. Хайрия Буриева. «Социально-экономические сведения в архивных материалах об эвакуированном в Ташкент еврейском населении в 1942 г.» // *История. Память. Люди: Материалы IX Международной научно-практической конференции. 27 сентября 2018 г., Алматы. – Алматы, 2019. С. 68–74*
2. *Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953.* / Сост. Г. Костырченко. М., 2005. С. 32–33.
3. Альберт Каганович. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу.* Москва - Иерусалим, 2023.
4. *Неизвестная эвакуация. Воспоминания еврейских беженцев СССР, 1941–1945* / Сост. А. Берман. - Иерусалим, 2015.
5. Rebecca Manley. *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War.* Cornell University Press, 2009.

Вадим Дубсон

Эвакуация населения в Киргизию

Эвакуация населения в Киргизию началась в первые месяцы войны. Первые группы эвакуированных прибыли в республику из Прибалтики и Западной Украины и состояли в основном из евреев.

Решением правительства республики для приёма эвакуированного населения были созданы комиссии при районных и областных исполкомах, а с 19 августа 1941 г. Республиканская комиссия. С 1 ноября 1941 г. начал работу уполномоченный Совета по эвакуации по Киргизской ССР.

В Киргизию были эвакуированы 36 заводов и фабрик из западных областей СССР. В сентябре 1941 г. сюда были отправлены три трикотажные и одна швейная фабрика из Харькова. В республику прибыло большое количество рабочих, инженеров и членов их семей. На базе эвакуированных в республике были созданы новые предприятия, в том числе фабрика «Красный швейник», завод «Красный металлист», завод сельскохозяйственного машиностроения, Ошский шелкокомбинат, Новотроицкий, Кантский, Беловодский сахарные заводы и др.

В Киргизию были перебазированы 12 вузов. Среди них Ростовский государственный университет, Николаевский кораблестроительный институт, Ленинградский институт физкультуры им. Лесгафта, несколько медицинских вузов из Харькова и др.

В 1942–1943 гг. в системе образования Киргизии работало 1124 эвакуированных, в том числе в школах 959 человек и в детских садах 121 человек.

В республику эвакуировалось Биологическое отделение АН СССР и ряд научно-исследовательских институтов, вместе с которыми приехало много ученых и других высококвалифицированных специалистов. При активном участии академиков В. Комарова, А. Баха и К. Скрябина в 1943 г. во Фрунзе был основан Киргизский филиал АН СССР.

Осенью 1941 г. во Фрунзе приехали артисты Государственного симфонического оркестра СССР, Московского театра миниатюр, Одесского театра революции. В г. Пржевальске на озере Иссык-Куль начал работать Донецкий музыкальный театр.

В 1941–1942 гг. в Киргизию прибыл 41 детский дом с 3.438 воспитанниками из Одессы, Ленинграда, Москвы, Курской, Смоленской и Ворошиловградской областей. Также дети прибывали отдельно от семей и вне рамок детских домов. Только за 6 месяцев 1942 г. таким образом приехало 1866 детей. Во Фрунзе в местные детские дома поместили 700 детей, прибывших летом 1942 г. из Одессы и Ленинграда.

В Иссык-Кульскую область к ноябрю 1942 г. эвакуировалось около 2.000 инвалидов.

Значительную часть эвакуационного потока составляли беженцы, и в первую очередь, евреи.

По данным республиканского статистического управления всего в Киргизию за 1941–1942 гг. прибыло примерно 108.000 эвакуированных, из них в 1941 г. - 62.000 и в 1942 г. - 46.000 человек. Правительство Киргизии в конце 1942 г. сообщило в Москву о прибытии 139.000 эвакуированных. По данным

учёта эвакуированных на 1 января 1943 г. в Киргизии числилось 114.400 человек.

По оценке Альберта Кагановича в республике находилось только 8% от числа общего числа эвакуированных, размещённых в Средней Азии.

В Киргизии на 1000 местных жителей приходилось 68 беженцев, чуть больше, чем в Казахстане (63) и в 1.7 раза меньше, чем в Узбекистане (115).

Во Фрунзенскую область прибыло 62.047 человек, в том числе 23.870 человек в г. Фрунзе и 5.892 человек — в г. Токмак. В Ошскую область приехало 15.255 человек, в Джалал-Абадскую — 13.457 (примерно половина эвакуированных прибыла в эти области в 1942 г.), в Тянь-Шанскую — 1826, в Иссык-Кульскую — 15.372 (из них 12.792 в 1942 г.).

По данным единовременного учёта эвакуированных на 1 января 1942 г. всего приехало 61.041 человек. Из них больше половины — 34.004 человек — из Украины, 3.486 — из Белоруссии, 1.990 человек — из Молдавии. В то же время эвакуированные в Киргизию из Москвы и Ленинграда составляли в 1942 г. соответственно лишь 4.7% и 11.9%.

В числе прибывших имелось 29.126 евреев (48%), 17.380 русских, 11.716 украинцев, 649 белорусов и 192 молдаван. Обращает на себя внимание низкий процент украинцев, белорусов и молдаван среди прибывших из каждой республики — соответственно 34%, 19% и 10%. Очевидно, что большую часть прибывших из этих республик составляли евреи.

Как и в Узбекистане, большое количество беженцев неожиданно для местных властей оказалось в Киргизии в ноябре 1941 г. Сразу же возникли большие трудности с их приёмом, размещением и трудоустройством. Зачастую прибывшими никто не занимался. В связи с этим ЦК компартии Киргизии приняло 27 ноября 1941 г. специальное постановление о работе с эвакуированными, в котором, в частности, говорилось:

«Бюро ЦК КП(б) категорически осуждает такое отношение к людям, попавшим в беду по вине оголтелого зверя — Гитлера. ЦК требует от всех партийных, комсомольских, советских и других организаций в отношении эвакуированных руководствоваться чувством товарищества, отзывчивости и помощи...».

В 1941 г. большая часть беженцев прибывала в столицу Киргизии г. Фрунзе и оттуда распределялась главным образом по колхозам Чуйской долины. Всего во Фрунзенской области оказалось 70–75% всех беженцев. Из-за недостатка транспорта и горючего в Тянь-Шанскую и Иссык-Кульскую области, расположенные на расстоянии 400–500 километров от железной дороги, удалось направить лишь небольшое количество беженцев. Только 20–25% беженцев попали в южные области республики — Ошскую и Джалал-Абадскую.

Проверка, проведённая Народным комиссариатом госконтроля Киргизии в начале 1942 г. по результатам расселения и трудоустройства эвакуированных во Фрунзенской области выявила факты «неправильного расселения эвакуированных по колхозам и предприятиям». В ряде мест создалась большая скученность беженцев. Часть из

них оказалась не обеспечена жильём, некоторые не получили работу.

Не было налажено медицинское обслуживание в большинстве районов, отсутствовали санпропускники, в результате чего имелось немало случаев заболевания сыпным и брюшным тифом, дизентерией, корью и скарлатиной.

В Чуйском районе отдельные колхозы вообще отказались снабжать эвакуированных продовольствием. Некоторые колхозы выделяли 400 г. хлеба на работающего в день, а членам семей ничего не выдавали. Часть эвакуированных не имела одежды и обуви. В результате взрослые не могли ходить на работу, а дети посещать школы. В Сталинском районе беженцы, прибывшие в декабре 1941 г. не были обеспечены топливом и жили в неотапливаемых квартирах.

В г. Токмак числилось безработными 388 эвакуированных. До 25 декабря 1941 г. на 1377 эвакуированных горисполком выдал единовременных денежных пособий лишь в сумме 9.637 рублей.

Из-за неурожая 1942 г. в колхозах Фрунзенской области эвакуированное население лишилось возможности получать хлеб за трудодни. Всего к концу 1942 г. 57.000 беженцев в республике оказалось не обеспечено хлебом.

Правительство Киргизии в 1942 г. выплатило эвакуированным единовременные пособия на общую сумму 150.000 рублей. Кроме того, для нуждающихся по мере возможности выдавалась одежда и обувь за счёт местных ресурсов.

Особое внимания власти республики уделяли эвакуированным семьям офицеров Красной армии, особенно после директивы на этот счёт начальника Главного политуправления РККА А. Щербакова от 10 июля 1942 г. В ней упоминалось «барско- пренебрежительное, а порой и издевательское отношение к нуждам и запросам жён командиров и политработников-фронтовиков» в г. Фрунзе. 20 июля 1942 г. секретарь Фрунзенского обкома партии Васьков обязал всех секретарей райкомов лично принять все необходимые меры для улучшения материально-бытового положения эвакуированных семей командного состава.

Многие еврейские беженцы работали в Киргизии на промышленных предприятиях, в кооперации. Тех, кто имел опыт руководящей работы, часто использовали на аналогичных должностях. На заводах в г. Фрунзе трудились еврейские подростки. Немало евреев оказалось в сельской местности. Об этом вспоминает Н. Бомштейн:

«Поселили в колхозе «Победа» Кагановичского района в старенькой землянке. Пахали, боронили, сеяли, косили, закладывали силос, ухаживали за колхозным скотом, а жили впроголодь, потому что на трудодни выдавали совсем немного продуктов». «Всё для фронта, всё для победы!» - под этим лозунгом мы жили, надеялись, терпели и преодолевали невзгоды».

В начале войны в Киргизии норма жилья составляла 8,25 кв. метров на человека. В связи с прибытием эвакуированных в сентябре 1941 г. эта норма была сокращена до 5 кв. метров. В г. Фрунзе семьи многие эвакуированные ютились по 2–3 семьи в одной комнатухе. Приехавшая в столицу Киргизии

весной 1942 г. семья Якова Либермана за большие деньги снимала сарай с глиняным полом, покрытым соломой.

Жилищные условия, в которых оказались еврейские беженцы, зачастую были очень тяжёлыми. Хая Тодрина жила в землянке 5 кв. метров, где проживало 7 человек, «без пола и воздуха, в общем «живая могила». Анна Ривкина жила в колхозе в комнате, где помещалось 16 человек. Эльза Каспинова жила с семьёй в сарае, в котором до них содержалась корова. Семью Валерия Купершмидта разместили в бывшем саманном курятнике, на земляном полу, без печки. В г. Фрунзе жена военнослужащего Розенберг более месяца после родов с грудным ребёнком не имела жилья и ночевала в кабинетах, в коридорах столовых и в других местах.

Питание беженцев часто было недостаточным. Евгения Дворкина вспоминает:

«Стоит, наверное, упомянуть, что меню в столовой было постоянное: на первое суп-затируха, на второе каша-затируха и иногда ещё на третье - по кусочку брынзы. Затируха — это когда над баком с кипящей водой растирают между ладонями тесто, и кусочки от него падают в кипяток. Разница между супом и кашей только в консистенции».

В некоторых местах власти выделяли семьям беженцев участок земли для огородов. На них выращивали кукурузу, сахарную свёклу, дыни, картофель. Кукурузу возили на мельницы, где из неё делали кукурузную муку. Лев Гурок, Яков Сосняк и другие бывшие беженцы вспоминают, что огороды помогли их семьям выжить.

Многие еврейские семьи не взяли с собой в эвакуацию никакого имущества, и часто не имели необходимой одежды и обуви. В 1942 году в г. Ош семья лейтенанта фронтовика Штейна из 4-х человек не имела кроватей, постели и спала на голом полу. У семьи не было обуви. В этом же городе эвакуированная Блехер просила выдать ей и её дочери по паре чулок и при возможности какие-то носильные вещи. Секретарь Октябрьского райкома партии Котов сообщал в Джалал-Абадский обком, что мать и сестра красноармейца Плоткина «совершенно раздетые, нет ни летней, ни зимней одежды, нет постельного белья, спят совершенно на голых досках».

Иногда еврейские женщины, чтобы достать дрова для отопления, лекарство для больного ребёнка и другие необходимые вещи вынуждены были использовать для обмена привезённые с собой платья и туфли.

Местные власти оказывали некоторую материальную помощь еврейским семьям. Так, Базар-Курганская райкомиссия по помощи эвакуированным сообщала в Джалал-Абадский обком партии 10 ноября 1943 г. о том, что помощь была оказана:

«... 4. Шварцман Лизе — платок, рейтузы; 5. Шварцман Фиме — детская рубашка, штанишки; 6. Куринной Хане — кофточку, шарф; 7. Куринной Сеси — брюки, фуфайку и 50 руб. деньгами; 8. Сипиной Марии — кофточку, брюки; 9. Меламуд Яше — брюки, рубашку, кашне, 5 кг. картофеля, 50 руб. денег; 10. Гитман Еве — рубаху, картошки — 2 кг.; 11. Гуревич Сарре — рубаху, одеяло, денег 75 руб., картофеля — 2 кг. ...».

В связи с приездом большого количества евреев во Фрунзенскую область в ноябре 1941 г., заметно выросли антисемитские настроения. В Кантском районе местные школьники избивали приехавших детей, обзывали их «жидами», из-за чего дети эвакуированных отказывались ходить в школу. В Ворошиловском районе были случаи, когда эвакуированных евреев отказывались разместить по квартирам и предоставить им работу, заявляя: «Вот понаехали и цены на хлеб поднялись».

В г. Фрунзе среди сотрудников театра распространялся антисемитский анекдот: «Три еврейские дивизии захватили города Фрунзе, Токмак и Кант». В городе ходили разговоры о том, что евреи убивают русских детей и пьют их кровь. Евреям угрожали, что их перебьют, когда придёт Гитлер. В августе 1942 г. в ЦК КП(б) Киргизии поступила докладная записка «О некоторых фактах антисемитских вылазок среди населения г. Токмака». В ней сообщалось, что в городе имели место «факты прямой травли и преследования евреев, а иногда и физического избиения».

В июле 1942 г. к руководству республики обратилась группа евреев, находившихся в столице Киргизии в отпуске по ранению. Они просили «пресечь в корне разжигание антисемитизма среди народов Киргизии, особенно в очередях за хлебом, на базарах, на площадях...».

Как указывает Зеев Левин, антисемитизм был более распространён среди европейского населения Киргизии и менее характерен для местных киргизов. Многие антисемитские инциденты провоцировались инвалидами войны, которые находились в республике на лечении. Писатель А. Степанов, находившийся в эвакуации, сообщил в мае 1943 г. редактору

газеты «Красная звезда» Д. Ортенбергу, что инвалиды в г. Фрунзе ведут настоящую погромную агитацию, выгоняют евреев из очередей, избивают женщин. Ортенберг передал письмо Степанова в ЦК партии.

Особое беспокойство у партийного руководства республики вызывал тот факт, что наибольшее распространение антисемитские настроения получили в период неудач Красной Армии на фронте в октябре-ноябре 1941 г. и в июне-июле 1942 г., и, очевидно, они были тесно связаны с антисоветскими настроениями.

Многочисленные жалобы, поступавшие от еврейских беженцев в партийные органы Киргизии и в Москву, заставили руководство республики принять меры в отношении активных антисемитов. Об этом говорится в докладной записке секретаря ЦК КП Киргизии А. Вагова, посланной в ЦК партии в Москву в ноябре 1942 г. «О проявлениях антисемитизма и борьбе с ними в Киргизской Республике»:

«Исходя из такого состояния бюро ЦК КП(б) Киргизии своим решением от 27 ноября 1941 г. ... направило работу административно-карательных органов на суровую борьбу с антисемитизмом. В результате проведённой работы — как массово-политической, так и карательной, - случаи антисемитизма пошли резко на убыль и за последнее время почти пресеклись».

В трудных условиях войны среди еврейских беженцев наблюдался рост интереса к религии. В столице Киргизии в 1942 г. была организована еврейская религиозная община, в которой состояло несколько сот человек. В 1944 г. община приобрела дом в центре г. Фрунзе для проведения молитв.

Резэвакуация из республики началась в конце 1943 г. В 1944 г. в Киргизию стали поступать запросы из других республик об откомандировании руководящих партийных работников, специалистов, рабочих и служащих к прежнему месту жительства. В 1944 г в республике оставалось 70.600 эвакуированных, а в 1945 г. — 35.000.

Литература

1. *В тени Катастрофы: Беженцы, эвакуация и блокада. Неопубликованные воспоминания беженцев, блокадников и эвакуированных. СССР, 1939–1946 /* Ред. А. Берман. Иерусалим, 2021.
2. *Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. /* Сост. Г. Костырченко. М., 2005. С. 34.
3. *Еврейские беженцы и эвакуированные в СССР, 1939–1946. Сборник статей, документов и свидетельств /* Ред. З. Левин. Иерусалим, 2020.
4. Альберт Каганович. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу.* Москва. Иерусалим, 2023.
5. Александр Ярков. *Евреи в Кыргызстане.* Бишкек, 2000.

Вадим Дубсон

Эвакуация населения в Западную Сибирь

Эвакуация населения в Западную Сибирь (Новосибирскую и Омскую области и в Алтайский край) началась уже в первые недели войны.

9 июля 1941 г. был создан эвакуопункт в Омске для приёма и обслуживания эвакуированного населения. Через него эшелоны с людьми направлялись во все районы Западной и Восточной Сибири и в Среднюю Азию. В Новосибирской области были организованы Новосибирский, Татарский, Инский и Барабинский эвакуопункты. Только Барабинский эвакуопункт, созданный в августе 1941 г., за 4 месяца принял 101 эшелон (98.676 эвакуированных).

Через Новосибирский эвакуопункт за первых два года войны прошло около полутора миллионов эвакуированных. Крупные эвакуопункты были развернуты в Барнауле, Кемерове, Томске и Тюмени.

В Новосибирскую область по состоянию на 1 декабря 1941 г. прибыло 168.993 человек, в том числе из прифронтовой полосы — 119.796 человек, из Москвы — 29.868 человек, семей начсостава РККА с Дальнего Востока — 19.329 человек.

В начале декабря организовано, с эвакуированными предприятиями, учреждениями и организациями в область приехало 103.347 человек. Они прибыли в Новосибирск в основном из Ленинграда, Москвы, Харькова и Киева, в Томск — из этих же городов, а в Кемерово — из Москвы, Ленинграда, Днепропетровска, Никополя и Днепродзержинска.

В городах поселились, главным образом, организованные эвакуированные, прибывшие с предприятиями и организациями. В то же время из размещённых по районам области прибывшие в индивидуальном порядке (беженцы) составили 93%.

К лету 1942 г. в области было размещено 301.456 человек, в том числе в городах 182.770 и в сельской местности — 118.686, трудоспособных — 174.881 человек.

На 1 января 1943 г. в Новосибирской области находилось 504.251 эвакуированных, в том числе мужчин — 101.562, женщин 206.438 и детей младше 14 лет — 196.250. В области были размещены, главным образом, эвакуированные из Ленинграда — 120.433, Ленинградской области — 36.262, Украины — 99.595, Белоруссии — 41.659, Москвы — 37.586 и Московской области — 21.421 человек.

По данным за февраль 1942 г. в Омской области было размещено 214.235 эвакуированных. Трудоспособных среди них было 101.358 человек. Из их числа работало в промышленности, на транспорте, в колхозах и в учреждениях 59.027 человек, не работало 42.351 человек. В Омск прибыло более 125.000 эвакуированных, в Тюмень — более 20.000, в Ялуторовск и в Ишим — по 10.000–15.000, остальные поселились в Таре, Тобольске и других местах.

В течение 1941 г. в Алтайский край было эвакуировано около 110.000 человек из Москвы и Московской области, Украины, Белоруссии, Дальнего Востока и других регионов.

С февраля по июнь 1942 г. в Алтайский край приехали 8.500 жителей блокадного Ленинграда. Во второй половине

1942 г. в регион прибыло около 87.000 человек, в основном из Ленинграда, Ленинградской, Ярославской, Сталинградской и Ростовской областей.

Всего за годы войны в Алтайский край было эвакуировано примерно 215.000 человек. Большая часть эвакуированных прибыла в Алтайский край с территории РСФСР — 119.000 человек, Украины — 23.900 человек, Белоруссии — 4.100 человек

За первые месяцы войны в Западную Сибирь прибыли 310 детских учреждений - детдомов, детских садов и пр. (34.364 детей) с территории РСФСР. В Алтайский край эвакуировалось 92 детских учреждения (11.738 человек), в Новосибирскую область — 48 (5.296 человек), в Омскую область — 170 (17.330 человек). Основную часть прибывших детских учреждений составляли детские дома и интернаты из Ленинграда.

В Западную Сибирь были эвакуированы, детские ясли, сады, детские дома, пионерские лагеря, интернаты из Черниговской, Тамбовской, Курской, Рязанской, Смоленской, Гомельской, Псковской, Сталинградской, Московской, Сталинской областей, Пскова, Москвы, Киева, Ростова-на-Дону, Гомеля и других городов. Сюда прибыли детские учреждения для польских и испанских детей, Всесоюзный пионерский лагерь «Артек».

В Омской области в начале 1942 г. из 77.735 эвакуированных, размещённых в сельской местности, насчитывалось 39.933 детей, из них с родителями прибыли 24.270 человек, а со школами, детскими домами и другими детскими учреждениями — 15.663 человек

Эвакуация населения в Западную Сибирь проводилась в два этапа: первый проходил летом и осенью 1941 г., второй — весной и летом 1942 г. В результате первого этапа эвакуации прибыло около 600.000 человек. Общая численность эвакуированного населения, размещённого в этом регионе доходила до 1.000.000 человек.

Среди прибывших в Сибирь преобладали выходцы из Московской, Ленинградской и других северо-западных областей, поэтому процент евреев среди них был ниже, чем в южных регионах СССР. Так, на 1 декабря 1941 г. среди эвакуированных в Алтайский край евреи составляли 11%, в Новосибирскую область — 16%, а в Омскую область — 14%.

В 1941–1942 гг. в Западную Сибирь прибыло около 300 заводов и фабрик, ряд наркоматов, НИИ, более 40 вузов, десятки театров.

В Новосибирской области были размещены Третьяковская картинная галерея, Русский музей, Ленинградская филармония, Белорусский еврейский театр и другие культурные учреждения. Вместе с ними прибыли известные артисты, музыканты и другие деятели искусств.

В Новосибирскую область (без учета Кузбасса и Томска) было эвакуировано оборудование, рабочие и ИТР 34 крупных предприятий 4 наркоматов оборонной промышленности, в Томске разместились оборудование и кадры 32 предприятий.

Новосибирская область в годы войны сыграла важную роль в организации производства некоторых видов вооружения и боеприпасов для действующей армии. На заводах области было произведено за годы войны 125 млн

снарядов и мин. Завод им. Чкалова выпустил около половины изготовленных в стране самолётов-истребителей.

В Омскую область прибыло более 100 заводов. Крупные оборонные предприятия были размещены в Омске, который превратился в один из крупнейших оборонных центров СССР. В частности, за годы войны здесь было выпущено 78 пикирующих бомбардировщиков и более 3.400 истребителей.

В Алтайский край было эвакуировано около 100 предприятий, в том числе 24 машиностроительных. В регион привезли оборудование шести оборонных заводов, на основе которого было создано 4 предприятия военной промышленности.

Многие сибирские города не располагали развитым жилищно-коммунальным хозяйством и социальной инфраструктурой и не были готовы к приему эвакуированных. В ряде городов люди по несколько недель проживали на вокзалах в ожидании расселения. Вновь прибывших размещали, уплотняя местных жителей.

В Омск прибыло с начала войны 145.740 эвакуированных. Для их размещения было выделено 102 барака, 82 землянки, 54 дома и райсоветами было предоставлено 13.000 комнат. В Барнауле к ноябрю 1941 г. было освобождено для эвакуированных 1244 комнаты. Томск к сентябрю 1941 г. был настолько уплотнён, что это делало почти невозможным дальнейшее размещение эвакуированных.

Для решения жилищной проблемы эвакуированных власти принимали специальные меры. В Томске с ноября 1941 г. началось строительство землянок, барачков, казарм и других

сооружений облегчённого типа. Такое жильё начали строить и в Алтайском крае, где также организовали приспособление под жильё амбаров, сараев и других имеющихся построек.

Скученное проживание создавало опасность инфекционных заболеваний. Эта ситуация осложнялась ухудшением питания городского населения.

Эвакуированные испытывали большие трудности в снабжении продовольственными и промышленными товарами. Зачастую установленные нормы выдачи продуктов питания для рабочих нарушались, снабжение продуктами питания членов семей работников промышленных предприятий отсутствовало, для заводских столовых было характерно низкое качество питания. В результате, многие эвакуированные недоедали.

В сельской местности прибывшие эвакуированные семьи также оказались в тяжёлых бытовых условиях, многие из них не обеспечивались квартирами, топливом и продуктами питания.

В первые месяцы эвакуации эвакуированное население в достаточной мере централизованно обеспечивалось хлебом, имело возможность покупать по приемлемым ценам продукты на местных рынках. Однако с начала 1942 г. в результате уменьшения фондов муки, выделяемых по районам, резко снизилось снабжение эвакуированных хлебом.

Из-за резкого роста цен рыночных цен и из-за сокращения завоза на рынки сельхозпродукции колхозниками эвакуированные лишились возможности закупать

необходимые продукты. Кроме того, в ходе войны выплаты на трудодни резко сократились. В 1943 г. в Новосибирской и Омской областях на трудодни во многих колхозах выдавалось менее 100 г зерна на трудодень.

Во время войны голод в деревне стал постоянным явлением. Среди документов архивов можно найти многочисленные сообщения и докладные записки об этом органов НКВД, сельских райкомов и райисполкомов.

В 1941–1942 г. в Западной Сибири резко увеличилась инфекционная заболеваемость. В Новосибирске, Томске и других городах с осени 1941 г. наблюдался резкий рост заболеваемости такими болезнями, как брюшной и сыпной тиф, корь, скарлатина. заметно увеличился уровень смертности, том числе детской смертности, особенно в районах массового вселения эвакуированных.

С 1941 по 1942 г. смертность в Западной Сибири увеличилась на 25%. К лету 1942 г. детская смертность достигла наибольшего за военный период размера, затем стала снижаться. Высокая смертность была связана с низким уровнем жизни, ослаблением медицинского обслуживания и санитарного контроля. Однако в 1943–1945 гг. смертность в Сибири понизилась в 2.6 раза. К 1943 г. показатели детской смертности понизились по сравнению с 1940 г. в полтора раза.

Большая часть еврейского населения прибыла в Западную Сибирь в качестве беженцев, поэтому многие еврейские семьи оказались в очень тяжёлом положении. Приведём несколько примеров.

В справке военного отдела Омского горкома партии за февраль 1942 г. описываются условия жизни семьи героя Советского Союза Горелика в Кировском районе Омска:

«Семья Горелика проживает... в землянке. 9 человек, из них четверо малых детей, занимают площадь в 30 кв. м. Ужасная теснота и сырость. Просушить потолок и стены имеющейся печкой невозможно. При эвакуации из г. Бобруйска ничего не могли захватить с собой из одежды. Нуждаются в тёплой одежде, обуви и белье...».

В отчёте об обследовании эвакуированных семей в Барабинском районе Новосибирской области за 1942 г. рассказывается о еврейской семье Кремерман, проживавшей в райцентре:

«Кремерман эвакуирована из Белоруссии, имеет 5 детей... Обувью дети совершенно не обеспечены и два ученика вынуждены бросить ходить в школу при первых морозах, лишь потому, что ходят в оборванных галошах.

Вообще, все ребяташки не имеют сменного белья, из этого получается завшивленность, что угрожает распространением различных заболеваний... В общем, положение данной эвакуированной семьи тяжёлое».

Еврейские семьи, эвакуированные с предприятиями и учреждениями тоже зачастую жили очень тяжело. Лея Трахтман-Палхан, семья которой была эвакуирована в Томск из Москвы вместе с подшипниковым заводом, впоследствии вспоминала:

«Наша жизнь в Томске была сплошной борьбой за выживание в жесточайших условиях сибирского климата,

когда порой нечем было кормить детей, не во что одеть и нечем хоть как-то согреть комнату в пятидесятиградусный мороз.

Тяжёлая работа в две смены по 12 часов каждая, с восьми до восьми, как у всех. Холод. И дома и на заводе постоянно ходили только в пальто. Жили в старой кирпичной казарме...

Постоянно голодные. Мяса практически не было. Его заменяла картошка... Но и картошки не хватало».

По свидетельству Семёна Борда, эвакуированного в Новосибирск местные жители неплохо относились к евреям, а некоторые вообще не слышали ранее о евреях. Лея Трахтман-Палхан описывает настроения в рабочей среде в Томске. По её наблюдениям молодые рабочие открыто выражали свою ненависть к евреям и были пропитаны антисемитизмом. В своих воспоминаниях она пишет, что на улицах Томска постоянно можно было услышать выражения «пархатый жид», «вонючий жид». Леонида Ваксмана, обучавшегося в ремесленном училище при заводе «Сибсельмаш» в Омске, избивали другие ученики «за то, что жид».

Иногда власти принимали меры к активным антисемитам. Так, в начале 1942 г. был осуждён председатель сельского совета в Мариинском районе Новосибирской области Стуров за антисемитские высказывания и действия по отношению к эвакуированным евреям.

В документах Исторического архива Омской области можно найти информацию об антисемитских настроениях в области. Так, обком партии сообщал в Москву в апреле и июне

1943 г., что на собраниях в Сталинском районе Омска часто задаётся следующий вопрос: «Почему евреи всё скупают на рынке, точно они обобрали банки и привезли сюда деньги?». Председатель областного совета «Союза воинствующих безбожников» Агеев в январе 1944 г. информировал обком партии о распространённости в области среди верующих «писем с неба», некоторые из которых носили антисемитский характер.

В 1945 г. антисемитские эксцессы имели место в Рубцовске, Алтайского края. Евреев избивали на рынке, в магазинах и на стадионе во время футбольного матча. Местные власти не принимали достаточных мер для обуздания антисемитов. В связи с этим группа работников расположенного в Рубцовске завода «Алтайсельмаш» направила коллективное письмо на имя секретаря ЦК партии Г. Маленкова, в котором отмечалось следующее:

«Нам внушает тревогу тот факт, что местная прокуратура, органы милиции и партийные организации нередко выхолащивают политическую сторону этих эксцессов, считая их простым хулиганством и довольно часто оставляют эти преступления вовсе безнаказанными... Мы не можем больше молчать! Атмосфера сейчас накалена, эксцессы нарастают с каждым днём, мы деморализованы и не в состоянии работать».

Западная Сибирь приняла в течение 1941–1942 гг. около миллиона эвакуированных. В 1944—первом квартале 1945 гг. в результате реэвакуации регион покинуло как минимум 2/3 от этого числа. Первыми уехали домой жители Москвы и

Московской области, Ленинграда и Ленинградской области, Украины и Белоруссии.

В Алтайском крае в 1944–1945 гг. количество эвакуированных значительно сократилось. На 1 октября 1945 г. число эвакуированных, проживающих на территории края, сократилось до 20.100 человек. В течение 1946 г. из Алтайского края на Украину выбыло 2.190 человек, 1.468 человек уехало в Ленинград и Ленинградскую область, 1166 человек вернулось в Москву и Московскую область.

С 1944 г. началась также реэвакуация из детских учреждений. Например, в Омской области из детских домов Ишимского района много детей выбыли в Харьков, также из интернатов и детских домов дети вывозились обратно в Ленинград.

Библиография

1. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 249. Л. 67–68.
2. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 512, л.76-102; Ф. Р-1030. Оп.1. Д. 280. Л. 8–11, 23–29.
3. Исторический архив Омской области. Ф. Р-437. Оп. 9. Д. 977. Л.52-53; Д. 989. Л. 16–24; Ф.17. Оп. 1. Д. 3678. Л. 28–29, 51–52.
4. Михаил Бейзер. «Сибирская эвакуация глазами палестинской коммунистки» // *История. Память. Люди: Материалы VII Международной научно-практической конференции*. 19 сентября 2014 г., Алматы. – Алматы, 2015. С. 125–133.
5. Альберт Каганович. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва. Иерусалим, 2023.
6. Людмила Снегирёва. *Во имя победы: Эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах*. В 3-х томах. Т. 1. «Исход». Томск, 2005.

Вадим Дубсон

Статистические данные по эвакуации еврейского населения на территории СССР во время войны с нацистской Германией (1941–1945 гг.)

Статистические данные централизованного учета эвакуированных за 1941–1946 гг. отложились в Государственном архиве Российской Федерации. Там находятся документы Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации (далее – УЭН) и Переселенческого управления при Совете народных комиссаров (СНК) СССР (далее – Переселенческое управление). Они содержат подробные сведения о численности эвакуированных, прибывших в различные республики и области, и в целом по СССР за 1941–1944 гг. Дополнительную информацию о численности, составе и размещении эвакуированного населения на территории СССР можно найти в документах Отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК РСФСР. Имеющиеся источники содержат различные статистические сведения об эвакуированных евреях и списки эвакуированных.

С первых дней войны начался массовый вывоз населения из Москвы и Ленинграда. Значительную часть эвакуированных составляли дети дошкольного и школьного возраста. До 14 июля 1941 г. из Москвы было вывезено более 450. 000, а из Ленинграда 273.500 детей. Это составляло соответственно более 50% и 80% от общего количества эвакуированных из этих городов.

Массовая эвакуация населения из Москвы и Ленинграда, в основном железнодорожным транспортом, ограничивала возможности вывоза людей из западных областей СССР. В общем потоке эвакуированных к 18 июля 1941 г., не считая находившихся в пути, доля Москвы и Ленинграда составила 64%, а число выехавших из прифронтовой полосы – 36%.

Такая политика советских властей снижала возможность эвакуации и бегства еврейского населения из районов традиционного еврейского проживания (бывшей «черты оседлости»). Следует учесть, что более одной пятой еврейского населения СССР в границах 1939 г. проживало в регионах, оккупированных в течение первого месяца войны.

С территорий, аннексированных СССР в 1939–1940 гг. - из Молдавии и стран Балтии — удалось выехать соответственно примерно 100.000 и 35.000 евреям. Из западной части Украины, в границах 1939 г., оккупированной в июле, эвакуировалось не более одной трети, а из части Восточной Белоруссии, занятой в этом же месяце и из западных районов Смоленской области РСФСР – примерно 45% проживавших там евреев.

Ситуация кардинально изменилась во второй половине июля. Из числа эвакуированных с 18 июля по 1 августа почти 94% составили выехавшие из прифронтовой полосы. Резко сократилась эвакуация населения из Москвы и Ленинграда. Вероятно, это было связано с изменившейся в лучшую сторону обстановкой на фронте.

С ростом числа выехавших из западных областей выросло и число евреев, которым удалось спастись от нацистов. По-видимому, во второй половине июля доля эвакуировавшегося

еврейского населения уже превышала долю оставшегося на занятой немцами территории. Из оккупированной в августе части Восточной Белоруссии эвакуировалось 77% евреев, что составляло почти половину от общего числа евреев, выехавших с территории Белоруссии в границах 1939 г. Из центральных областей Украины, на территорию которых немцы вступили в конце июля, удалось эвакуироваться двум третям проживавших там евреев.

В августе 1941 г. размеры эвакуации населения из Москвы и Ленинграда вновь резко выросли. В общем числе эвакуированных в период с 1 по 20 августа доля этих городов составила 75%. Среди эвакуированных за первые два месяца войны почти половину составили жители Москвы и Ленинграда. К 10 сентября из Москвы было вывезено 2.179.000 человек.

Накануне войны примерно 70% еврейского населения СССР в границах 1939 г. проживало на территории, впоследствии оккупированной немецкими войсками. Поэтому столь широкие масштабы эвакуации населения из Москвы и Ленинграда в первые месяцы войны имели негативные последствия для большей части советского еврейства. В то же время, не следует забывать, что примерно 700.000 жителей Ленинграда, в том числе и евреи, погибли от голода в тяжелейших условиях блокады города.

Всего за 1941–1942 гг. из Москвы и Московской области, Ленинграда и Ленинградской области выехало примерно 400.000 евреев.

Шансы стремившихся эвакуироваться из прифронтовых регионов РСФСР евреев добраться до тыловых районов

зависели от географического расположения их населенного пункта (в том числе от близости к железной дороге и другим путям сообщения), от скорости продвижения немецких войск и от текущих приоритетов советской эвакуационной политики.

Так, из расположенных на железнодорожных линиях городов Смоленска и Рославля Смоленской области удалось уехать 70–80% евреев, а из стоящих в стороне от железной дороги городов и местечек Велижа, Рудни, Хиславичи и Любавичи лишь 20–40%. Похожая картина наблюдалась и в Орловской области, где из находившейся на железной дороге городов Новозыбков и Унеча спаслось 70–80% евреев, а из захваченных почти одновременно с ними городов Стародуб и Мглин менее 20%. В Калининской области из расположенных на железной дороге городов Невель и Торопец выехало соответственно примерно 70% и 80% евреев, причем Торопец расположен восточнее Невеля.

По состоянию на 15 ноября 1941 г. Переселенческим управлением были составлены таблицы по распределению эвакуированных, учтенных списками, по республикам и областям, из которых осуществлялась эвакуация, и по национальностям, с указанием количества эвакуированных, размещенных в отдельных республиках, краях и областях. В эти таблицы вошли данные почти по всем регионам, из которых осуществлялась эвакуация в 1941 г.

Всего было учтено почти 2.500.000 человек. Численность евреев составила около 670.000 человек или примерно 27% от всей численности учтенного населения. На территории РСФСР к моменту составления таблиц было сосредоточено 87% от всех учтенных евреев, остальные были зарегистрированы в

республиках Средней Азии. Около 45% евреев, учтенных в этих списках, были размещены в регионах, которые были полностью или частично оккупированы немецкими войсками в 1942 г.: Краснодарском и Орджоникидзевском краях, Сталинградской и Воронежской областях. Поэтому позже большинству из ранее эвакуировавшихся в эти регионы пришлось вновь искать спасения от наступавших немецких войск.

По количеству эвакуированных евреи занимали второе место после русских и превосходили украинцев более чем в 3 раза, а белорусов почти в 8 раз. По нашим подсчетам, с использованием данных из вышеуказанных таблиц, среди эвакуированных из Белоруссии, размещенных в России (данные в среднем по 16 областям, краям и автономным республикам), белорусов было 27%, в Казахстане (данные в среднем по 13 областям) – 25%, в Узбекистане – 20%, а в Таджикистане – 14%. При этом, на 1 января 1939 г. белорусы составляли 82.9% населения Белоруссии. Отсюда следует, что значительную часть эвакуированных из Белоруссии составляли евреи, доля которых в населении республики равнялась на 1 января 1939 г. всего лишь 6.7%. Анализ списков эвакуированных на 120.000 человек, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, показывает, что евреев было не менее 50% от всех эвакуированных из этой республики. Как правило, среди тех, кто выехал с предприятиями и организациями, евреев было меньше половины, а среди беженцев – больше.

По данным на 1 декабря 1941 г. в списки, поступившие в УЭН, было включено 262.769 эвакуированных из Белоруссии. Эвакуация населения из Белоруссии проходила с первых дней войны и завершилась в начале сентября 1941 г., поэтому можно предположить, что в эти списки попало большинство

эвакуированных из республики. Весной 1943 г. отделом по обслуживанию эвакуированного населения при СНК БССР было охвачено именованным учетом 185.800 эвакуированных из Белоруссии. Из них 152.100 на территории РСФСР, 20.600 – в Узбекистане, 9.700 – в Казахстане, 1.600 человек – в Туркмении и 1.800 человек – в других республиках СССР. По сведениям СНК РСФСР к концу 1943 г. в РСФСР находилось 180.100 эвакуированных из Белоруссии.

Приведенные нами цифры свидетельствуют о том, что общая численность эвакуированного населения из Белоруссии не превышала нескольких сотен тысяч, по нашей оценке - 300.000–360.000 человек. Таким образом, с начала войны удалось выехать примерно 150.000–200.000 белорусским евреям.

По-видимому, среди эвакуированных с Украины евреев было несколько меньше, чем из Белоруссии, но можно предположить, что их было около половины. Об этом свидетельствуют, например, следующие факты. К 1 сентября 1941 г. в Казахстан прибыли 24.258 эвакуированных, в том числе из Украины – 6.620 (из них только 41% украинцев), из Белоруссии – 5.159 (из них 24% белорусов). В Киргизию до конца 1941 г. прибыло из Украины 35.000 человек (из них только 33% украинцев), из Белоруссии 3.486 (из них 18.6% белорусов).

Среди беженцев с Украины евреи составляли большинство. Приведем только два примера. Один из евреев, который был в Киеве 8–10 июля 1941 г. обратил внимание на то, что большинство пассажиров, плывущих на корабле «Феликс Дзержинский», в основном женщин, детей и стариков, составляли еврей-беженцы из различных городов и местечек Украины. В другом случае еврей, беженец из Харькова, рассказал

о том, что дороги, по которым шли отступавшие советские войска, были заполнены беженцами, большинство из которых были евреями, что вызывало враждебную реакцию у советских солдат.

Всего с Украины выехало примерно 1 000 000 евреев из общего числа эвакуированных из республики около 2 000 000 человек.

До сих пор остается дискуссионным вопрос о том, сколько всего было эвакуировано советских евреев в 1941–1942 гг. Приведем некоторые данные по этому вопросу.

По телеграфным сообщениям на 1 декабря 1941 г. было принято в целом по СССР 5 312 600 эвакуированных, из которых 2 872 738 были учтены в именных списках. Среди последних численность евреев составила 779 410 человек или 26.94%. В именные списки вошло больше половины прибывших на новые места эвакуированных. Регистрация проводилась во всех республиках, краях и областях СССР. Поэтому по отношению к общему числу эвакуированных количество эвакуированных, учтенных списками, является представительной выборкой.

К 10 января 1942 г. в целом по СССР было принято по разным данным примерно 7.000.000–7.300.000 эвакуированных. Если предположить, что доля евреев среди эвакуированных осталась к этому времени приблизительно той же, что и на 1 декабря 1941 г., то общее число эвакуированных евреев в это время можно оценить в 1.900.000–2.000.000 человек. До конца года эта цифра могла еще немного вырасти, так как дополнительно эвакуировалось несколько десятков тысяч евреев, в основном из Ленинграда.

Попытаемся также приблизительно оценить общее число эвакуированных евреев в СССР по республикам, в которые они прибыли, к концу 1942 г.

По данным на 1 декабря 1941 г. в РСФСР имелось 2.643.685 эвакуированных, учтенных списками, из них 649.759 евреев (25%). В Яд Вашем из Государственного архива РФ поступили списки эвакуированных по итогам переписи, проведенной в марте-апреле 1942 г. в РСФСР на примерно 3.000.000 человек. Регистрация проводилась почти во всех областях и краях республики. По подсчетам сотрудников Яд Вашем среди них оказалось 600 000 евреев или 20% от общего числа эвакуированных. К весне 1942 г. на территории тыловых районов РСФСР было размещено более 5.914.000 человек. Поскольку итоги весенней 1942 г. переписи эвакуированных в РСФСР являются репрезентативной выборкой от их общего количества, мы можем предположить, что весной 1942 г. на территории РСФСР поселилось примерно 1.200.000 эвакуированных евреев. К концу года эта цифра несколько уменьшилась, так как десятки тысяч эвакуированных евреев выехали в Среднюю Азию и Закавказье в период летнего немецкого наступления. По-видимому, в РСФСР осталось 950.000–1.000.000 эвакуированных евреев.

Среди эвакуированных, прибывающих в республики Средней Азии, большую часть составляли беженцы, а значит был высок процент еврейского населения. Так, в Узбекистан до конца 1941 г. приехало 716.000 эвакуированных, из которых только 80.000 прибыло в организованном порядке с предприятиями и организациями, а всего за годы войны Узбекистан принял более 1.000.000 эвакуированных. На 1 октября 1941 г. в республике было зарегистрировано 43.559 эвакуированных, из них 26.784 евреев (60%), а концу года доля евреев среди эвакуированных выросла до 63%. Примерно такой же процент евреев в картотеке эвакуированных в Узбекистан на 339.500 человек

за 1942 г., находящейся в Мемориальном музее Холокоста США. По сообщению газеты «Эйникайт», органа Еврейского антифашистского комитета (далее – ЕАК), от 23 августа 1945. г. всего в Узбекистан эвакуировалось примерно 500. 000 евреев.

В Казахстан за все время эвакуации прибыло 533.000 человек, а на ноябрь 1941 г. было зарегистрировано 159.000 эвакуированных, из которых евреев было 74.565 человек (47%). В Алма-Атинскую область за 1941 г. прибыло 36.744 эвакуированных, из них 20.261 евреев (55%). В это же время в Карагандинскую область прибыло 11.136 эвакуированных, из них 6.556 евреев (59%). В Семипалатинскую область в 1941–1942 гг. приехало 31079 эвакуированных, из них примерно 20.000 евреев (65%). В Кызылординскую область в 1941 г. прибыло 27.861 эвакуированных, из них 13.218 евреев (47%).

На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что среди эвакуированных в Казахстан евреи составляли примерно половину, т. е. не менее 250.000 человек. В октябре 1943 г. нарком госбезопасности Казахской ССР А. Бабкин сообщил в ЦК компартии республики, что «во время войны в Казахстан из западных республик и областей СССР, а также из прифронтовой полосы, в числе эвакуированного гражданского населения прибыло до 300 тыс. человек евреев». Исходя из этого, можно оценить численность эвакуированного еврейского населения в Казахстане в 250.000–300.000 человек.

В Киргизии, по данным единовременного учета эвакуированных советских граждан на 1 января 1942 г., республиканским статуправлением было зарегистрировано 61.041 человек, из них 29.126 евреев (48%). Согласно данным Госплана СССР по состоянию на 20 января 1942 г. в Киргизии находилось 100. 000 эвакуированных. Всего за время войны в Киргизию прибыло около 139.000

эвакуированных. Можно предположить, что среди них было 60.000–70.000 евреев.

В январе 1942 г. общая численность эвакуированных в Таджикистане и Туркмении оценивалась учетными органами в 41.000 человек. В Средней Азии далеко не все эвакуированные были охвачены учетом в 1941 г. Кроме того, вышеуказанная цифра выросла после второй волны эвакуации, проходившей летом 1942 г. Через Каспийское море и Туркмению пролегал маршрут движения мощного потока эвакуированных с Северного Кавказа, через Каспийское море, в Среднюю Азию. Некоторые беженцы по дороге могли оставаться в Туркмении. Поэтому общую численность эвакуированных евреев в этих республиках можно осторожно оценить в 40.000–50.000 человек.

Таким образом, к концу 1942 г. в республиках Средней Азии (Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении) по нашей оценке находилось 850.000–920.000 эвакуированных евреев.

В Азербайджан в 1941–1942 гг. приехало 55.429 евреев. В Грузии на 20 января 1942 г. числилось 27.500 эвакуированных (в Азербайджане – 17 800). Краткая еврейская энциклопедия сообщает, что во время войны в Грузию прибыло большое количество еврейских беженцев из западных областей СССР, Украины, Белоруссии и России. Вероятно, в Грузию прибыло примерно столько же евреев, сколько и в Азербайджан – 45.000–50.000. Тысячи беженцев приехали также в Армению. Общее число эвакуированных евреев в Закавказье могло составить 100 000–110 000 человек.

Суммируя данные по РСФСР (900.000–950.000), Средней Азии (850.000–920.000) и Закавказью (100.000–110.000) получаем примерную оценку в целом по СССР – **1 900 000–2 000 030** эвакуированных евреев за 1941–1942 гг.

В заключение следует отметить, что руководство Центра розыска и информации Российского «Красного Креста» утверждает, что в его картотеке эвакуированных имеются карточки на более чем **2.000.000** имен эвакуированных советских евреев (из общего количества в примерно 6.500.000 имен). Составление электронной базы данных имен эвакуированных советских евреев на базе этой картотеки и других имеющихся картотек и списков позволит уточнить те данные, которые имеются в нашем распоряжении.

Литература

1. Вадим Дубсон. «К вопросу о масштабах эвакуации населения СССР во время Великой Отечественной войны» // *Неизвестная эвакуация. Воспоминания еврейских беженцев СССР, 1941–1945*. Иерусалим, 2015. С. 445–470.
2. Вадим Дубсон. «Эвакуация еврейского населения СССР в 1941–1942 гг.: цифры и факты» // *В тени Катастрофы: Беженцы, эвакуация и блокада. Неопубликованные воспоминания беженцев, блокадников, эвакуированных. СССР, 1939–1946*. Иерусалим, 2021. С. 505–524.
3. Альберт Каганович. «Ташкентский фронт»: *Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва. Иерусалим, 2023.
4. Дов Левин. «Судьбоносное решение: бегство евреев во внутренние районы СССР летом 1941 года» // *Яд Вашем: Исследования. Часть 1*. Иерусалим, 2009. С. 43–71.
5. Шмуэль Спектор. «Судьба евреев Советской Украины (в границах 1939 г.) во время нацистского вторжения – цифры и оценки» // *Швут*. 1987. № 12. С. 66 (иврит).
6. Mordechai Altshuler. *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust*. Jerusalem, 1998.
7. Rebecca Manley. *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Cornell University Press, 2009.

Вадим Дубсон

Нацистская пропаганда и антисемитизм

Нацистская пропаганда на оккупированной территории Советского Союза систематически велась под лозунгом борьбы с «жидо-большевизмом». Её цели сформулированы в директиве о пропаганде на Россию от 5 июня 1941г. Именно борьба с советским политическим и общественным строем была ее центральным пунктом. Евреям (наряду с коммунистами) в ней отводилась важнейшая роль.

На протяжении 2-й половины 1941 пропаганда представляла войну как освободительную миссию Германии, борющейся против большевизма и засилья евреев. Один из важнейших лозунгов оккупантов гласил: «Жиды – это наше несчастье!». Евреев обвиняли в том, что: (1) эта война была развязана по их инициативе; 2) Еврейская нация является нацией-паразитом, живущим за счёт других; 3) евреи, захватив власть в России, создали советскую тюрьму народов. Из всего этого делался следующий вывод: «Конец жидам – это будет конец войне».

Нацисты прибегали к различным формам пропаганды: издание прессы (газеты и журналы) на языках народов СССР; демонстрация в кинотеатрах специальных фильмов; наглядная агитация в виде плакатов и листовок, а также документальных выставок; театральные постановки; радиопередачи на русском и других языках. Ведущей из них была периодическая печать. О ее важности свидетельствует тот факт, что нацисты издавали на оккупированной части СССР сотни газет. Вопрос об использовании прессы на захваченных советских землях встал на одном из первых и важнейших

совещаний в ставке фюрера о судьбах оккупированных советских территорий 16 июля 1941 г. Гитлер неожиданно предложил разрешить издание газет, например, в Украине, чтобы «иметь возможность воздействовать на местное население».

Для городских жителей, значительную часть которых как раз и составляли евреи, пресса была основным источником информации. При этом местное радио регулярно передавало ее подробные обзоры. Подшивки газет также были доступны читателям городских библиотек. Таким образом, охват населения антисемитской пропагандой был достаточно высок.

Популярность прессы среди населения была предопределена регулярными публикациями сводок о положении на фронтах Второй мировой войны, а также распоряжений и приказов местной администрации. Периодические издания читали и обсуждали миллионы людей на оккупированной советской территории. Даже чисто статистический подход к анализу данного информационного массива (а антисемитских публикаций было более 6000) говорит о широчайшей психологической обработке местного населения нацистскими властями при проведении ими политики «окончательного решения еврейского вопроса». Причем она продолжалась даже в тех местах, где еврейское население было полностью уничтожено.

Периодическая печать на оккупированной территории не только информировала население об антиеврейских мероприятиях властей, насаждала антисемитизм и расовую теорию нацистов, но и непосредственно влияла на изменение отношения к евреям местного населения. А это подчас имело

решающее значение при оказании или неоказании им необходимой помощи.

В Белоруссии и Прибалтике периодические издания под немецким контролем появляются в первые дни и недели оккупации. С конца лета 1941 г. газеты на языках народов СССР начинают выходить уже на всей захваченной территории. Распространялись по всей оккупированной территории России орловская газета «Речь» и выходившая в Пскове газета «За Родину».

«Еврейский вопрос» занимал весьма заметное, а для ряда изданий — едва ли не центральное место в антисоветской пропаганде. В редакционных статьях и присланных из Берлина пропагандистских материалах, регулярно публикуемых речах и выступлениях руководителей нацистской Германии четко проводилась мысль, что именно евреи как опора большевистского режима являются главными врагами не только Германии, но и других народов СССР.

Авторами таких публикаций нередко выступали сами главные редакторы и другие сотрудники, стремившиеся выразить солидарность с нацистами. Кроме профессиональных журналистов, привлекались и местные авторы, специализировавшиеся на антисемитской тематике — историки, искусствоведы, врачи, музыковеды.

В некоторых газетах антисемитские материалы появлялись практически в каждом номере, причем в разных рубриках. Так киевское «Новое украинское слово» опубликовало антиеврейские материалы в 600 номерах издания из вышедших 700. Активно пропагандировался тезис, что «жидам нет места среди нас». Борьба с евреями

провозглашалась как одна из важнейших задач сторонников «нового порядка». Одна из одесских газет писала в 1942 г.:

«Многие считают — наше место на фронте, фронте борьбы с большевизмом. Но немцы и их союзники с этим справятся сами. У нас есть более важная задача — борьба с евреями».

Регулярно объяснялись причины жестокого обращения с ними, приводились многочисленные примеры антиеврейского законодательства во всей оккупированной Европе и государствах — союзниках Германии.

Газеты регулярно публиковали специальные распоряжения оккупационных властей, касающиеся евреев (приказы об их регистрации, переселении в гетто, о всевозможных ограничениях в повседневной жизни, а также многочисленные запреты для местных жителей, касающиеся любых взаимоотношений с евреями).

Многие издания уже с первых номеров спешили сообщить читателям об особом правовом положении евреев. Значительное число этих приказов касалось еврейской собственности и имущества (запрет закладывать и продавать свое имущество; наложение контрибуции и т. п.). Запреты на браки и сожительство с евреями также занимают значительное место в публикациях оккупационной прессы.

Центральное место в антисемитской пропаганде занимал тезис о «еврейском засилье в Кремле», преступлениях евреев в годы революции и Гражданской войны, их работе в ЧК и органах НКВД. Особенно активно использовался тезис о «еврейских зверствах» накануне и в первые дни войны. Как правило, это была намеренная дезинформация,

подстрекавшая местное население к актам насилия. Нередко такие "тематические" публикации совпадали по хронологии с репрессиями против еврейского населения данной местности и косвенно объясняли их.

Антисемитская пропаганда была многоаспектной и затрагивала все стороны жизни. Особое место занимали в ней брачно-семейные отношения. Оккупанты стремились внушить мирному населению, что немецкий солдат несёт им не только «освобождение от проклятого ига жидо-большевизма», но и является защитником «исконных русских ценностей, к которым, в первую очередь, относится семья». Выдвигался тезис, что «одновременно с разрушением русской семьи в Советском Союзе происходило невероятное укрепление еврейских семей. Очень часто евреи женились на русских девушках, а еврейки выходили замуж за русских, но дети, рождённые от этих смешанных браков, не только не были русскими по духу и по культуре, но, наоборот, типичными евреями... Если бы германская армия не пришла на помощь русскому народу и не освободила его от страшного жидо-большевистского ига, через несколько поколений русский народ окончательно биологически выродился бы, а его место занял бы выросший на соках славянской крови паразитический Израиль».

В последние месяцы оккупации еврейская тема вновь становится «популярной». После относительного спада антисемитской риторики во второй половине 1942 г. (к этому времени 4/5 евреев уже были уничтожены) оккупационные газеты с весны 1943 г. вновь возвращаются к «еврейскому вопросу». Авторы этих материалов писали о возможных последствиях возвращения Красной Армии и тех бедах, от

283

которых немецкие оккупационные власти «освободили» местное население.

В периодических изданиях РОА и листовках власовцев тема антисемитизма и Холокоста также являлась составной частью антисоветской и антикоммунистической пропаганды. Здесь помещалось меньше специальных статей и исторических экскурсов. Насаждение антисемитизма велось с применением самых разнообразных журналистских приемов — памфлетов, рассказов, карикатур, изображающих евреев кровожадными монстрами и дебилами, сатирических стихов и частушек, бытовых зарисовок (типа «Из разговоров в трамвае»), писем с фронта и на фронт, воспоминаний советских военнопленных. Еврейская тема, как правило, лишь сопровождала обличению большевизма. Лишь отдельные листовки и статьи целиком посвящались еврейской теме. В то же время с «солдатской прямоотой» в них иногда говорилось то, что в периодических изданиях на оккупированной территории звучало завуалировано. Одна из таких листовок под заголовком «Почему они кричат? И чего они хотят?» датирована мартом 1944 г. Она прямо говорила об уничтожении евреев нацистами. Важно обратить внимание и на другой пропагандистский прием в этих листовках — отрицание зверств оккупантов по отношению к русским; утверждение, что никого, кроме евреев, немцы не убивали.

Некоторые периодические издания прямо обращались к читателям с призывом сообщать информацию как о скрывавшихся евреях, так и об их укрывателях. Появление таких статей фактически служило сигналом для окружающего населения о том, что евреи поставлены вне закона. Это стимулировало антиеврейские акции и погромы местных

коллорационистов, доносы на скрывавшихся, отказ предоставить им помощь.

Нацистская пропаганда призывала деятелей культуры «...очистить искусство от всех вредных наслоений, образовавшихся за годы жидовского засилья». Во многих театральных постановках присутствовали антисемитские сюжеты. В пьесах «Волк» и «Голубое небо» всё самое плохое, что было в СССР, связывалось с евреями. В «Злободневных куплетах Ваньки Жукова» звучало: «Абрамчикам пришёл капут. Абрамчики в Сибирь бегут... Ели, березы, сосны, осины еврейскую ждут на себе образину. ...Землю крестьянам Гитлер отдал, злится на это жидовский кагал».

В постановках русской классики рекомендовалось отрицательным персонажам придавать еврейские черты. В рассказах о жизни и творчестве русских писателей 19–20 вв. обязательно отмечалось, что все они были антисемитами. В репертуаре для детей дошкольного и младшего школьного возраста появились такие произведения, как «Толстый жидёнок» (злой еврейский мальчишка обижает русских детей, немецкий солдат наказывает наглеца). По мнению нацистских пропагандистов, антисемитские сюжеты должны были присутствовать на всех этапах воспитания ребёнка.

Министерство пропаганды III Рейха и его руководство с особым пиететом относились к **кинематографу** как к новой и весьма действенной форме активной пропаганды. Особое место в кинопрокате занимали антисемитские фильмы. Дублированные версии кинокартин «Вечный жид» («Der ewige Jude») и «Еврей Зюсс» («Jud Zuss») показывались в кинотеатрах на протяжении нескольких месяцев. «Вечный

жид» подавался зрителям как документальный фильм о роли евреев в мировой истории. Евреи изображались в нём как паразиты, существа, похожие на крыс, неопрятные, грязные, помешавшиеся на деньгах; лица, которым чужды все высшие духовные ценности; совратители мира. Сцены ритуальных убийств животных в кошерном стиле усиливали до гротеска впечатление от садизма еврейской «религии». В фильме не звучали прямые призывы к уничтожению евреев, но его смысл был достаточно ясен: единственный путь к спасению мира лежит через ликвидацию евреев. «Еврей Зюсс» (на оккупированной территории России он шёл под названием «Жид Зюсс») являлся одним из самых дорогих по затратам на его производство фильмов III Рейха. Но он полностью оправдал надежды гитлеровцев в вопросе насаждения среди населения антисемитских настроений. Как писала выходившая в оккупированном Смоленске газета «Новый путь»: «После просмотра этой картины люди выходят из зрительного зала с сжатыми кулаками – и справедливо, ибо фильм вскрывает гнусные душонки иудеев и честно, без назойливого акцентирования на отрицательных моментах обобщает в лице звероподобного Зюсса все жидовское племя со всеми его характерными качествами: хитростью, честолюбием, любовью к деньгам, кровожадностью, трусостью и продажностью». Информация, полученная в этом псевдоисторическом фильме, инсталлировалась на современный Советский Союз: «Посмотрев фильм, каждый вспоминает ловкачество жидов, бывших господами положения в России».

Одной из важнейших задач нацистской пропаганды было стремление убедить местное население, что данные

репрессивные меры направлены исключительно против евреев, а для остальных народов СССР оккупанты являются освободителями. Она активно воздействовала на местное население на протяжении всей немецкой оккупации, культивируя антисемитизм на бытовом уровне и призывая не допускать никаких форм проявления сочувствия к жертвам. И эта цель во многом была достигнута.

Литература

1. Ковалёв Б. Н. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России*. М., 2004.
2. Жуков Д. А., Ковтун И. И. *Антисемитская пропаганда на оккупированных территориях. РСФСР, 1941–1944 гг.* / Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. — Ростов н/Д: Феникс, 2015;
3. Ковтун И. И., Жуков Д. А. *Цветы ненависти. Русскоязычная антисемитская пропаганда на оккупированных территориях*. М.: Пятый Рим, 2018;
4. Jeffrey Herf. *The Jewish enemy: Nazi propaganda during World War II and the Holocaust*. Cambridge, Mass: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006;
5. Georg Tidl. *Propagandabomben und Flugblattgranaten über Kiew: nationalsozialistische Propagandawaffen im Kampf gegen die Rote Armee*. Wien: Löcker, 2011.

И. А. Альтман

Антисемитизм в советском тылу

Антисемитизм в советском тылу представляет собой общественное явление, которое получило научное объяснение только после окончания Второй мировой войны. Советские историки отрицали антисемитизм в районах эвакуации, как противоречие мифу о братской семье народов, которая выдержала испытание войной. Отсутствовал анализ причин, характера и природы существования советского антисемитизма. Голос самих евреев в советской версии истории войны с Гитлером не звучал, несмотря на то, что они приняли самое активное участие в рядах Красной армии, партизанском движении и оборонной промышленности. Сами евреи опасались поднимать тему антисемитизма в публичном пространстве, опасаясь обвинения в антипатриотизме, пропаганде еврейского национализма, принижении вклада советского всего народа в победу над врагом под предлогом, что «все воевали», «все погибли», и «родина на всех была одна».

В то же время свидетельств об антисемитизме в советском тылу достаточно. Эта проблема нашла отражение в архивных документах, свидетельствах современников, частной переписке между фронтом и тылом, дневниках и свидетельства очевидцев и периодической печати военных лет.

Обострение антисемитизма в советском тылу произошло в силу следующих причин. Эвакуация значительно изменила национальный состав тыловых районов СССР, увеличив в несколько раз численность еврейского населения в Средней Азии, Казахстане, на Урале и в Сибири. Первоначально прибывших в эвакуацию евреев местное население встречало с сочувствием. Однако вскоре общая неустроенность, нехватка продовольствия и предметов первой

необходимости, другие тяготы и лишения войны, начали вызывать раздражение к приезжим. В очередях все чаще велись разговоры о том, что «евреев на фронте нет», что они «оккупировали Ташкент».

Значительный рост антисоветских и пораженческих настроений усилился во втором полугодии 1941 г., когда советское государство оказалось в критическом положении. Появились ложные надежды на освобождение от колхозов, политического бесправия и нищеты. Все громче стала слышна критика официальной власти за провалы на фронте и в тылу. Сказывалось огромное социальное напряжение, как результат беспомощности перед лицом надвигающейся военной катастрофы. Это усугублялось отсутствием правдивых сведений о положении на фронте и планах правительства, ослаблением контроля государства за повседневной жизнью и настроениями граждан, и последствиями нацистской пропаганды.

Наконец, антисемитизм привезла с собой часть эвакуированных из европейской части страны русских, белорусов и украинцев. При этом сами евреи считали себя советскими людьми, тогда как окружающие видели их хитрых евреев, которые умеют приспособиться. Евреи-эвакуированные призывались в Красную армию, а многие уходили добровольно, но это не спасало их от антисемитов.

Антисемитизм в тылу подогревали раненые солдаты Красной армии, которые сообщали, что евреев в окопах они не видели. В глазах советского обывателя возникал значительный контраст между количеством евреев на передовой и десятками тысяч эвакуированных еврейских женщин, стариков, детей и освобожденных от воинской службы по болезни, скопившихся в главных городах Средней Азии, Казахстана, Сибири и Дальнего Востока. Эта диспропорция легко объясняется следующим.

Евреи составляли большинство неорганизованных беженцев из Беларуси и Украины, которые осознали смертельную угрозу и бежали при приближении немецкой армии. Напомним, что в отличие от евреев, русские, белорусы и украинцы эвакуировались в первую очередь как семьи командиров и комиссаров РККА, партийных и советских работников.

Среди организованных эвакуированных евреи представляли значительное количество квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников, вывезенных из прифронтовой полосы вместе с промышленными предприятиями, а также сотрудников научных и культурных учреждений, служащих и управленцев советских государственных структур, эвакуированных вместе с семьями на восток.

Всего за годы войны Узбекистан принял более 1 млн эвакуированных, из которых евреи составляли примерно 500 тыс. чел. В Казахстан за это время прибыло 533 тыс. чел., среди которых было до 300 тыс. евреев. В Киргизию - около 139 тыс. эвакуированных и можно предположить, что среди них было до 70 тыс. евреев. В Туркмении и Таджикистане общую численность эвакуированных евреев можно осторожно оценить в 50 тыс. чел. В Азербайджан в 1941–1942 гг. приехало 55 тыс. евреев, в Грузию 45 тыс. евреев. Тысячи беженцев приехали также в Армению. Общее число эвакуированных евреев в Закавказье могло составить 110 тыс. чел.

Подводя общий итог по Российской Федерации, включая Урал, Сибирь, Дальний Восток (950 тыс. евреев), Средней Азии (920 тыс.) и Закавказью (110 тыс.) мы получаем до 2 млн эвакуированных евреев за 1941–1942 гг. По оценке Вадима Дубсона, в картотеке Центра розыска Российского «Красного Креста» советских граждан, эвакуированных за 1941–1945 гг.

имеются карточки учета на более чем на 2 млн евреев из общего количества примерно в 6,5 млн имен всех национальностей.

В годы войны в Красной армии с оружием в руках сражалось 501 тыс. евреев, из которых погибло 120–180 тыс. погибло в боях или умерло от ран, а 80 тыс. – в немецком плену. Но 501 тыс. евреев-военнослужащих – это всего 1,56% от 32 млн советских граждан, призванных за годы войны в Красную Армию, поэтому неудивительно, что среди общей солдатской массы евреи попадались редко. Кроме того, большинство еврейских юношей и девушек имели к 18 годам среднее образование и поэтому чаще других направлялись в военные училища. На фронт они попадали уже в звании лейтенантов и младших лейтенантов всех родов войск, а не только пехотных частей. Евреи-летчики, танкисты, артиллеристы не сидели в окопах в непосредственной близости от врага. Евреи-интенданты, управленцы и штабисты сделали очень многое для обеспечения логистики Красной армии, без чего воевать в современной войне вообще невозможно. Евреи-медики спасали жизни и возвращали в строй раненых советских солдат и тоже не сидели в окопах.

Одной из причин антисемитизма стали культурный уровень, образование, профессиональная подготовка, квалификация и деловая хватка евреев. За свои заслуги они получали лучшие рабочие места, жилье, продуктовые пайки, талоны на дефицитные товары. В глазах местных жителей это было незаслуженным вниманием. Когда рабочих мест на всех не хватало, эвакуированных отправляли на общие работы - в поле, на завод, на стройку. Но и там евреи сумели отличиться. Они становились счетоводами, учетчиками, зав. складами. Они не пили, не воровали, берегли имущество. Это вызывало раздражение и ревность к приезжим евреям, которые, якобы захватили власть в местах эвакуации.

Можно выделить следующие формы антисемитизма в советском тылу: (1) публичные оскорбления национального достоинства евреев, (2) избиения в очередях и общественных местах, (3) открытое одобрение политики Гитлера по отношению к евреям, (4) повреждение имущества, (5) отказ в предоставлении работы евреям, (6) распространение антисемитских листовок.

Антисемиты представляли все слои советского общества. Это были не только деклассированные парии, раскулаченные или лица с криминальным прошлым. Среди людей, осужденных за антисемитизм и разжигание национальной розни в годы войны оказались коммунисты и комсомольцы.

С 1941 по 1945 гг. советское государство не приняло ни одного нормативного акта, об ответственности за антисемитизм, а судебно-следственные работники по-прежнему использовали язык борьбы с шовинизмом эпохи довоенного интернационализма. Суровые наказания за устные высказывания против евреев, оскорбления на национальной почве и словесные угрозы носили показательный характер. С другой стороны, советские чиновники опасались, что открытая кампания по борьбе с антисемитизмом усилит в стране общие антиеврейские настроения. Поэтому действия милиции и службы безопасности были выборочными, судебные заседания оставались закрытыми и нацеленными на изоляцию обвиняемых, а не на публичное осуждение антисемитизма.

Но главный недостаток государственной позиции состоял в отказе властей назвать истинную причину антисемитизма в советском тылу и объяснить его природу, ответить на вопрос, почему подобное явление до сих пор не было изжито при советской власти. Не случайно обсуждение антисемитских эксцессов становилось предметом разбирательства на закрытых партийных собраниях, куда доступ беспартийных

исключался, чтобы “не выносить сор из избы”. Центральным комитетам партии южных советских республик, крайкомов и обкомов ВКП(б) Урала, Сибири и Дальнего Востока давали указания усиливать агитационно-массовую работу с местным населением. Однако это была только вынужденная мера, которая не обсуждалась в открытой советской печати.

Отражением взрослого мира стали случаи детского антисемитизма, которыми изобилуют воспоминания последних из ныне здравствующих свидетелей военного времени. Еврейские дети, оказавшиеся в эвакуации, страдали из-за своего еврейства, а их родители не всегда могли объяснить им такие проявления антисемитизма, ссылаясь на то, что «так было всегда». Дети не могли понять – почему, если немцы ненавидят евреев, то “наши”, которые с ними сражаются насмерть, тоже ненавидят евреев? Иногда еврейским детям приходилось слышать антисемитские замечания прямо в школе даже от учителей.

Выход из сложившейся ситуации евреи видели в том, чтобы стать незаменимыми. Еврейские родители часто отвечали своим детям, что лучшее средство борьбы с антисемитизмом стать сильным, умным, честным – таким, чтобы человека уважали, несмотря на происхождение, а иногда и боялись.

Антисемитизм способствовал росту национального самосознания беженцев и эвакуированных как ответная реакция евреев на ущемление своих прав. В предвоенный период советское государство активно добивалось ассимиляции евреев, которые были лишены своей религии, культуры, истории, национального образования и языка. Добровольное согласие участвовать в советских мероприятиях открывало евреям путь к продвижению по социальной лестнице – получение образования и престижной работы, высокой должности в советском управленческом

аппарате. Однако в годы войны ситуация стала меняться. Сказалось ослабление атеистического пресса государства, кровно заинтересованного в объединении всех слоев общества в борьбе с внешним врагом. Местные власти закрывали глаза на случаи соблюдения традиции – кашрута, выпечки мацы на Песах, обрядов обрезания, похорон, молитвы в миньянах. Была позволена даже переписка с границей. С 1943 по 1947 гг. евреи подали просьбы об открытии синагог и регистрации религиозных общин в 53 городах СССР. Бухарские евреи добились открытия синагоги в Сталинабаде, Бухаре, Алма-Ате, Фрунзе и Ташкенте. В годы войны в Средней Азии оказались не только многие верующие, но и видные раввины. Особенно преуспело в возрождении еврейской религиозной жизни хасидское движение Хабад, открывшее в Самарканде и Ташкенте подпольные иешивы. Рост национального самосознания поднял уровень солидарности у самих евреев. Евреи-эвакуированные часто находили поддержку у местных ашкеназских евреев (жильем, продуктами, одеждой, работой). Им помогали неофициальные сообщества польских, литовских, молдавских и литовских евреев, проживавших в Средней Азии и Казахстане.

Точные статистические сведения о проявлениях антисемитизма в советском тылу отсутствуют, но очевидно, что юдофобия стала общественным феноменом. В конце 1941 г. Чкаловский обком ВКП(б) обсуждал проблему межнациональных отношений, включая антисемитизм, в условиях эвакуации. По его итогам секретарей первичных парторганизаций обязали пресекать антисемитские “вылазки”, проводить работу по воспитанию трудящихся в духе дружбы народов. В ноябре 1941 г. при рассмотрении на заседании бюро Курганского городского комитета ВКП(б) вопроса о политической работе с эвакуированными отделу пропаганды и агитации было поручено организовать

пропаганду дружбы народов и разъяснение контрреволюционной сути шовинизма и антисемитизма.

В сентябре 1942 г. главный редактор газеты "Правда" П. Н. Поспелов получил письмо, где говорилось о волне антисемитизма в Свердловской области, и излагалась просьба подключиться к пропаганде вреда антисемитизма как фашистской провокации. Местные партийные и государственные органы власти предпринимали слабые попытки противодействовать антиеврейским настроениям. Антисемитов из чиновников или партийных руководителей могли понизить в должности, снять с работы, объявить выговор по служебной или партийной линии или даже исключить из партии. Секретарей первичных партийных организаций могли обязать обсудить антисемитизм на закрытых партсобраниях и принять меры к пресечению подобных настроений и действий против евреев.

В аналитической записке «Об антисемитской активности враждебных элементов и росте антисемитских настроений в Свердловской области» от 13 октября 1942 г., представленной начальником УНКВД по Свердловской области заместителю наркома внутренних дел СССР, говорилось, что антисемитскими настроениями охвачены практически все слои общества: рабочие, колхозники, представители интеллигенции, православное духовенство и монахи, красноармейцы, студенты. За девять месяцев 1942 г. по области был отмечен 41 случай распространения анонимных листовок с лозунгами типа: «бей жидов!», «долгой жидов!» В течение первого полугодия 1942 г. УНКВД Свердловской области было арестовано 78 чел. за использование антисемитизма в контрреволюционной пропаганде, а в течение следующих трех месяцев еще 192 чел.

В октябре 1942 г. прокурор Казахской ССР В. Бочков сообщал заместителю председателя СНК СССР А. Я.

Вышинскому о том, что в Алма-Атинской, Джамбульской и Южно-Казахстанской областях случаи антисемитизма приняли распространенный характер. Если в первом полугодии 1942 г. по всей республике по статье 59 прим. 7 УК РСФСР 1926 г., которая гласила, что пропаганда и агитация национальной и религиозной вражды влечет за собой лишение свободы на срок до 2 лет, а в военное время при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до расстрела с конфискацией имущества, судили 20 чел., то с 1 августа по 4 сентября 1942 г. только в одной Алма-Атинской области судили 35 чел., по Семипалатинской области – 7 чел., а всего с начала года – 62 чел.

Таким образом, в годы войны в условиях огромного социального напряжения произошел рост антисемитских настроений, усиленных отзвуками нацистской пропаганды. Борьба государства с антисемитизмом велась непоследовательно, без выявления причин этого явления, который судебные органы рассматривали только как антисоветскую деятельность и пособничество врагу. Бытовой же антисемитизм не встречал должного противодействия, что многими воспринималось как попустительство властей. Политика советского интернационализма, построенная на подавлении национальной жизни и преследовании инакомыслия в СССР, давала сбой. На самом деле – это был конфликт между городской и сельской культурой, ревность малообразованных людей, потребность найти слабого среди “чужаков” (эвакуированных). После освобождения Белоруссии и Украины в 1944–1945 гг. далеко не все уцелевшие еврейские семьи вернулись к прежнему месту жительства. Часть из них переселилась в крупные города, другие – разъехались по разным регионам Советского Союза, а третьи остались в местах эвакуации. В мирной послевоенной жизни антисемитизм не исчез, а только изменил свои формы, что евреи вскоре на себе почувствовали.

Литература

1. "Antisemitism and the Jewish Refuges in Soviet Kirgizia 1942". Documents. Introduced and annotated by Zeev Levin // *Jews in Russian and Eastern Europe*, vol. 1(50) 2003, pp. 191-203.
2. Albert Kaganovich. *Exodus and Its Aftermath: Jewish Refugees in the Wartime Soviet Interior*. University of Wisconsin Press, 2022.
3. Mordechai Altshuler. "Escape and evacuation of Soviet Jews at the time of the Nazi invasion: policies and realities" // *The Holocaust in the Soviet Union*. Jerusalem, 1993, p. 77–104.
4. Vadim Dubson. "Toward a Central Database of Evacuated Soviet Jews' Names for the Study of the Holocaust in the Occupied Soviet Territories" // *Holocaust and Genocide Studies*, 2012, vol. 26 (1), pp. 95–119.
5. Rebecca Manley. *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at the War*. Ithaca, 2009

Леонид Смиловицкий

Центр розыска и информации Российского Красного Креста (ЦРИ РКК)

ЦРИ РКК является третьей по величине службой розыска Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца в мире после служб розыска Германии и Польши. Постановлением СНК СССР от 11 марта 1945 г. «Об организации при Исполкоме Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР Центрального справочного бюро о перемещенных лицах» было создано уникальное учреждение для установления судеб миллионов людей, разлученных войной, угнанных в Германию, пропавших без вести на фронте и вне поля боя. Данным постановлением также утверждалось Положение о Центральном справочном бюро (ЦСБ).

ЦСБ сочетало самые широкие функции по розыску и установлению судеб гражданского населения СССР и воссоединению разлученных войной семей, а также по установлению судеб военнопленных (в т. ч. иностранных – немецких и граждан стран-союзниц Германии), розыск и установление сохранности воинских захоронений советских солдат, павших за освобождение стран Европы от нацизма. На ЦСБ возлагалась также задача вести розыск лиц, перемещенных во время Второй мировой войны:

- а) за пределами СССР - по запросам советских граждан и учреждений, а также по запросам проживающих на территории СССР граждан других стран, принадлежащих к Объединенным Нациям;
- б) на территории СССР – по запросам соответствующих

справочных бюро других стран, принадлежащих к Объединенным Нациям.

В 1960-х гг. ЦСБ было переименовано в Управление по розыску советских и иностранных граждан. В 1992 году по постановлению Бюро Президиума Центрального комитета Российского общества Красного Креста оно было преобразовано в Центр розыска и информации Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» (ЦРИ РКК).

Согласно новому Уставу ЦРИ РКК, утвержденному в 2021 г., он получил наименование «Частное учреждение «Центр розыска и информации Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест», став самостоятельным юридическим лицом. Его учредитель - Общероссийская общественная организация Российский Красный Крест.

ЦРИ РКК выполняет архивные и розыскные функции, а также осуществляет работу по восстановлению семейных связей в результате чрезвычайных ситуаций. Основными направлениями работы ЦРИ РКК, связанной с историей Холокоста, Второй мировой и Великой Отечественных войн (ВОВ), являются:

- подтверждение факта эвакуации из западных регионов в глубь СССР (в том числе из блокадного Ленинграда и с детскими учреждениями);
- подтверждение пребывания советских граждан на принудительных работах в Германии.

- В более широком контексте к истории евреев СССР относится розыск родных и близких (советских граждан, пропавших без вести за рубежом в годы ВОВ и иностранных граждан, пропавших без вести в СССР в годы ВОВ);
- установление мест захоронений советских воинов за рубежом;
- установление судеб пропавших без вести советских воинов.

Эта работа проводится на основе нескольких картотек и архивных коллекций. ЦРИ РКК обладает ценнейшими коллекциями исторических документов. В них содержится около 1 млн оригинальных документов. Уже с момента создания ЦСБ начал формировать архив документов, которые использовались для непосредственной розыскной работы. Среди них – комплекс **трофейных документов** на угнанных гражданских лиц, переданных Красному Кресту от военных администраций в Германии и Австрии в 1945 году, а также документов, поступивших из МИД СССР. Трофейные материалы содержат сведения только о гражданских лицах, так как данные о военнослужащих, находившихся в плену, передавались в Центральный архив Министерства обороны. Они включают следующие виды документов:

- списки восточных рабочих с указанием фирмы, завода работодателя, периода работы; листы регистрации бирж труда (личные данные, работодатель, место работы, дата регистрации); удостоверения личности, выданные германскими властями; трудовые книжки

работников принудительного труда (фото, работодатель, место и период работы);

- личные дела работников принудительного труда;
- свидетельства о рождении детей в Германии; медицинские карты восточных рабочих;
- листы страхования восточных рабочих; акты о производственных травмах; свидетельства о смерти;
- списки военнопленных;
- списки заключенных концлагерей Бухенвальд, Маутхаузен, Нойенгамме, Аушвиц и др. списки детей концлагеря «Саласпилс» (Латвия); списки мест захоронений; списки советских граждан, репатриированных на родину.

Выделим «Коллекция вещей, изъятых у граждан нацистами перед отправкой их в концентрационные лагеря», включающую сведения об имуществе евреев, и Архив розыскных дел ЦРИ РКК.

Научно-справочный аппарат к этим коллекциям включает учетные карточки. Особое место в нём занимает **Регистрационная картотека**, которая начала формироваться в 1945-1946гг. Она насчитывает более 5 млн карточек и ежедневно пополняется. Все поступающие в ЦРИ РКК запросы обязательно первоначально проверяются по этой базе данных.

Картотека включает отдельные карточки на разыскиваемое лицо (в каждой из них может содержаться до пяти ссылок на том и страницу документа, касающегося

конкретного лица) и карточку на заявителя. По окончании розыска на оборотной стороне карточки на разыскиваемого вписывается результат поиска. В карточке на заявителя указаны фамилия, имя, отчество заявителя, его адрес и характер запроса. Карточка на разыскиваемого содержит начальные сведения о разыскиваемом лице. Картотека позволяет вести так называемый «встречный розыск», находя положительные результаты, если разыскиваемый ранее обращался по розыску самого заявителя или кого-либо из других родственников. Вот почему **Регистрационная картотека** является важнейшим справочно-информационным ресурсом ЦРИ.

Особый интерес для исследователей Холокоста представляет **Картотека на эвакуированных** в период ВОВ, которая была передана в Исполком СОКК и КП СССР из МВД СССР в 1948 году. Картотека насчитывает более 8 млн карточек на лиц, эвакуированных и бежавших из западных областей СССР в глубь страны в 1941–1944 гг., в том числе, и из блокадного Ленинграда. Этот массив карточек создавался как адресно-справочная картотека. Картотека составлена пофамильно в алфавитном порядке. В её основу положена учетная карточка, заполняемая на совершеннолетних советских граждан. Дети моложе 16 лет вписывались в карточки к взрослым. На месте эвакуации учетные данные на эвакуированных лиц заполнялись вручную как самими эвакуированными (беженцами), так и сотрудниками эвакуопунктов. Степень их грамотности (как и знание русского языка) были разными, что приводило в ряде случаев к неточностям и опискам. В карточке указывались основные биографические данные эвакуированного: фамилия, имя,

отчество, год и место рождения, национальность, место и адрес прежнего жительства, место эвакуации, состав семьи.

Эти карточки затем поступали в Центральное справочное бюро, подведомственное Главному управлению милиции НКВД СССР. Оно находилось в городе Бугуруслан Чкаловской (ныне – Оренбургской) области.

Сведения о евреях, скрывших свою национальность в момент угона на принудительные работы в Германию или при попадании в плен, содержатся в **Картотеке на перемещенных лиц** (граждан вывезенных на принудительные работы и заключенных в концлагеря на территории Германии и ее союзников).

Данные о еврейских детях содержатся в **"Детской картотеке"**. Она включает более 4 млн карточек на детей, эвакуированных во время Великой Отечественной войны со школами и другими детскими учреждениями, детей репрессированных родителей, воспитанников детских домов. **Детская картотека** была передана МВД СССР Исполкому СОКК и КП 05 апреля 1960 г. Дополнительные материалы поступали в картотеку вплоть до конца 1980-х годов. Картотека составлена в алфавитном порядке и содержат следующие сведения:

1. Фамилия, имя, отчество
2. Год и место рождения
3. Последнее место жительства
4. Основание и дата поступления в детский дом (интернат)
5. Когда и где потерялся
6. Когда и куда направлен

7. Кем составлена карточка
8. Сведения о родителях
9. Особые приметы

Картотека на перемещенных лиц (КП) составлена работниками Центра розыска на основе **АРХИВА ТРОФЕЙНЫХ МАТЕРИАЛОВ**. Она насчитывает более 800 тысяч карточек на советских граждан, угнанных нацистами в период ВОВ и находившихся в различных концентрационных лагерях и на принудительных работах в Германии и других странах Европы. Карточка содержит только самую основную информацию (ФИО и ссылка на трофейное дело). Приблизительно 350 тыс. карточек содержат данные на лиц, умерших и замученных в немецких концлагерях.

ЦРИ РКК принимает запросы от заявителей по проверке сведений по указанным картотекам и предоставляет заявителям архивные справки о наличии/отсутствии в них сведений о самих заявителях или об их родных и близких. Большинство запросов касается проверки сведений в картотеке на эвакуированных лиц в период Великой Отечественной войны, а также подтверждающих факт нахождения советских граждан на принудительных работах в Германии. По данным на 1 января 2023г. за последние 12 лет в ЦРИ РКК обратились 250 тысяч человек. Своих близких нашли 21 тыс. человек

Поиск этих сведений затрудняет отсутствие современной компьютерной базы. В 2013-2015гг. Организация Claims Conference совместно с российским Центром «Холокост» предпринимала усилия по организации оцифровки «Картотеки эвакуированных» и созданию компьютерной базы

данных. Предполагалось использовать для этих целей 500 000 долларов. Но ЦРИ КК отклонил эти предложения, как и аналогичные предложения от других зарубежных организаций.

ЦРИ РКК активно сотрудничает с сообществами генеалогов и образовательными учреждениями. С 2022 г. организуются регулярные экскурсии для различных категорий населения (школьники, участники проекта «Московское долголетие»), а также производственная и научно-исследовательская практика для студентов Российского университета Дружбы народов и Российского государственного гуманитарного университета. Создается постоянная выставка архивных документов, фото и видео материалов и презентации.

ЦРИ РКК находится по адресу: Москва, ул. Кузнецкий Мост, д. 18/7. Генеральный директор - Сергей Вячеславович Кобец.

Литература

1. Сергей Кобец. «История и архивы Центра розыска и информации Российского Красного Креста» // *Архивы и генеалогия. VI научно-практическая конференция* (22–23 сентября 2023 г.) М., 2023.
2. Сергей Кобец. *История и архивы Центра розыска и информации Российского Красного Креста* (rkna.ru)

Елена Геффен

Государственные органы по организации и контролю за ходом эвакуации

Поскольку готового механизма эвакуации в предвоенный период разработано не было, с первых дней войны начался поиск действенных органов управления эвакуационным процессом. 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР был создан *Совет по эвакуации* при Совете народных комиссаров СССР. Совет по эвакуации действовал по указаниям Государственного комитета обороны, координировал свою работу с Госпланом, наркоматами, региональными партийными и государственными органами власти и управления.

В компетенцию Совета по эвакуации входило определение сроков, порядка и очередности эвакуации объектов, обеспечение эвакуируемых предприятий, населения и материальных ценностей необходимыми транспортными средствами; осуществление контроля за процессом перемещения; размещение эвакуируемых предприятий и населения в безопасных местах. Управленческий механизм был организован следующим образом: центральный аппарат Совета по эвакуации состоял из 9 групп: группа по эвакуации населения (вопросы, касающиеся размещения эвакуируемого населения, сроков и порядков эвакуации, обеспечения эвакуируемого населения питанием, медицинским обслуживанием в период эвакуации), транспортная группа (вопросы обеспечения необходимым количеством вагонов в соответствии с установленными сроками по эвакуации населения, предприятий и имущества и увязывает необходимое количество вагонов для эвакуации с

306

общим планом перевозок), группа по эвакуации всех продовольственных, хлебных ресурсов, 4 группы должны были осуществлять эвакуацию промышленности, канцелярия, контрольно-инспекторская группа.

Решения Совета по эвакуации оформлялись в виде постановлений и распоряжений, и являлись обязательными для выполнения местными органами власти, наркоматами и хозяйственными организациями. Совет по эвакуации осуществлял всю свою работу на местах по эвакуации населения, предприятий, учреждений, транспорта, средств связи, продовольственных ресурсов, материальных и культурных ценностей через своих уполномоченных по эвакуации при совнаркомах союзных республик, а в РСФСР – при обл(край) исполкомах и совнаркомах автономных республик.

Важным звеном, принявшим на себя всю тяжесть эвакуации, были эвакопункты, создаваемые уже с первых дней войны и располагавшиеся на узлах путей сообщения, ведущих с фронта. Деятельность эвакопунктов регламентировалась «Положением об эвакопункте», утвержденном Политбюро ЦК ВКП(б) 5 июля 1941 г. Эвакопункты – это комплексы учреждений для приема, обслуживания и осуществления размещения или дальнейшей эвакуации в тыл промышленных предприятий и учреждений, раненых бойцов, гражданского населения. Их количество и штат менялись в зависимости от потока эвакуируемого населения. По своему назначению эвакопункты подразделялись на выходные (в прифронтовой полосе), транзитные и принимающие (в тыловых районах). В их задачу входило оперативное решение целого комплекса проблем,

возникавших в связи с непрерывным потоком прибывавших людей: организация питания (обеспечение хлебом, кипятком, горячими обедами и отоваривание рейсовых карточек); медико-санитарное обслуживание (дезинфекция зданий эвакуационных пунктов и проходящих эшелонов, оказание медицинской помощи нуждающимся, снятие с поездов больных и направление их в лечебные учреждения города, снятие трупов и передача их похоронным бюро); решение бытовых вопросов (хранение вещей, продажа предметов первой необходимости, ремонтные услуги, расселение людей); политико-массовая и культурно-просветительская работа; регистрация и учет приезжавших; выдача документов; продажа билетов и т. п. Помимо этого, эвакуационным пунктам зачастую приходилось решать и такие вопросы, как устройство на работу, оказание материальной помощи, поиск родных, юридические консультации. Эвакуационный пункт должен был поддерживать постоянную связь с районами области, многими городскими учреждениями, с железнодорожными службами.

Эффективность работы эвакуационных пунктов зависела от многих факторов: интенсивности эвакуационного потока, оснащенности и материальной обеспеченности пункта, кадрового состава работников, помощи со стороны местных властей. На практике работу эвакуационных пунктов часто характеризовали грязь, холод, плохая организация питания, отсутствие связи с районами и многие другие проблемы. Главная причина такого положения крылась в недостаточности материального обеспечения. Положение на эвакуационных пунктах ухудшилось в последнем квартале 1941 г. в связи с наступлением холодов и увеличением потока

эвакуированных. Существовала также проблема нехватки кадров и их текучести. К примеру, в Челябинске за период с июня 1941 г. по апрель 1942 г. сменилось 6 начальников эвакуопункта.

В тех городах, где эвакуопунктов не было, создавались пункты-распределители. Их количество менялось в зависимости от потока прибывавших эвакуированных. Обычно эвакуэшелон встречали представители комиссии горисполкома вместе с медсанперсоналом железной дороги и давали указание, по каким распределителям предстоит разгрузка. Горкомхоз или заводы предоставляли транспорт для перевозки эвакуированных и их вещей в пункт-распределитель. Далее механизм был такой же, как в эвакуопункте: регистрация, санобработка, прививки и расселение.

Первоначально предполагалось, что люди не будут задерживаться на эвакуопунктах в течение продолжительного времени. Но вскоре стало ясно, что ежедневно на эвакуопунктах оседает значительное количество людей. Например, на Свердловском эвакуопункте на момент проверки на 12 часов ночи 29 декабря 1941 г. находились 526 человек. Из них 50 человек обитали в этом помещении более 50 суток. Как правило, это были следующие категории населения: больные, беременные, женщины, чьи дети находятся в больнице, престарелые, нуждающиеся в отдыхе в связи с длительной поездкой, эвакуированные, ждущие отправки, семьи, переезжающие к месту жительства своих родных, и отдельные граждане, разыскивающие свои семьи, а также дезертиры и лица, уклоняющиеся от военной службы.

В целом, эвакуационные пункты являлись центральным звеном эвакуационного механизма. Они просуществовали с первых дней Великой Отечественной войны и до ее завершения. Характерной чертой их была многофункциональность.

Первоначально центральным органом, руководившим эвакуацией, был Совет по эвакуации, созданный 24 июня 1941 г. Но, когда стали ясны огромные масштабы эвакуационных потоков, назрела необходимость в дополнительных структурах. При Совете по эвакуации 26 сентября 1941 г. было создано Управление по эвакуации населения во главе с заместителем председателя СНК РСФСР К. Д. Памфиловым, который одновременно стал одним из заместителей председателя Совета по эвакуации. Управление должно было решать следующие задачи: составлять планы эвакуации населения, организовывать эвакуационные пункты, контролировать следование эшелонов, обеспечивать медико-санитарное обслуживание и питание эвакуируемого населения в пути следования, организовывать прием и размещение эвакуированных, оказывать материальную помощь особо нуждающимся семьям и детям, вести поименный учет и проводить работу по выдаче справок о местонахождении эвакуируемого населения. В состав Управления входили отделы эвакуации, благоустройства, бытового обслуживания и Центральное справочное бюро. Общее число уполномоченных Управления в союзных республиках, областях, краях вместе со штатными работниками составляло на 1 января 1942 г. – 2557 человек. Аппарат уполномоченных состоял из инспекторов по движению эшелонов, проверке работы эвакуационных пунктов, трудоустройству, жилищно-бытовым

вопросам и медобслуживанию, а также по детским и подростковым учреждениям.

Управление создавалось на базе существовавшего еще в предвоенный период Переселенческого управления при СНК СССР. Оно занималось оргнабором, перемещением и обустройством на новом месте жительства колхозников-переселенцев. Когда началась война, 25 июня 1941 г. вышел приказ, предписывающий «приостановить дальнейший отбор и переселение колхозников вплоть до особого распоряжения». В условиях начавшейся эвакуации аппарат и опыт работы переселенческих отделов как нельзя более подходили для выполнения новых функций.

Постановлением СНК СССР от 31 января 1942 г. Управление по эвакуации населения было ликвидировано. В составе аппаратов исполкомов советов депутатов трудящихся всех уровней создавались Отделы по хозустройству эвакуонаселения. Такой отдел при СНК РСФСР был сформирован 20 февраля 1942 г., его возглавили М. П. Соболев, затем Л. Т. Дмитриев. На местах процесс реорганизации затянулся (в некоторых областях на несколько месяцев), что отрицательно сказалось на работе. В период существования отделов их функциональные обязанности менялись. Основными направлениями деятельности отделов по хозустройству эвакуонаселения на момент их организации были: руководство и контроль за деятельностью местных органов власти по расселению, хозяйственно-бытовому обслуживанию и устройству на работу эвакуированных; руководство делом переселения; наблюдение за продвижением эвакуэшелонов и обслуживанием эвакуированных в пути. В состав отдела входили следующие

сектора: перевозок, трудоустройства и бытового обслуживания; переселения колхозников; учетно-статистическое бюро; канцелярия и хозяйственная часть. Содержались эти органы за счет государственного бюджета. Штаты отделов делились на несколько групп в зависимости от количества эвакуанселения, размещенного в той или иной области. Всего в городах и районах РСФСР по данным на октябрь 1942 г. аппарат инспекторов составил 690 человек (соответственно 80 и 610). В районах действовали инспекторы, а там, где их не было, с эвакуированными работали секретари исполкомов райсоветов.

С начала лета 1942 г. изменение обстановки на фронтах вновь вызвало необходимость эвакуации. Постановлением ГКО от 22 июня 1942 г. была образована Комиссия по эвакуации. В связи с этим, Отделы по хозяйству были вынуждены уделять главное внимание вопросам эвакуации. Это было главной причиной недостатков в работе по материально-бытовому устройству эвакуанселения на новых местах проживания. Вот как выглядело распределение рабочего времени работников Отдела по хозяйству СНК РСФСР в 1942 г.: по вопросам эвакуации и обслуживания эвакуированных в пути следования – 58,7 % от всех человеко-дней; по вопросам переселения – 16,7 %; по вопросам хозяйства эвакуанселения – 13,2 %; по поручениям СНК СССР и СНК РСФСР – 11,2 %.

Кадровый состав этих отделов характеризовался нехваткой работников и текучестью кадров. Как и в других сферах управленческого механизма, в структурах, занимавшихся эвакуанселением, было обычным делом отвлечение работников от выполнения ими

непосредственных обязанностей и использование их в других сферах. Несмотря на запрещающие указания вышестоящих органов, такая практика продолжалась в течение всего военного времени.

В феврале — марте 1943 г. была проведена перестройка работы отделов, прекратившаяся эвакуация также благоприятно сказалась на их дальнейшей деятельности. В мае 1943 г. по «кустовому принципу» в разных городах прошло совещание начальников отделов по хозяйственному эвакуонаселению. Помощь эвакуонаселению приобретала системный характер. Накапливался необходимый опыт, улучшалось финансирование.

Основными функциями сотрудников отделов были организаторская, контролирующая и координирующая. Работники выезжали «на места», то есть в города и села с инспекционными проверками условий жизни эвакуированных. Регулярно заведующие отделами (в городах и районах - инспекторы) были обязаны предоставлять в вышестоящие инстанции докладные записки с подробным анализом материально-бытового и трудового устройства эвакуонаселения. Как правило, такие отчеты включали в себя следующие разделы: численность, состав и размещение эвакуированных; трудоустройство; снабжение; жилищные условия; обеспечение топливом; руководство гор-(рай)исполкомов; работа отдела; работа эвакуопункта. Важной функцией отделов было проведение учета эвакуированных. Правильно поставленный учет позволял решить сразу несколько задач: выявить трудоспособных граждан, что облегчало задачу трудоустройства; найти необходимых специалистов; вести поиск родных, потерявшихся в

водвороте военного лихолетья. В соответствии с постановлением Совета по эвакуации от 7 июля 1941 г. «О порядке учета эвакуанаселения» в тыловых республиканских и областных центрах были созданы учетно-справочные бюро. Первоначально они действовали в составе Переселенческих областных отделов, а 14 ноября 1941 г. было создано Центральное справочное бюро, как отдел Управления по эвакуации населения. Бюро вело учет эвакуированных граждан по спискам, получаемым из республик, краев и областей тыловых районов страны и отвечало на запросы людей о розыске родных. Количество положительных ответов, по данным на декабрь 1941 г., составляло 15–18 % от общего числа разыскиваемых лиц. Объяснялся такой низкий показатель тем, что многие списки на эвакуированных еще не поступили из тыловых областей, а более 30 % пришедших списков не было обработано, вся работа производилась вручную.

Указанием СНК РСФСР от 31 января 1942 г. во-первых, вся учетно-справочная работа по эвакуированному населению передавалась в ведение паспортно-регистрационных отделов республиканских и областных управлений милиции; во-вторых, в сроки до 1 мая 1942 г. была проведена общая перепись эвакуанаселения. Весной того же года вместо областных бюро была создана единая Всесоюзная картотека с центром в Бугуруслане Чкаловской области. Повсеместно в газетах были помещены публикации разъяснительного характера для граждан: «Как получить справку о местожительстве эвакуированных граждан». В них указывалось местонахождение справочных бюро и говорилось, что в запросе должны содержаться следующие

сведения: фамилия, имя, отчество, год рождения, откуда эвакуирован и, желательно, место работы до эвакуации.

Функциональные обязанности инспекторов по хозяйству эвакуации включали распределение поступавших централизованных фондов для всего эвакуации или его отдельных категорий; рассмотрение жалоб и заявлений граждан, организация кампаний всенародной помощи.

Жесткая централизация, дублирование партийными органами государственных структур делали систему громоздкой, что отрицательно сказывалось на качестве и оперативности работы.

Прибытие эвакуированных потребовало дополнительных усилий по поддержанию паспортного режима в тылу. В силу военных обстоятельств многие люди приезжали в места эвакуации, не имея никаких документов. Порядок документации таких граждан был определен секретным циркуляром НКВД СССР № 171сс от 17 июля 1941 г. (отменен в 1949 г.). В соответствии с ним органам милиции предписывалось подробно допросить человека об обстоятельствах утраты паспорта, послать запрос и фото на место получения паспорта, после получения ответа выдать паспорт. Если из-за немецкой оккупации проверка невозможна, и есть другой документ, удостоверяющий личность, то давалось временное удостоверение на 3 месяца. Если у человека не было никаких документов, то после личного допроса выдавалась справка, позволявшая временную прописку и предоставлявшая разрешение на получение работы. И только после проверки выдавалось

временное удостоверение. В связи с освобождением территории и началом реэвакуации приказом НКВД СССР за № 0114 от 3 апреля 1942 г. была введена в действие временная инструкция по восстановлению паспортной системы в местностях, освобожденных от оккупации.

Литература

1. Марина Потемкина. *Эваконаселение в уральском тылу (1941–1948 гг.)*. Магнитогорск, 2006.
2. Марина Потемкина. «Отделы по хозяйству - важнейшее звено управления механизма эваконаселением в советском тылу» // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2003. № 13. С. 409–414.
3. Венди З. Голдман, Дональд Фильцер. *Крепость тёмная и суровая: советский тыл в годы Второй мировой войны*. Москва, 2023. С. 29–71. (Wendy Z. Goldman, Donald Filtzer, *Fortress Dark and Stern: The Soviet Home Front During World War II*. Oxford University Press, 2021. 528 pages.)

Марина Потемкина

Учет и общая статистика эвакуированных

Постановление об учете эвакуированных было принято Советом по эвакуации 7 июля 1941 г. Ведение этого учета поручалось Переселенческому управлению при Совете народных комиссаров (СНК) СССР (далее – Переселенческое управление), областным и краевым исполкомам советов и СНК республик. На практике на местах эта работа проводилась различными организациями, что обуславливало низкое качество получаемых учетных материалов. В письме от 31 июля 1941 г. председатель Совета по эвакуации Н. Шверник потребовал от местных властей проводить четкий именной учет эвакуированных, а списки направлять в Переселенческое управление.

Для упорядочения учета эвакуированного населения и систематизации полученных данных во всех регионах СССР использовались следующие бланки, которые были разработаны и утверждены Советом по эвакуации:

- а) список отправленных в эшелоне № ... (форма № 1);
- б) список семей и лиц, прибывших в район, город (село) (форма № 2);
- в) личная карточка на детей, эвакуированных без родителей (форма № 3).

Форма № 1 представляла собой список граждан, отправившихся в эшелоне в порядке эвакуации на новое место жительства. Он составлялся начальником эвакупункта в двух экземплярах, один из которых передавался начальнику эшелона, второй оставался в эвакупункте. Сведения в форму № 1 вносились на основании документов эвакуированных граждан: паспортов, удостоверений, справок, а также посредством опроса самих эвакуированных. Сведения о семьях и отдельных гражданах, принятых в пути, вносились с указанием станции посадки, в случае снятия эвакуированных с эшелона в последней графе о них также делались

отметки. Форма № 1 включала в себя следующую информацию об эвакуированных:

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Отношение к главе семьи (жена, сын, дочь и др.).
3. Пол.
4. Год рождения (возраст).
5. Место рождения (область, край, республика, район, город, село).

Начальник эшелона по прибытии передавал список эвакуированных гор(рай)исполкому места расселения. Вслед за этим гор(рай)исполкомы составляли списки лиц прибывающих (форма № 2) и не позднее 5 дней обязаны были направлять их в обл(край)райисполком. Форма № 2 включала в себя дополнительные сведения об эвакуированных:

1. Специальность (профессия)
2. Национальность.
3. Где работал до эвакуации (область, край, республика, район, город, село).
4. Место работы (учреждение, предприятие, колхоз).
5. Выполняемая работа.

Списки семей и отдельных граждан составлялись на все население, прибывшее в порядке эвакуации. Первым в список вносился глава семьи, если семья выехала не в полном составе, то в форме № 2 первым указывался работающий или старший трудоспособный из состава эвакуированной семьи. Графы с указанием фамилии, имени, отчества, отношения к главе семьи, пола, года рождения заполнялись на основании списка формы № 1, а сведения о месте рождения, специальности, профессии, национальности, месте работы до эвакуации — по документам и опросам самих эвакуированных.

Третьей формой учета эвакуированного населения являлась личная карточка на детей, эвакуированных без родителей (форма № 3). Она включала в себя следующие сведения:

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Пол.
3. Возраст.
4. Откуда прибыл (область, район, город, село).
5. Номер эшелона, с которым приехал.
6. Время прибытия.
7. Станция прибытия.
8. Где поселен (название детского учреждения или адрес принявшей семьи).
9. Сведения, которые ребенок может дать о своих родителях (фамилия, имя, отчество обоих родителей, место их жительства и работы, внешние признаки родителей и пр.).

Форма № 3 составлялась рай(гор)исполкомами после прибытия эвакуированного ребенка в 3-х экземплярах, один из которых направлялся в обл(край)исполком, второй отсылался в Переселенческое управление и третий оставался в рай(гор)исполкоме. Списочная форма № 2 и личная карточка № 3 учета эвакуированного населения являлись справочным материалом при возможном розыске гражданами членов своих семей, родных, детей и других родственников.

Областные и краевые исполкомы и СНК АССР проверяли полученные от рай(гор)исполкомов списки формы № 2 в отношении полноты записей в них и составляли сводный список по эшелонам, соответственно каждому пункту расселения (город, село) по той же форме № 2 и отсылали его в Переселенческое управление.

СНК республик и краевые и областные исполкомы присылали в Москву два вида отчетных данных: телеграфные сообщения с полными (сводными) данными о количестве принятого эвакуированного населения и сведения о численности эвакуированных, включенных в именные списки. Телеграфные

сообщения с полными данными высылались ежедневно с 13 июля по 12 октября 1941 г., а затем до конца года каждые 5–10 дней. В нашем распоряжении имеются также сведения о распределении эвакуированных, учтенных списками, по областям и республикам выхода, по национальностям, по возрасту и полу за каждые две недели с сентября до декабря 1941 г.

Например, по состоянию на 15 ноября 1941 г. Переселенческим управлением были составлены таблицы распределения эвакуированных, учтенных списками по республикам и областям, из которых осуществлялась эвакуация, и по национальностям, с указанием количества эвакуированных, размещенных в отдельных республиках, краях и областях. В эти таблицы вошли данные почти по всем регионам, откуда осуществлялась эвакуация в 1941 г. Всего было учтено почти 2 500 000 человек. Из них 27.2% выехало из Москвы и Ленинграда, всего 678 000 человек (364 000 из Москвы и области и 314 000 из Ленинграда и области), 21.4% - с Украины (533 000 человек), 8.9 % из Белоруссии (222 000 человек), 8.2% - из РСФСР (205 000 человек), а остальные – из других мест.

По телеграфным сообщениям на 1 декабря 1941 г. было принято в целом по СССР 5.312.600 эвакуированных, из которых 2.892.738 были учтены в именных списках. К 10 января 1942 г. в целом по СССР было принято по разным данным примерно 7 000 000–7 300 000 эвакуированных.

В течение 1942 г. из Ленинграда было вывезено более 1.000.000 человек. Кроме того, проводилась эвакуация населения из следующих регионов: Краснодарского и Ставропольского краев, областей и автономных республик Северного Кавказа – свыше 300.000 человек, Воронежской и Сталинградской областей – более 200.000 человек. Всего по СССР было эвакуировано более 1.500.000 человек. В то же время следует учитывать, что на 1 июля 1942 г., к началу летнего немецкого наступления, на территории вышеупомянутых областей, краев и автономных республик было размещено около 600.000 эвакуированных. В частности, десятки

тысяч эвакуированных из Ленинграда в первой половине 1942 г. прибыли в Краснодарский и Ставропольский края, Сталинградскую область и другие регионы, откуда им вскоре пришлось снова уезжать. Следовательно, можно предположить, что среди более 1.500.000 человек, которые были эвакуированы в 1942 г., 200.000–250.000 сделали это повторно. Тогда, число тех, кто эвакуировался в 1942 г. только один раз можно оценить в 1.250.000–1.300.000 человек.

Таким образом, по нашей оценке к началу 1943 г. количество лиц, побывавших в статусе эвакуированных, составляло 8.250.000–8.600.000, что близко к расчетам А. Кагановича, приведенным им в его последней монографии (8.700.000 человек).

До декабря 1941 г. учетом эвакуированных занимался справочный отдел Переселенческого управления и переселенческие отделы в тех регионах, куда прибывали эвакуированные. В связи с немецким наступлением на Москву и переездом в г. Бугуруслан Чкаловской (ныне – Оренбургской области) аппарат Переселенческого управления испытывал серьезные трудности в работе с потоком запросов граждан о розыске своих семей. Кроме того, он занимался обработкой учетных списков эвакуированных и созданием справочной картотеки. В декабре 1941 г. Совет по эвакуации постановил передать учет эвакуированных Управлению по эвакуации населения (УЭН) и созданному при нем Центральному справочному бюро (ЦСБ). В начале января 1942 г. СНК СССР обязал УЭН и исполкомы городских, районных и других советов провести переучет эвакуированного населения и закончить составление именных списков эвакуированных по утвержденной форме к 15 марта 1942 г.

31 января 1942 г., согласно постановлению СНК СССР, УЭН было ликвидировано, а ЦСБ было передано под контроль НКВД СССР. После небольшого переходного периода в соответствии с постановлением НКВД СССР от 10 марта 1942 г. ЦСБ перешло в

ведение паспортного отдела Главного управления милиции (ГУМ) НКВД.

В ЦСБ в Бугуруслане находилась главная картотека. Туда поступало до 20 тыс. запросов в день. Многие граждане запрашивали одновременно в одном письме информацию о нескольких эвакуированных. Среди работающих в ЦСБ подавляющее большинство составляли эвакуированные. Аналогичные бюро были созданы при паспортных отделах управлений милиции республик, краев и областей. Городские адресные бюро использовали материалы прописки паспортов (заполненные адресные листки) для розыска эвакуированных.

К 12 марта 1942 г. в ЦСБ поступили списки эвакуированных на 3.788.102 человек. По ним было составлено 2.220.983 персональных карточек. На детей до 16 лет не составлялись персональные карточки, а сведения о них включались в карточку сопровождающего их лица.

Карточки содержат следующую информацию об эвакуированных:

1. Фамилия, имя, отчество
2. Национальность
3. Дата и место рождения
4. Адрес до эвакуации
5. Дата эвакуации.
6. Адрес в эвакуации.
7. Текущее место работы.
8. Число детей младше 16 лет, сопровождающих данное лицо, их имена и возраст.

В марте-апреле 1942 г. в ЦСБ продолжали поступать именные списки эвакуированных и была переработана уже имевшаяся справочная картотека. По-видимому, составление именных списков было прекращено к маю 1942 г. и списки были отправлены в ЦСУ СССР «для полноценного учета квалифицированной рабочей силы

эвакуированных и лучшего их трудоустройства». К лету 1942 г. ЦСБ взяло на учет 5.303.718 человек.

В феврале 1943 г. органы милиции провели тщательную проверку и перерегистрацию эвакуированных граждан. В результате было принято на учет 6.383.359 человек. Очевидно, что среди прибавившихся 1.079.641 человек львиную долю составили те, кто был эвакуирован в течение 1942 г.

На 1 января 1946 г. справочная картотека ЦСБ состояла из 4.262.087 учетных карточек на 6.459.025 человек. Обращает на себя внимание тот факт, что за почти три года работы ЦСБ было дополнительно выявлено лишь 75.666 эвакуированных. По нашему мнению это свидетельствует о том, что лишь незначительная часть эвакуированных оказалась не охваченной персональным учетом.

По отчету о работе ЦСБ за 1946 г. мы можем проследить каким образом составлялись персональные карточки на эвакуированных. За этот год 3.471 учетных карточки были присланы в ЦСБ из местных органов милиции, а 15.402 учетных карточки были составлены в аппарате ЦСБ по поступившим листкам прибытия эвакуированных и письмам эвакуированных граждан, не взятых по разным причинам ранее на учет органами милиции по месту жительства.

На 1 января 1947 г. в справочной картотеке ЦСБ имелось после проверки и изъятия дубликатов 4.270.300 учетных карточек на 6.480.306 эвакуированных. За 1946 г. в картотеке прибавилось лишь 21.281 человек.

За 1942–1946 гг. в ЦСБ поступило 17.072.868 запросов по розыску эвакуированных. Было установлено местожительство 3.069.358 человек. В марте 1942 г. штат ЦСБ состоял из 453 человек. С конца 1942 г. началась массовая реэвакуация населения к прежнему месту жительства. Поступление запросов по розыску эвакуированного населения последовательно снижалось. На январь 1947 г. в ЦСБ оставалось только 32 сотрудника.

По имеющимся документам можно сделать вывод, что в 1947 г. ЦСБ было ликвидировано, а его архив (за исключением личных дел) и справочная картотека на эвакуированных поступили в Центральное справочное бюро о перемещенных лицах Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (ныне – Центр розыска и информации Российского Красного Креста, далее – ЦРИ РКК). В настоящее время в архиве ЦРИ РКК имеется именная картотека на лиц, эвакуированных в годы войны в связи с наступлением немецких войск, из 4.500.000 персональных карточек на примерно 6.500.000 человек.

Литература

1. Вадим Дубсон. «К вопросу о масштабах эвакуации населения СССР во время Великой Отечественной войны» // *Неизвестная эвакуация. Воспоминания еврейских беженцев. СССР, 1941–1945.* Иерусалим, 2015. С. 445–470.
2. Вадим Дубсон. «Эвакуация еврейского населения СССР в 1941–1942 гг.: цифры и факты» // *В тени Катастрофы: Беженцы, эвакуация и блокада. Неопубликованные воспоминания беженцев, блокадников, эвакуированных. СССР, 1939–1946.* Иерусалим, 2021. С. 505–524.
3. Альберт Каганович. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу.* Москва. Иерусалим, 2023.
4. Людмила Снегирева. *Во имя победы: Эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах. В 3-х томах.* Т. 1. «Исход». Томск, 2005.

Вадим Дубсон

Карточка эвакуированного. 1942 г.

Центр розыска и информации Российского Красного Креста.

КАРТОЧКА НА ЭВАКУИРОВАННОГО (НУЮ)

1. Фам. Сергачовская, имя Тамар, отч. Овсеевна
2. Национальность Украинка. Родился (лась) в 1918 году
в БССР _____ респуб. (крае, области), районе (город)
Местечко Ров _____ Завольевского района
4. Проживал (а) до эвакуации в Росдор _____ республ.
(крае, области), в городе Москва
по ул. Б. Герасимовская д. № 23/1 кв. № 8
районе Ростовкинский, деревне (селе) _____
5. Когда эвакуировался (лась) 10 июля 1942 года

6. Проживаю в БССР _____ респуб. (крае, обл.)
гор. Гичинский районе с/вхоз Уриши
селе (деревне) _____ улице _____
д. № _____ кв. № _____ с. 2 января 1942 г.
7. Работая (кем и где) секретарем Комитета

8. Дети, совместно прож., моложе 16-ти лет:

Фамилия	Имя	Отчество	Возраст
<u>Сергачовская</u>	<u>Тамара</u>	<u>Овсеевна</u>	<u>1940</u>

14. мая _____ 1942 г.

Составил (кто) секретарь Сергачов

Типография «Известия». Зап. 118

**Личная карточка Иосифа Ханина, эвакуированного без родителей.
Июль 1941 г. Опубликовано в сборнике документов: Место эвакуации
— Чкаловская область. Оренбург, 2010. С. 90.**

Переселенческое Управление при СНК СССР		Литер.....	Ф. № 3
<i>Чкаловская</i> Область (край, республика) <i>Чкаловская</i> район <i>Муромский район</i> город		Составляется районным, городским исполкомом после прибытия эвакуированного ребенка в 3 экз., из которых 1 отсылается в обл(край)исполком, СНК АССР, второй в Переселенческое Управление при СНК СССР. Третий экз. остается в Рай(гор)исполкоме.	
ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА НА ДЕТЕЙ ЭВАКУИРОВАННЫХ БЕЗ РОДИТЕЛЕЙ			
1. Фамилия <i>Ханин</i>	7. Номер эшелона с которым приехал		
2. Имя <i>Иосиф</i>			
3. Отчество <i>Липович</i>	8. Время прибытия <i>30 июля 1941</i>		
4. Пол <i>муж.</i>	9. Станция прибытия <i>Халилово</i>		
5. Возраст <i>17</i>	10. Где поселен <i>Муромский район</i>		
6. Откуда прибыл <i>БСЕР Витебской обл. (название детского учреждения "саматарий Вереща")</i>		или адрес принявшей семьи. (На обороте)	
11. Сведения, которые ребенок может дать о своих родителях (подробно) фамилия, имя, отчество обоих родителей, местожительство, место их работы, внешние признаки родителей и проч.; если ребенок не может дать сведений о своих родителях,—описываются личные приметы ребенка <i>Родители проживают в БСЕР. г. Витебске Ханин Анна Федоровна Вереща - Набережная и</i>			
Карточку составлял <i>Мин</i>		(подпись составителя)	
* VII 1941 г.		Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР». Москва.	
Зак. № 1			

Личная карточка на Ханина Иосифа Липовича, эвакуированного без родителей в п. Халилово Чкаловской области из Витебской области БССР. Июль 1941 г.
ГАОО, ф. р-1465, оп. 1, д. 300, л. 12, 12 об.

Продовольственное обеспечение эвакуированных. Голод

В годы Второй мировой войны снабжение армии было приоритетной задачей для советского руководства. После потери главных зерновых районов страны в результате немецкой оккупации продовольственные ресурсы существенно сократились. Это привело к резкому снижению потребления продуктов в тылу.

С началом войны резко сократилось производство продуктов питания: мяса — в 2.5 раза, сахара — в 8 раз, хлеба — в 2 раза.

Была постепенно введена карточная система распределения продовольствия. В июле 1941 г. это произошло в Москве и Ленинграде. К концу августа карточная система распределения хлеба, сахара и конфет распространилась почти на все города. С ноября 1941 г. в 43 городах и посёлках распределялись по карточкам мясные и рыбные продукты, жиры, крупа, макаронные изделия.

Главным предметом нормированного распределения был хлеб. Он выдавался ежедневно и его нельзя было заменять на другие продукты.

Карточная система серьёзно ограничивала доступ населения к продовольственному снабжению, но обеспечивала получение минимальной фиксированной нормы. Промышленные города снабжались лучше других городов, где по карточкам выдавался лишь хлеб и сахар.

Согласно установленным нормам снабжения рабочие 1-й категории (работники ведущих отраслей производства: оборонной, угольной, нефтяной промышленности, чёрной и цветной металлургии, строительства, транспорта и ряда других отраслей) получали на одного человека в день хлеба —

800 г., сахара и кондитерских изделий на одного человека в месяц — 800 г.; служащие соответственно 500 г. и 600 г.; иждивенцы — 400 г. и 400 г.; дети до 12 лет — 400 г. и 600 г. Рабочие 2-й категории (рабочие и служащие других отраслей народного хозяйства, остальное городское население) получали на одного человека в день хлеба 600 г., сахара и кондитерских изделий на одного человека в месяц 600 г.; служащие — 400 г. и 600 г.; иждивенцы — 400 г. и 400 г.; дети до 12 лет — 400 г. и 400 г. Помимо этого, отдельные предприятия могли быть отнесены к снабжению по повышенным и особо повышенным нормам.

Для рабочих двумя важнейшими источниками получения питания были продукты, выдаваемые по карточкам и обеды в фабричных столовых.

Карточная система, как правило, не распространялась на сельскую местность. Хлеб и ряд других продуктов по мере возможности выделялись учителям, медработникам, специалистам сельского хозяйства, инвалидам войны и эвакуированным. Таким образом, в сельской местности эвакуированные выделялись в отдельную категорию при снабжении продуктами питания. Согласно приказу Наркомпродторга СССР от 24 декабря 1942 г. «О порядке снабжения хлебом в сельской местности» продукты через райпотребсоюзы и сельпо должны были направляться эвакуированному населению, но эта помощь зачастую не поступала или задерживалась.

Для эвакуированных в сельские районы, как правило, существовала норма выдачи хлеба 400 г. в день на человека.

Всё эвакуированное население было разделено по признаку общественной полезности на четыре категории снабжения: рабочие, служащие, иждивенцы и дети до 12 лет. Лучше всего снабжались рабочие. К этой же категории были отнесены эвакуированные семьи командно-политического

состава Красной армии, флота и НКВД, партийные и советские работники. В зависимости от категории нормы снабжения были следующими: от 200 до 1.000 г хлеба в день; от 200 до 4.500 г. мяса и рыбы в месяц, от 150 до 2.000 г. жиров, от 200 до 900 г. сахара и кондитерских изделий в месяц. Фактически даже эвакуированные семьи начальствующего состава испытывали затруднения в получении таких продуктов питания как картофель, крупа, соль.

Осенью 1943 г. нормы снабжения хлебом были сокращены для оказания помощи населению освобождённых районов. С 21 ноября 1943 г. рабочие стали получать по карточкам 500–700 г.; служащие — 400–500 г.; иждивенцы и дети — 300 г.

Нормы выдачи продуктов часто сокращались из-за перебоев в снабжении. Например, в Курганской области в феврале 1943 г. выдавалось по 300 г. хлеба работавшим и по 200 г. иждивенцам. Во многих районах Чкаловской области длительное время хлеб беженцам вообще не выдавался.

В наиболее бедственном положении часто оказывались эвакуированные женщины с маленькими детьми. Вот что писала эвакуированная из Москвы В. Беляева, проживавшая в г. Фрунзе, на имя секретаря ЦК Компартии Киргизии Вагова в августе 1942 г.:

«В 1941 г. я эвакуировалась из Москвы, имею двух детей 9 и 1.5 лет. Муж с июля 1942 г. на фронте... Получаю по аттестату 750 рублей и это всё, кроме 400 г. хлеба и одного обеда в сутки (вода с тремя лапшинками). В столовой военторга я ничего больше не получаю по твёрдым ценам. Самый минимум необходимый для грудного ребёнка – манная крупа, сахар, молоко, не говоря уже об овощах и фруктах, я не в состоянии купить на рынке. Дети много месяцев не видят масло и сахар. Продано всё, что было взято с собой. Я обносила, хожу по городу босиком, не смотря на стыд».

Эвакуированная Ягудина, проживавшая на руднике Кок-Янгак Джалал-Абадской области, писала на имя секретаря ЦК Компартии Киргизии Вагова в июне 1942 г.:

«Я имею троих детей, старший — 9 лет, младшим — 4 и 2 года ... сама служащая, муж на фронте — командир. И вот мне нечем кормить ребят, ни в столовой, ни на карточку продуктовую — детям ничего не дают, на рынке нет даже картофеля... Никакой крупы, ничего нет, чем же их кормить?».

Эвакуированная из Киева Лидия Коган из поселка Кант Фрунзенской области жаловалась в ЦК Компартии Киргизии в январе 1944 г.:

«Я, жена погибшего на фронте, живу в крайне плохом положении, совершенно раздетая, босая. Сама я инвалид второй группы, получаю пенсию 141 рубль. Имею больного ребенка и также раздетого. Кроме того, имеется сестра несовершеннолетняя и также совершенно раздетая. В продуктах питания совершенно голодаем, живем без квартиры в проходной комнате 4-х квадратных метров».

В сельской местности по некоторым оценкам оплата труда в 1942–1943 гг. в среднем обеспечивала каждому члену семьи примерно стакан зерна и одну картофелину в день, а потребность в овощах удовлетворяла лишь на 15-20%.

О бедственном положении беженцев, размещённых в сельской местности, можно прочитать в многочисленных архивных документах. Так, эвакуированные из Ленинграда в Омскую область жёны командиров РККА писали на фронт своим мужьям:

«Мы находимся в тяжёлом, критическом положении, с продуктами дело обстоит скверно, в магазине здесь ничего нет, а из области нам ничего не высылают. В колхозе дают только картофель по 0.5 кг на трудодень, молоко детям не

дают, а недавно прекратили выдачу хлеба. Сидим без хлеба и без денег. Обречены с детьми на голодную смерть».

В докладной записке Тутаевского райисполкома в Ярославский облисполком от 2 июня 1942 г. сообщалось:

«Считаю необходимым доложить, что, несмотря на прямые указания выдавать эвакуированным по 600 гр. хлеба в день, мы до сих пор даём только по 400 гр. ... Имеются случаи, когда люди от систематического голодания опухали. Есть факты, когда эвакуированная из Ленинграда Комарова ловит кошек и употребляет их в пищу. У значительной части эвакуированных, кроме выдаваемого хлеба, никаких других продуктов нет и купить их невозможно. Молоко с колхозных ферм мы давать не можем, а колхозники за деньги не продают. Картофеля в районе совершенно нет».

В записке о положении эвакуированных в Пречистинском районе Ярославской области от января 1943 г. отмечалось:

«С питанием по нашему району дело обстоит плохо, так как кроме 400 гр. хлеба в декабре и 300 гр. в январе эвакуанселение ничего не видит. До января эвакуированные получали обед в столовой, но в настоящее время обедов нет. Особенно плохо обстоит дело с детьми до 3-х лет, которые гибнут на глазах, которые имеют только хлеб и ничего больше, даже больные...».

Эвакуированные семьи комсостава, проживавшие в селе Покровка, Джети-Огузского района, Иссык-Кульской области жаловались в ЦК Компартии Киргизии в июле 1943 г.:

«Многие из наших семей не имеют аттестатов, так как потеряли связь с мужьями в связи с несколькими эвакуациями, и, конечно, единственным источником существования является выдаваемая норма хлеба 400 гр. на человека. К сожалению, даже этого мы в селе Покровка не получаем, а если и бывает хлеб, то всегда 50 семей остаются ежедневно

без хлеба. Кроме того, как система, хлеба не бывает по 5–10 дней в месяц совершенно... Кроме хлеба никакими видами снабжения мы не пользуемся».

В колхозах Фрунзенской области Киргизии эвакуированные нерегулярно получали хлеб в связи с неурожаем 1942 г. В декабре 1942 г. в колхозах этой республики не смогли обеспечить хлебом 57.000 человек, более половины эвакуированных.

Во время полевых работ хлеб выдавался авансом в счёт трудодней. Однако при пересчёте эвакуированные часто оставались ещё должны колхозу. Многие семьи с детьми оставались без хлеба, заработав при этом несколько сот трудодней. Иногда эвакуированные снимались с обеспечения хлебом в сельпо и полностью переводились на обеспечение по заработанным трудодням наравне с местными колхозниками. Например, осенью 1942 г. в Алтайском крае стали исключать из списков на централизованное снабжение хлебом «эвакуированных граждан, способных работать в колхозах, и имеющих возможность заработать достаточное количество хлеба для своего питания».

В некоторых случаях эвакуированные не успевали выработать необходимое количество трудодней для получения минимальной нормы хлеба. Прибывшие в Саратовскую область осенью 1942 г. эвакуированные из Украины, Ленинграда, Сталинграда и Воронежа не успели обеспечить себя огородами и заработать минимальное количество трудодней. Они оказались в очень тяжёлом положении. Некоторые женщины с детьми вынуждены были собирать милостыню.

Среди эвакуированных было много женщин с маленькими детьми. Во многих случаях они не имели возможности отдать детей в детский сад и поэтому не могли выйти на работу. В одном

из писем эвакуированная в Алтайский край женщина писала своему мужу на фронт:

«На дочь ничего не дают, несмотря на то, что должны давать по 400 грамм ежедневно. Микояновский паёк не выполняется, не найти концов. Картошку у местных крестьян можно найти только на обмен. Одним словом, обречены на голодовку. Ты бы поговорил с командованием, может они помогут, подействуют на местную власть».

Эвакуированному населению было особенно тяжело, так как оно не располагало собственным подсобным хозяйством. Поэтому людям приходилось менять на продукты свои личные вещи (часы, платье, драгоценности и пр.). Перекупщики скупали эти вещи по низким ценам. В ряде случаев спекуляциями занимались местные руководители.

В редких случаях беженцы могли покупать продукты на рынках. Для большинства из них цены на рынках были недоступны. В Казахстане в начале 1942 г. были следующие цены за килограмм: мука — до 10 рублей, рис — 13–15 рублей, мясо — 20–25 рублей. Литр молока стоил 8–10 рублей. В Саратове с началом войны резко выросли цены на рынках. Стоимость молока выросла до 20–40 рублей за литр. Очень высокими были рыночные цены в Казани. Мясо продавалось по цене до 200 рублей за килограмм, что составляло более трети месячной зарплаты рабочего. Килограмм масла стоил 570 рублей. В начале 1944 г. на рынках Свердловска килограмм картофеля стоил 75 рублей, а мяса — 350 рублей.

Белла Владимирская писала из Самарканда в декабре 1942 г.:

«На рынке у нас можно много кое-чего достать, особенно для детей, но я не хожу туда и цены для меня безразличны: мне всё равно, стоит ли мясо 60 рублей или 90 рублей, хоть так, хоть эдак, оно мне недоступно».

Таким образом, значительную часть времени рацион большинства семей беженцев состоял преимущественно из хлеба и картофеля. Голод и изнурительный труд сильно истощали людей. Многие умирали от авитаминоза и дистрофии.

После урезания снабжения хлебом в ноябре 1943 г. положение эвакуированных ещё более ухудшилось. В редакцию саратовской газеты «Коммунист» поступило в начале 1944 г. много писем от эвакуированных с жалобами на то, что они умирают с голода. Материалах военной цензуры Саратовской области также отражают ужасное положение беженцев. В них постоянно встречаются мысли о голоде, о приближающейся смерти, об отсутствии помощи. Например, женщина из Ершовского района писала мужу:

«Двое маленьких детей высохли и стали похожи на скелеты. Сама я едва хожу от истощения. Дети кричат: «Мама, есть давай!». Смотреть материнскими глазами, как дети умирают голодной смертью ужаснее, чем умереть бойцу на поле брани. Сейчас я питаюсь из помойных ящиков картофельной шелухой».

В самом тяжёлом положении беженцы, поселившиеся в сельских районах РСФСР, оказались в 1943 г. Вышла из строя значительная часть сельскохозяйственной техники, не хватало горючего, из-за плохих погодных условий во многих районах имел место неурожай. Сильно пострадали Урал, Алтайский край, Новосибирская и другие области Сибири. Резко снизилась оплата колхозных трудодней. Животноводческую продукцию колхозы совсем перестали выдавать.

В ряде отдалённых сельских районов Поволжья, Урала и Сибири весной 1943 г. и весной 1944 г. наблюдались случаи трупоедства, людоедства, опухания от голода. В некоторых колхозах Башкирской АССР люди питались корой липы, желудями, использовали в пищу павших животных.

Продовольственное обеспечение в Средней Азии было ещё хуже, чем в Европейской части СССР. Из ряда свидетельств мы

знаем, что в Самарканде невозможно было достать хлеб и многие беженцы умирали прямо на улицах. Раввин Нахум Шмериягу Сосонкин вспоминал:

«Выходя на холодные улицы по утрам натыкаешься на опухшие тела умерших от истощения. Они валялись по улицам и никто не торопился их захоронить».

По описанию Беллы Стражас похожей была ситуация в Андижане:

«Я несколько раз ездила в Андижан... Я приезжала утром и видела лежащие на улице трупы, опухшие и посиневшие... С каждым моим приездом в Андижан количество трупов увеличивалось».

О голоде в различных регионах СССР в годы войны свидетельствуют документы секретариата НКВД, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Голод был в Казахской и Узбекской ССР, в Татарской и Мордовской АССР, в ряде районов Алтайского края, в Горьковской и Свердловской областях в 1944 г., в Узбекской ССР в 1945 г.

По мнению Дональда Фильцера массовая смертность от голода в тыловых районах СССР стала проявляться не в 1942 г., а только в 1943 г. В 1942 г. умирали от голода новорожденные и старики. В 1943 г. последствия недостаточного питания проявились в полной мере и привели к большому количеству жертв среди взрослого населения страны.

С 1942 г. наметились позитивные сдвиги в питании городского населения. Вводились дополнительные карточки для питания рабочих, занятых на тяжёлых работах, а также беременным женщинам, кормящим матерям, больным; организовывалось питание для детей дошкольного и школьного возраста. С 1943 г. стала поступать продовольственная помощь из-за рубежа.

Для борьбы с голодом среди беженцев важное значение имело развитие подсобных хозяйств эвакуированных

предприятий и учреждений, а также коллективных и индивидуальных огородов. Например, в Новосибирской области к концу 1942 г. было 1553 подсобных хозяйства, в Омской области (только в городах) — 564 хозяйства. В 1943 г. в Куйбышевской области имелось 306 подсобных хозяйств. За 1942–1944 гг. численность семей, имеющих индивидуальные огороды увеличилась по СССР более чем в три раза.

Таким образом, эвакуированные, организованно прибывшие с промышленными предприятиями и организациями в города, как правило, лучше снабжались продуктами питания, чем беженцы, размещённые в сельских районах. Последние нередко получали лишь небольшое количество хлеба, и длительные периоды времени вынуждены были переносить голод.

Библиография

1. *Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сборник статей.* Спб., 1995.
2. Каганович А. *«Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу.* М., 2023.
3. Потемкина М. *«Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны.* Магнитогорск, 2016.
4. *СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм* / под. ред. О. Будницкого. - М., 2014. С. 196–249.

Вадим Дубсон

Борьба с голодом

Начало войны привело к резкому сокращению продовольственной базы в Советском Союзе. В связи с поражениями Красной Армии на фронтах летом и осенью 1941 г. возможности советского сельского хозяйства стремительно снижались. Стратегические резервы, накопленные на случай войны и чрезвычайных ситуаций, были потеряны, уничтожены перед отступлением советских войск или захвачены врагом. К началу сентября 1941 г. перестали давать продукцию и сырье Белоруссия и республики Прибалтики, а к лету 1942 г. – области Украины, Кубани, Дона, европейской части России. Сельскохозяйственное производство переместилось, главным образом, в Среднюю Азию и Сибирь. На военные нужды из деревни были отвлечены техника, горюче-смазочные материалы и людские ресурсы, нарушено снабжение минеральными удобрениями. Все это неминуемо сказалось на сборе урожая и животноводстве.

В целом, война причинила сельскому хозяйству больший урон, чем другим отраслям общественного производства. За годы войны объем валовой продукции сельского хозяйства снизился до 60% довоенного уровня. Восполнить это было неоткуда, поставки из-за границы требовали времени и дополнительных затрат. Положение усугублялось структурными изменениями в экономике Советского Союза, проведенными в тридцатые годы, когда в сельском хозяйстве был полностью устранен частный сектор. Главным эквивалентом стал хлеб. На него переводили цены на услуги и

товары, предметы первой необходимости, одежду, обувь, расплачивались за кров над головой.

Сначала власти искали выход в нормировании и перераспределении продовольствия и предметов повседневного спроса. Переход к карточной системе произошел с июля по ноябрь 1941 г. в 42 основных промышленных и административных центрах страны. Постановления правительства установили нормы снабжения мясом, рыбой, жирами, хлебом, крупами и макаронными изделиями для отдельных групп населения: рабочих промышленности и связи, рабочих предприятий особого списка (оборонной промышленности), иждивенцев и детей до 12 лет. По нормам снабжения работники 1-й категории (оборонной, угольной, нефтяной промышленности, чёрной и цветной металлургии, строительства, транспорта и ряда других отраслей) получали на 1 чел. в день хлеба — 800 гр., сахара и кондитерских изделий на 1 чел. в месяц — 800 гр.; служащие соответственно 500 гр. и 600 гр.; иждивенцы — 400 гр. и 400 гр.; дети до 12 лет — 400 гр. и 600 гр. Работники 2-й категории (других отраслей народного хозяйства, остальное городское население) - 600 гр. хлеба, сахара и кондитерских изделий на 1 чел. в месяц 600 гр.; служащие — 400 гр. и 600 гр.; иждивенцы — 400 гр. и 400 гр.; дети до 12 лет — 400 гр. и 400 гр.

Однако при этом сельское население страны не подпадало под действие закона о нормированном государственном снабжении. Колхозникам карточек не полагалось. Исключение составляли только сельская интеллигенция, инвалиды и эвакуированные. Одновременно использовались суррогаты и новые продукты. Пищевая

промышленность освоила выпуск соевых продуктов (молоко, шрот), заменителей из жмыха, использование столярного клея и других альтернатив.

Денежная масса в стране быстро увеличилась, а оборот государственной и кооперативной торговли сократился, в то же время карточная система снабжения значительно ограничила уровень потребления. Эвакуированные продавали личные вещи или товары повседневного спроса, полученные ими через государственную распределительную систему. В 1942 г. за счет продажи домашних вещей на “колхозном” рынке было покрыто на 65% всех покупок продуктов питания, а в 1943 г. на 87%. В итоге реальная заработная плата зависела от уровня снабжения, а не от размера денежного вознаграждения. Человек, купивший по ордеру какую-то нужную вещь (одежду, обувь, продукты, лекарство) и перепродал ее на рынке, получал разницу в ценах, превышающую в несколько раз его месячный заработок. Широкое распространение имела торговля с рук и натуральный обмен товаров массового спроса на продукты питания. В ноябре 1944 г. из 23 млн. 745 тыс. чел., занятых на производстве в тылу - 12 млн. чел. получали паек до 500 гр. хлеба в день, а право на повышенный паек (800-1000 гр.) и горячий обед имели лишь 1,5 млн. чел. В результате возникла зависимость граждан от других (негосударственных) источников снабжения или “колхозного” рынка, цены на котором превысили уровень 1940 г. в 17 раз. Налоги и “добровольные сборы” с людей, не проживавших в сельской местности, составили по отношению к заработной плате в 1940 г. 9,4%, а в 1944 г. – 28,9%.

Однако это не дало искомого результата. Угроза голода заставила советское руководство временно отказаться от идеологических постулатов. Колхозы не справлялись с поставленными перед ними задачами, поэтому на время войны решено было дать простор частной инициативе (подсобному хозяйству и огородничеству) в надежде, что это пробудит огромные силы в народе и спасет положение. Была выработана новая стратегия, по которой продовольственное снабжение обеспечивалось не только из центра, но и на местах. В городах была разрешена индивидуальная трудовая деятельность, принявшая форму огородничества с правом предложения продукции на свободном рынке. Однако все это допускалось при соблюдении обязательного условия – отсутствии наемного труда. Эти меры были закреплены при помощи постановлений Правительства и местных Советов, которые в Советском Союзе имели силу закона. Пользуясь привычными схемами, режим начал использовать свой административный ресурс - вышестоящие инстанции требовали исполнения решений от местных органов власти на всех уровнях (район, область, автономный край, союзная республика).

В итоге был найден дополнительный источник, который сыграл важную роль для обеспечения населения продовольствием, у людей родилась уверенность, что они сами в силах о себе позаботятся в дополнение к централизованной распределительной системе. Государство в свою очередь выиграло, поскольку не только сумело помочь прокормить эвакуированных граждан в тылу, но и создать впечатление отеческой заботы о семьях фронтовиков со стороны партии и правительства.

Земельные участки выделялись из свободных земель совхозов и колхозов, полос отчуждения у шоссейных и железных дорог и даже в городской черте. Семьям рабочих и служащих, проживающих в колхозах, и эвакуированному населению было предоставлено право пользования приусадебными участками земли в размере 0,15 га. Преимущества при распределении огородов, наделении садовым инвентарем, семенами и рассадой предоставлялись семьям фронтовиков и инвалидов войны. Торговые организации обязывались продавать минеральные удобрения и садовый инвентарь (все работы должны были выполняться вручную и в свободное от основного занятия время). Коллективным и индивидуальным огородничеством руководили профсоюзы.

Летом 1943 г. СНК СССР освободил от сельскохозяйственного налога доходы рабочих и служащих, полученных с земельных участков под огороды. Это повышало личную заинтересованность людей в результатах своего труда. В 1944 г. практику индивидуальной трудовой деятельности с помощью огородов продолжили. В целом по стране весной 1942 г. площадь подсобных хозяйств составляла около 818 тыс. га, а уже в 1943 г. – 3 млн 104 тыс. га. К концу войны доля продукции подсобных хозяйств в снабжении рабочих и служащих промышленных предприятий и учреждений составляла до 60% по овощам и 38% по картофелю.

Вскоре приложенные усилия (законодательные, административные, пропагандистские, агротехнические), умноженные на личный интерес граждан, начали давать результат. Объемы продовольствия, которое поступало в

распоряжение населения областей советского тыла, постоянно увеличивались. Цены на свободном рынке на продукты питания стабилизировались.

Литература

1. Альберт Каганович. «Ташкентский фронт»: Еврейские беженцы в советском тылу. Москва, 2023 г., с. 167–193.
2. Марина Потемкина. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск, 2016 г.
3. *СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм.* Под. ред. О. Будницкого. Москва, 2014 г., с. 196–249.
4. Леонид Смиловицкий. *Евреи в Красной армии. Переписка между фронтом и тылом, 1941–1945 гг.* Иерусалим, 2026 г, с.152–744.

Детские дома и дети-сироты в СССР в годы Второй мировой войны

В советской, современной российской и мировой историографии тема деятельности и эвакуации детских домов в СССР накануне, на протяжении и вскоре после Второй мировой войны хоть и остается в центре внимания исследователей, однако крупные исследования на эту тему до сих пор отсутствуют. Во многих работах подробно рассматриваются отдельные аспекты деятельности детских домов в различных регионах страны, но они не охватывают весь спектр проблем. Крайне мало исследований посвящены темам, где присутствует национальный аспект, учитывая, что большое число детей, вывезенных из Москвы и Ленинграда, прилегающих к ним территорий, а также Украины, Белоруссии, Молдавии, – были еврейскими детьми.

Исследования деятельности детдомов в предвоенные годы, на наш взгляд, должны включать четыре направления:

1. Советские детские дома, где был налажен быт, сбалансированное питание, санитарный режим, досуг воспитанников;
2. Специальные детские учреждения, в которые собирали детей «врагов народа» и «изменников родины» - чьи родители были репрессированы;
3. Детские трудовые колонии и лагеря, где были собраны беспризорные дети, совершившие преступления;
4. Детские дома для детей-сирот, оставшихся без родителей в связи с «присоединением» к СССР в конце тридцатых годов с западных территорий Польши, Украины, Белоруссии.

Касательно организации четвертой группы детских домов историк Яков Басин отмечает, что с началом Второй мировой войны в сентябре 1939 г. в результате раздела Польши в СССР оказалось около 13 млн. человек, проживавших на территории восточной Польши, которые после аннексии стали называться Западной Украиной и Западной Белоруссией.

По оценке Г. В. Костырченко, количество евреев, проживавших на территориях, аннексированных СССР осенью 1939 года в соответствии с секретным протоколом к пакту Молотова-Риббентропа, составляло примерно 1.270.000 человек. В течение нескольких недель после окончания военных действий границу страны пересекло также около 300 тысяч беженцев, главным образом, евреев. Среди них были несколько тысяч детей-сирот. В 1940 – 41 гг. советские власти провели «чистки» среди прибывшего населения и его частичную депортацию в Сибирь, в том числе, поляков, евреев, белорусов, украинцев. Было переселено не менее 320 тысяч человек. Зеэв Левин, ссылаясь на Йосефа Литвака, приводит цифру в 140–150 тысяч евреев, депортированных со всех аннексированных территорий. В частности, из этих тысяч депортированных была собрана в 1942 г. в городе Самарканде группа еврейских детей, и был организован специализированный детский дом. По некоторым данным там было 150 детей.

Деятельность по созданию детских домов, которые были образованы в этот период, мало изучена, учитывая, что первоначально они были под управлением польской власти. В августе 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии польских граждан, находившихся в заключении в тюрьмах, лагерях и спецпоселениях. Для

344

оказания помощи этим гражданам на местах посольством Польши в СССР, по согласованию с НКВД СССР, стали открываться польские представительства, в том числе в Кировской области, где был также создан детдом для польских детей в Опаринском районе - 80 детей и детский сад в Нагорском районе на 86 детей. Эти заведения вначале полностью содержались на средства, выделяемые польским посольством, включая обслуживающий персонал, состоявший из поляков, но весной 1943 г. они были переданы местным органам власти.

В первой половине 1942 г. при участии Польского посольства в Красноярском крае были созданы: Порожский детдом – 50 детей, Маломинусинский детдом - 171 ребёнок и Большеербинский детдом - 150 детей. Весной 1946 г. эти детские дома выехали на родину.

В книге «Операция Тегеран», написанной Дворой Омер по воспоминаниям Давида Лаора (Лаумберга), отмечается, что польское правительство в изгнании в 1942 г. достигло с руководством СССР соглашения об эмиграции из страны 24 тысяч польских беженцев, в том числе 3000 детей. Среди них было 1800 евреев: 800 взрослых и 1000 детей - почти все они были сиротами. С апреля по август 1942 года группа этих детей в сопровождении взрослых добиралась в Тегеран. Польское представительство в Тегеране приняло решение открыть для еврейских детей сиротский дом. Д. Лаумберг, ранее репрессированный и освобожденный из лагеря, сопровождал детей и был назначен начальником сиротского дома. В январе 1943 г. Еврейское агентство, получив разрешение от британских властей, отправило детей в Палестину. 18 февраля 1943 г. 369 взрослых и 861 ребёнок,

345

из них 719 сирот и 142 ребёнка с одним или обоими родителями, были приняты в еврейский ишув. Ещё одна группа - около 110 детей прибыла в Палестину 28 августа 1943 г. Еврейские дети, доставленные сложным и рискованным путем на свою новую родину, вошли в историю как «дети Тегерана».

Несомненно, в предвоенные годы еще не утихли трагические события сталинских репрессий 1937–1938 годов, когда по сфабрикованным обвинениям в контрреволюционной деятельности, организации террористических актов, в шпионаже и вредительстве были арестованы более 1,5 млн. человек, из которых около 700 тысяч - расстреляны. Решением Политбюро ЦК КПСС от 5 июля 1937 г. жены «врагов народа» по ст. 58 - член семьи изменника Родины - ЧСИР, подлежали заключению в лагеря на 5–8 лет. По оперативному приказу НКВД дети «изменников родины» автоматически считались сиротами. В зависимости от возраста, степени опасности и возможностей «исправления», они подлежали заключению в лагеря, исправительно-трудовые колонии и детские дома особого режима наркоматов просвещения союзных республик. Дети комплектовались таким образом, чтобы родные или знакомые, не попадали в одно учреждение, что становилось трагедией, когда родных детей буквально вырывали из объятий. Заместитель наркома НКВД СССР М. Фриновский в приказе от 20.05.1938 г. отмечал: «В детских домах системы Наркомпроса, где размещены дети репрессированных врагов народа, имеют место грубейшие политические извращения в деле содержания и перевоспитания детей репрессированных родителей.» В документе указывалось, что в ряде детских

домов было враждебное отношение к детям репрессированных и случаи прямого издевательства над ними.

Наиболее известным в истории репрессий стал Акмолинский лагерь, куда ссылали жен - как членов семьи изменников Родины (ЧСИР) - крупнейший женский лагерь, названный в народе - АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников Родины). Всего по этой статье в 1938–1946 гг. отбывали наказание около 6500 женщин, из них более 4500 прошли через АЛЖИР. В лагере родилось более 1500 детей. Биографические интервью и документы детей узниц Акмолинского лагеря, взятые в 2002–2018 гг., в т. ч. медиафайлы в разных форматах, личные документы из семейных архивов, воспоминания, истории семей репрессированных собраны в Фонде «Дети АЛЖИРа».

В письме наркома внутренних дел СССР Лаврентия Бери и прокурора СССР Михаила Панкратьева в ЦК ВКП(б) и в СНК СССР, направленном в феврале 1940 г., сообщалось о том, что, несмотря на снижение в 1935-1939 гг. общей численности беспризорных детей, число преступлений, совершаемых малолетними, за тот же период резко выросло. Оно составляло 6725 преступлений в 1935 г., 17234 - в 1937-м и 20166 - в 1938-м, перед тем как снизиться до 13286 преступлений в 1939 г. Но уже в 1941 г., по данным Емелина С.М., было задержано 312037 беспризорных и безнадзорных детей.

Приведённые цифры подтверждают, что репрессии 1937–1938 гг., присоединение новых территорий с огромным населением, начавшаяся война с Германией, вызвавшая

бегство в СССР сотен тысяч поляков, евреев, и последующая депортация их в Сибирь, а также многие другие проблемы, вызвали рост детской беспризорности и преступности накануне войны. Во многих научных исследованиях, со ссылкой на архивные документы, обращается внимание на переполненность заведений, недостаток финансовых средств для обеспечения деятельности как в обычных детдомах, так и в детских спецучреждениях, колониях перед войной.

Нападение Германии ожидалось руководством страны, однако стремительное наступление на отдельных направлениях немецких войск позволило им за несколько часов продвинуться на десятки километров в глубь советской территории. В сложившейся ситуации в западных областях страны практически не могло быть сколько-нибудь организованной эвакуации людей. Немногим беженцам удалось уйти на восток, большинство из них вынуждены были вернуться.

Исследователи В. Дубсон, П. Рабцевич, Г. Куманев и многие другие отмечают, что первые планы эвакуации из приграничных районов человеческих и материальных ресурсов появились в апреле-мае 1941 г. Однако, представленный Сталину план был отклонен как несвоевременный. Таким образом, к началу войны не было никаких утвержденных планов и необходимой подготовки.

23 июня 1941 г. Сталин дал разрешение на начало массовой эвакуации. Первыми вывезли 14 тысяч детей из детских домов, санаториев и пионерских лагерей. Для помощи беженцам были открыты 24 пункта помощи (в Орше, Витебске, Могилеве и др.)

24 июня был образован Совет по эвакуации во главе с министром путей сообщения Л. М. Кагановичем. Основными целями эвакуации были вывоз промышленных предприятий, сырья и материальных ценностей с угрожаемых территорий.

27 июня 1941 г. согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР первоочередному вывозу на восток подлежали важнейшие промышленные, сырьевые ценности, продовольствие, ответственные партийные и советские работники, квалифицированные рабочие, инженеры, служащие. Из гражданского населения эвакуировались прежде всего молодежь, годная для военной службы, а также женщины и дети, при этом национальный фактор не рассматривался и не играл никакой роли.

В. Дубсон в статье «Эвакуация еврейского населения СССР в 1941–1942 гг.: цифры и факты» ссылается на проект постановления СНК СССР «Об утверждении положения об эвакуации и порядка разработки эвакуационных планов» от 7 июня 1941 г. и отмечает, что в довоенный период были подготовлены планы эвакуации в случае нападения Германии, установлены районы, из которых должна была проводиться эвакуация населения, а также определены категории эвакуируемого населения. В районах развертывания армий – пограничной полосе глубиной 75–100 км перед началом военных действий планировалась эвакуация детей дошкольного возраста и школьников до 15 лет, а также стариков старше 60 лет. Были определены важнейшие центры страны: Москва, Ленинград, Минск, Киев, Одесса. Была запланирована очередность вывоза при эвакуации:

1. Ценное имущество государственных учреждений и предприятий.

2. Дети.

3. Старики.

4. Прочие объекты и грузы.

В начале июня 1941 г. были подготовлены планы эвакуации из Москвы и Ленинграда в которых намечалось с началом войны вывезти по одному миллиону человек.

В. Дубсон обращает внимание, что неожиданность нападения и скорость продвижения немецких войск заставили внести коррективы в планы вывоза населения из угрожаемых зон. В советской историографии подчеркивалось, что эвакуировались в первую очередь детские учреждения, женщины с детьми и люди пожилого возраста, однако, в партийно-правительственных документах по эвакуации, принятых в начале войны, устанавливалась другая очередность вывоза населения. Согласно постановлению от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» эвакуации подлежали «квалифицированные рабочие вместе с эвакуируемыми предприятиями, семьи начсостава Красной Армии, работников НКВД и ответственных советских и партийных работников, дети до 15 лет». В ходе эвакуации в первую очередь должны были вывозиться промышленное оборудование и сырье, историко-музейные ценности и лишь затем население. 5 июля 1941 г. было принято три дополнительных постановления, регулирующих эвакуацию населения. Постановление «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуируемых предприятий» дополняло директиву от 27 июня, где определялось, что эвакуация из прифронтовой полосы должна была производиться по указанию местного военного командования, а также совнаркомом республик,

областных и краевых исполкомов советов, местных органов власти и НКПС.

По данным Центрального статуправления СССР, из учтённого по спискам на 15 сентября 1941г. населения, подлежащего эвакуации (кроме детей из эвакуированных детских учреждений), доля русских составляла 52,9 процента, евреев - 24,8 процента.

В. Дубсон приводит данные, что в не утверждённом Сталиным 5 июня 1941 г. плане эвакуации населения из Москвы в количестве 1.040.000 человек, который он посчитал несвоевременным решением и ликвидировал Комиссию по эвакуации, предусматривался вывоз из столицы, в том числе 482.000 школьников и 226.000 дошкольников. Это сыграло определённую роль в осуществлении проводимой эвакуации из Москвы.

С первых дней начался массовый вывоз детей из города в составе детских садов, школ, детских домов, интернатов. Детей до трёх лет эвакуировали, как правило, с матерями, дошкольники выезжали вместе с детскими садами. Эвакуированных детей размещали в Московской, Рязанской, Ярославской и Тульской областях. Так, вывезенных с 29 июня по 4 июля более 1000 детей школьного возраста из Бауманского района, разместили в основном в нескольких интернатах Михайловского района Рязанской области. К 9 июля из Москвы эвакуировали 409.918 детей и 15.621 взрослых. Всего за первый месяц войны было эвакуировано из Москвы 500.000 детей.

13 августа Совет по эвакуации постановил вывезти из столицы 13.000 детей из детских домов, домов младенца и детских туберкулёзных учреждений. Было решено отправить 1400 испанских детей из московских детских домов в АССР немцев Поволжья.

С приближением линии фронта начался второй этап эвакуации детей. В октябре 1941 г. 20.000 детей из школ-интернатов, ранее эвакуированных из Москвы в Рязанскую область, были отправлены в Молотовскую (12.000), Горьковскую (6.000) и Саратовскую (2.000) области. Из Тульской области вывезли в Саратовскую область 2.170 московских детей, учащихся школ-интернатов. В письме от 8 сентября 1941 г. председатель исполкома Моссовета В. Пронин сообщил Сталину о том, что из Москвы эвакуировались 2.000.000 человек, включая 600.000 детей.

13 сентября Совет по эвакуации дал распоряжение о дополнительной эвакуации детей из Москвы: учащихся школ-интернатов, преподавательский и обслуживающий персонал в количестве 60.000 человек в Горьковскую, Молотовскую, Саратовскую, Сталинградскую и Челябинскую области.

30 сентября 1941 г. началась немецкая операция «Тайфун» по захвату столицы. 9 октября было принято новое постановление «О дополнительной эвакуации женщин и детей из города Москвы». Было решено отправить из Москвы 300.000 женщин и детей в девять областей и автономных республик РСФСР и в Казахскую ССР (80.000 человек). 13 октября Совет по эвакуации распорядился вывезти из столицы 20.000 детей из школ и интернатов в Молотовскую, Горьковскую и Саратовскую области. С 16 по 17 октября было вывезено 150.000 человек.

Предварительный план эвакуации населения Ленинграда был разработан в начале июня 1941 г., но также не был утверждён. На основании этого плана 29 июня 1941 г. было подготовлено постановление СНК СССР «Об эвакуации населения Ленинграда на период военного времени», где предусматривалась эвакуация одного миллиона человек. По данным НКВД, как отмечает Вадим

Дубсон, в Ленинграде к началу войны проживало 2.812.634 человека, в числе которых 591.603 детей. Постановлением СНК СССР от 29 июня 1941 г. о размещении детей из Москвы, Ленинграда в сельских местностях, предлагалось вывезти в Ленинградскую область 300.000 и Ярославскую область 100.000 детей из детских домов, школ, детских садов и яслей.

К началу блокады города было эвакуировано более 311.000 детей, вывезено из Ленинграда 812 детских домов и интернатов с 76.000 воспитанников. Часть детей была направлена в южные районы Ленинградской области. Из-за приближения немецких войск около 170.000 детей к концу лета были возвращены в город, и затем дети вновь эвакуированы в Ярославскую, Кировскую, Вологодскую, Свердловскую, Пермскую области, в Удмуртскую и Башкирскую АССР. С 22 января по 15 апреля 1942 г. через Ладожское озеро было вывезено 554.186 человек, в том числе из детских домов - 12.639 детей.

Предметом диссертации К. Г. Букрениной стали ленинградские детские дома, эвакуированные в Ханты-Мансийский национальный округ Омской области, где рассмотрена деятельность органов власти по спасению жизни детей, повседневная работа детских домов в период с августа 1942 по июль 1945 г. В своем исследовании она делает вывод, что эвакуация населения из Ленинграда (в том числе детей) осуществлялась в три этапа: I этап: 29 июня - 27 августа 1941 г.; II этап: середина сентября 1941г. - апрель 1942 г.; III этап: май - октябрь 1942 г. Всего удалось вывезти из города 1,5 млн человек, из них детское население - 377 788, в их число вошли, вывезенные в организованном порядке в составе детских учреждений - 107 688 детей.

Великая Отечественная война вызвала новый рост численности детей-сирот многие из которых, в силу сложившихся обстоятельств, стали беспризорными и безнадзорными детьми. Экстренная эвакуация детей из прифронтовых и фронтовых районов страны уже в первые недели войны привела к возникновению острой необходимости в размещении детей в уже переполненных детских домах, расположенных в тылу. Численность воспитанников в них увеличивается примерно в 2–3 раза.

Всего за период со второй половины 1941 г. по начало 1942 г. было вывезено 976 детских домов с 167 223 воспитанниками. С первых дней войны проблемы охраны жизни детей, обучения и воспитания приобрела особую актуальность. Принятое с опозданием постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» обязывало Совнаркомы союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся под личную ответственность их председателей обеспечить устройство детей, оставшихся сиротами или потерявших обоих родителей при переезде в другую местность.

В директивных документах НКВД высказывается опасение, что беспризорные дети часто становятся объектом и жертвами физического и морального насилия. Проблема детской беспризорности и безнадзорности в годы войны резко возросла, что повлекло рост детской преступности. Число преступлений, совершенных несовершеннолетними в 1942 г., увеличилось по сравнению с 1941 г. - на 61%, в 1943 г. - на 180,6%, в 1944 г. - на 192,3%. В этой связи СНК СССР разрешил НКВД СССР дополнительно к установленному Постановлением СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 контингенту детей и подростков в колониях НКВД СССР организовать

в 1944 г. детские трудовые воспитательные колонии на 10 тысяч человек, с распределением по республикам, краям и областям.

Обследование детских домов в начале 1942 г. показало массу нерешенных проблем: нехватку педагогических кадров, материального обеспечения: по теплу, свету, мебели, сбалансированного питания, одежды, школьных принадлежностей, лекарств, медицинского обслуживания. Чтобы быстрее освободить места в переполненных детских домах для принятия эвакуированных детей, по воспоминаниям В.В. Багинского, по окончании 5 классов детям выдали свидетельства о рождении «с плюсом в 2 года» и направляли либо на завод, в школы ФЗО, либо в ремесленные училища.

Почти во всех детдомах с начала войны функционировали подсобные хозяйства. Для них выделялись земельные участки, которые, в основном, обрабатывались силами воспитанников. Произведенная в подсобном хозяйстве продукция – овощи, молоко, яйца, мясо на деле нередко являлась основным источником питания в течение года.

В исследовании А. Кагановича, посвященном еврейским беженцам, эвакуированным в Казахстан большей частью из западных республик и областей СССР, приводятся сведения НКВД согласно которым только осенью 1941 г. в Казахстане находилось около 300.000 евреев. Используя системы подсчета и анализа, Каганович считает, что если на 30 августа 1941 г. в Алма-Ате евреи составляли 33,3% от всех беженцев, прибывших туда, то в Казахстане в то же время было 33,9 %, а уже через 3 месяца доля евреев составляла 46,6 %.

По мере освобождения советских территорий от немецкой оккупации необходимо было в срочном порядке решать проблему

размещения находящихся там детей-сирот. На освобождённых территориях помещения детских домов, как правило, были разрушены. В первой половине 1943 г. в стране прошла проверка детских домов, в которых находилось 308 тыс. детей. По её результатам принято постановление СНК СССР от 1 сентября 1943 г., где намечались пути улучшения работы по устройству детей-сирот, устранение скученности детей в детдомах, оборудование необходимым инвентарём, кроватями, мебелью, посудой и др. Вводятся единые нормы снабжения продуктами питания детей и медикаментами детских домов.

Поиск документальных подтверждений по созданию еврейских детских домов на освобожденных после войны территориях СССР показал, что власть знала о существовании реальной проблемы, обнажившей трагедии тысяч семей в городах, селах, деревнях, откуда были изгнаны фашисты. Все это вызывало необходимость скорейшего решения вопросов по обустройству, в том числе еврейских детей – сирот войны в Украине, однако до организации таких заведений дело так и не дошло.

В монографии И.С. Бренера «История создания еврейских детских домов. Драмы и трагедии в судьбах еврейских детей - сирот войны» приводится ссылка на архивные документы - письмо С. Михоэлса, направленное в мае 1944 г. заместителю председателя СНК СССР В. М. Молотову, где говорится о тяжелом моральном состоянии и материальном положении оставшихся в живых евреев в освобожденных районах Украины: Бердичеве, Могилев-Подольске, Балте, Жмеринке, Виннице и др. Это письмо было рассмотрено наркомом внутренних дел СССР Л. П. Берией, который в своем ответе, направленном Молотову, заметил, что необходимо: *«...в первую очередь определить в детские дома детей-сирот и детей остро нуждающихся родителей».*

В докладной записке заместителя председателя СНК УССР И. С. Сенина отмечается, что по фактам, изложенным в письме С. Михозэла, было установлено: «Там, где уже организованы детские дома, размещение еврейских детей производится беспрепятственно. В детском доме города Могилев-Подольска имеется 85 воспитанников, из них 82 еврейских ребенка. В городе Балта учтено 72 еврейских ребенка-сироты, размещено в организованном для них детдоме 58 ребят. Остальные 14 человек взяты местными жителями в порядке патронирования. В Винницкой области размещено в детских домах 316 еврейских детей-сирот». В архивах и публикациях не удалось найти какие действия были приняты по данным фактам, однако приведенные в документе цифры говорят, что в этих городах могли быть созданы еврейские детские дома, чего местная власть не сделала. Дальнейшие события показывают, что небольшое количество еврейских детей-сирот из Винницкой области были позже отправлены в Биробиджанский детдом.

Первые упоминания о создании детских домов на территории Еврейской автономной области нашли отражение в исследовании израильского историка Я. Левави – монографии «Еврейская колонизация в Биробиджане», вышедшей в 1965 г. в Израиле. Он обратил внимание на создание в годы войны 5 детских домов для приема детей-сирот войны в городе Биробиджане, селах Валдгейм, Бира, Лондоко и поселке Смидович.

За год до окончания войны 24 мая 1944 г. на заседании бюро обкома ВКП(б) и исполкома было принято важное решение о передаче зданий и сооружений для обустройства детских домов, а также план переселения эвакуированных еврейских детей-сирот на 1944–1945 гг. В нем говорилось: «1. Одобрить инициативу ряда артелей облпотребсоюза и комсомольских организаций, организовавших сбор средств на строительство детских домов для

детей-сирот, пострадавших от немецкой оккупации». Также предлагалось провести разъяснительную работу и организовать сбор средств на специальный счет в банке для строительства двух детских домов.

Это решение нашло широкую поддержку в области и позволило руководству партийных и советских органов принять весьма смелое решение – написать открытое письмо Сталину с просьбой о создании в области двух детских городков для еврейских детей-сирот. В газете «Биробиджанская звезда» обращение и ответ были опубликованы 28 мая 1944 г. В нем говорилось, что трудящиеся области собрали 1 662 000 рублей в фонд помощи детям, пострадавшим от немецкой оккупации. Констатировалось, что тысячи еврейских детей, эвакуированных из угрожаемых районов, остались сиротами и высказывалась просьба разрешить организовать в области два детских городка для еврейских детей-сирот на 2–2,5 тысячи человек.

Реакция Сталина, следует признать, была быстрой. Он одобрил инициативу трудящихся ЕАО по существу, но не акцентировал внимание на национальной стороне вопроса, что там будут устроены еврейские дети – сироты войны.

В газете «Эйникайт» - органе ЕАК (тираж 10000 экз.) эта новость вышла с подзаголовком: «Еврейская автономная область строит для еврейских детей-сирот два городских детских дома». Обращение к Сталину и его поддержка стали известны зарубежной общественности, учитывая широкий круг распространения издания.

В феврале 1945 г. бюро обкома ВКП(б) и исполком ЕАО поддержали инициативу колхоза «Валдгейм» об организации детского дома. Эта инициатива нашла поддержку и со стороны американской общественной организации «Амбиджан», начавшей отправку подарков для детей-сирот в Биробиджан.

Немногим ранее было подготовлено распоряжение СНК СССР от 30 января 1945 о передаче помещений Теплоозерского цементного завода на станции Теплое озеро Дальневосточной железной дороги для переоборудования и создания детского дома. О том, что это решение обрело реальное значение, следует из письма заместителя наркомпроса РСФСР Борисова от 23 февраля 1945 г., направленного в Кировскую областную администрацию, в котором указывается: «Распоряжением СНК СССР от 30 января 1945 г. № 1467 в Еврейской автономной области организуется детский дом, который должен быть укомплектован еврейскими детьми-сиротами. Прошу проверить по детским домам наличие детей-сирот, владеющих еврейским языком и могущих быть переведенными в этот вновь открываемый детский дом. Одновременно проверьте наличие воспитателей и учителей, владеющих еврейским языком. О количестве детей-сирот и педагогов сообщите немедленно».

Совнарком увязывает это Распоряжение с решением областной власти по обустройству помещений для приема эвакуируемых еврейских детей – сирот войны. Краевед А. Рашковский приводит ответ на данное письмо, где говорится, что: «...в Кировской области еврейских детей-сирот 20 человек, но они не владеют еврейским языком. Есть 15 человек педагогов и воспитателей, владеющих еврейским языком, но все они эвакуированы из Ленинграда (большинство) и южных областей европейской части СССР». Можно предположить, что такие запросы наркомпрос РСФСР направил и в другие детские дома в поиске еврейских детей для отправки в Биробиджанский детдом.

В 1946–1947 гг. центральные и местные СМИ информируют о ходе переселения в ЕАО. Бедственное положение евреев, сложившееся на освобожденных территориях Украины, привело власти к решению о формировании эшелонов с переселенцами,

включая еврейских детей – сирот войны, и переселении их в Биробиджан. Приезд второго эшелона летом 1947 года стал событием, к которому основательно готовились, его вышли встречать тысячи человек под звуки трех оркестров. Переселенцы были поражены и глубоко тронуты торжественной встречей прибывшего эшелона руководителями области, у многих на глазах были слезы.

Об истории отправки этого эшелона, где были еврейские дети-сироты, написал, в том числе, еврейский писатель Дер Нистер в очерках «Со вторым эшелонем» в газете «Эйникайт» и «С переселенцами в Биробиджан» в журнале «Геймланд». Писатель отмечает, что: «...из 993 новоселов в нашем эшелоне количество детей в возрасте от года до шестнадцати составляет почти треть...». Он делает зарисовки детских фигур, описывает обустройство еврейских детей-сирот в специальном вагоне, который получил название «детский дом», где даже установили пианино и проводили занятия.

Архивные документы ЕАО подтверждают, что в 1947 г. в Биробиджанский детдом было переведено более 200 детей, в том числе из европейской части СССР прибыло – 19 детей, как указано из: Могилев-Подольска, Подольска, Могилева, Жмеринки, Тайсена, Сарны, Бершадь, Бердичева, Винницкой области. Однако, известно о небольшом количестве поступивших детей-сирот в конце 1947 и в 1948 г. Вполне возможно, что в архиве не сохранились документы о детях, привезенных из других регионов страны.

Бывший биробиджанский детдомовец Мойше Цехтик отмечает в своих воспоминаниях: «В еврейский детдом были доставлены дети из Украины, Белоруссии, Молдавии и с других концов Советского Союза». Он описывает жизнь в детдоме, а также как искусственно его закрывали, предлагая сменить им еврейские имена и фамилии на

русские, отправив большинство воспитанников в различные ремесленные училища.

В журнале «Найлебн» (апрель, 1947), в статье «Судьба евреев и историческое значение Биробиджана» говорится, что в 1945–1946 гг. ЕАО решила прийти на помощь и стала домом для 3,5 тысяч еврейских сирот войны. Ради этих сирот в США обществом «Амбиджан» был организован сбор средств для осуществления помощи Еврейской автономной области. За 1945–1948 гг. в ЕАО прибыло различных «подарков» на сумму свыше 6 млн рублей, в том числе оборудование, машины, различная одежда, обувь и продукты питания.

Создание Биробиджанского еврейского детдома, где были собраны еврейские дети из районов области, а также дети, прибывшие из западных регионов страны, открытие еврейской школы, переписка с «Амбиджаном», получение помощи из США легло в основу предъявленных обвинений в служебных злоупотреблениях и уголовных делах, возбужденных в отношении руководителей области А. Бахмутского и М. Зильберштейна, которых сняли с работы, исключили из партии, арестовали и вынесли смертный приговор, замененный затем на 25 лет тюрьмы. Директор Биробиджанского еврейского детского дома М. Хазанский был снят с работы несмотря на возражение коллектива, о чем подробно говорится в протоколах партийного собрания детского дома, копии которых впервые увидели в 2023 г. его дочь и внуки.

Возможно, впервые об истории создания еврейских детских домов в городах Литвы Каунасе и Вильнюсе написал Иосиф Гар в книге «Ин гелойф фун хореве хеймен» (אין געלויף פון חורבן חיימ'ן - «В бегстве из разрушенных домов»), вышедшей в 1952 г. в Нью-Йорке. Он отмечает, что в первые недели после освобождения территории

от фашистов перед немногими уцелевшими евреями Ковно встал вопрос, что делать со спасенными еврейскими детьми, чьи родители были убиты или депортированы в Германию. Осенью 1944 г. еврейская община начала собирать осиротевших детей и распределять по еврейским семьям, когда их количество достигло 100, стало понятно, что необходимо создавать для них детский дом.

За созданием еврейских детских домов стоял еврей – военный врач Иосиф Ребельский, главный психиатр Западного, а затем 3-го Белорусского фронтов в 1941–1945 гг. Разумеется, это не осталось без внимания властей Литвы, организовавших проверку в октябре 1944 г. В документе говорилось, что еврейская община Вильнюса потребовала от партийных и советских организаций Литвы создания особых еврейских школ, детского дома и детского сада только для еврейских ребят и такое согласие было получено.

Известно обращение к руководству республики С. Михоэlsa и Ш. Эпштейна об оказании помощи еврейским детям-сиротам в котором говорится, что в Вильнюсе и Каунасе существуют детские дома-школы, где собраны 600 еврейских детей-сирот: «... Эти дети пережили весь ужас приговоренности к смерти, на их глазах были зверски умерщвлены их родители, братья и сестры». Они просили выделить для детей и персонала одежду и обувь из американских подарков.

Трагична судьба Иосифа Ребельского, в мае 1948 г. он был арестован по сфабрикованному обвинению, ему также вменили: «махинации по обеспечению организованных им еврейских детских домов», что и стало причиной ареста. Через год он умер в больнице Бутырской тюрьмы. Не пощадили и директора Вильнюсского еврейского детского дома Цвию Вильдштейн, которая с Ребельским его создавала, а также учительницу Захаву Бургин, которых отправили в ИТЛ в 1946 г. Их воспоминания о работе в еврейском детдоме,

опубликованы в книгах «Из ада в ад» и «Такой была учительница Захава» (изданы на иврите и идиш).

В 2020–2021 гг. на иврите и русском языках вышла в Израиле небольшим тиражом книга «Записи воспоминаний» бывшего детдомовца Меера Рабинера. Одна из глав книги - «Еврейский детский дом в Каунасе», посвящена описанию жизни детей, попавших в этот приют. Меер рассказал, что в Каунасе собрали много беспризорных еврейских детей, прятавшихся на чердаках и в подвалах. Именно Иосиф Ребельский создал для еврейских детей-сирот детский дом № 4. Дети и воспитатели часто говорили между собой на идиш. Все получили новую одежду, обувь и радовались обновкам. Трижды в день их кормили. После завтрака шли заниматься в еврейскую школу, которая находилась на другом этаже в доме, где учителя преподавали на идиш. Мальчики и девочки спали в разных комнатах, у каждого была своя кровать. Но как-то раз пришла проверка, было отмечено, что в детдоме слишком много детей, часть перевели в другой детдом, а потом еврейский детдом закрыли.

Об истории спасения детей Каунасского гетто вышла в 2011 г. книга: «В мешках из-под картофеля. 50 историй о тайно вынесенных из Каунасского гетто детях», изданная на английском, иврите и литовском языках. Её авторы С. Абрамович и Я. Зильберг рассказывают о судьбах около 60 детей, часть из которых попала в Каунасский еврейский детдом. Одна из них - Далия Хофмеклер-Гинзбург, просто чудом уцелела в гетто, потом попала в Каунасский, а затем в Вильнюсский еврейский детдом, в настоящее время живет в Ашдоде.

Закрытые советской властью еврейские детские дома в Вильнюсе, Каунасе, Биробиджане остались лишь в памяти немногих

оставшихся в живых воспитанников и их родных, бережно хранящих семейную историю в личных документах, фотографиях и воспоминаниях.

Литература

1. Бренер И.С. *История создания еврейских детских домов. Драммы и трагедии в судьбах еврейских детей-сирот войны.* Хабаровск, 2024.
2. Вадим Дубсон. Эвакуация еврейского населения СССР в 1941–1942 гг.: цифры и факты // *В тени Катастрофы: Беженцы, эвакуация и блокада. Неопубликованные воспоминания беженцев, блокадников, эвакуированных. СССР, 1939–1946.* Иерусалим, 2021. С. 505–524.
3. Альберт Каганович. «Еврейские беженцы в Казахстане в годы Второй мировой войны» // *5-я международная конференция. История, Память, Люди.* Алма-Ата 28.10.2010
4. *Еврейские беженцы и эвакуированные в СССР, 1939–1946.* Сборник статей, документов и свидетельств. Иерусалим, 2020
5. *Дети ГУЛАГа. 1918–1956.* Под ред. акад. А. Н. Яковлева. - М.: МФД, 2002. - 631 с.
6. *Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации. 1938–1953 /* под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. Г. В. Костырченко. – М.: МФД: Материк, 2005.
7. Программа «Дети АЛЖИРа». Фонд 54.
<https://archive.memo.ru/RU12707902-arch-054-8>

Иосиф Бренер

Роль цензуры в жизни эвакуированных

С началом войны вся работа цензуры была в корне перестроена. Государство стремилось не только защитить свои военные секреты, сведения об оборонной промышленности, ресурсах, местоположении стратегических резервов, но и контролировать внутривнутриполитическую ситуацию в стране. В случае необходимости с помощью цензуры можно было скрыть правду о действительном положении на фронте и в тылу, уровень потерь, ошибки и просчеты, не позволить гражданам выражать недовольство представителями власти.

Цензура непосредственно отразилась на судьбе евреев: (1) притупила бдительность и скрыла правду о смертельной опасности, исходившей от нацистов, препятствуя своевременной эвакуации, (2) затруднила коммуникацию семей эвакуированных с их родными и близкими в Красной армии, (3) преуменьшала или скрывала вклад евреев в борьбе с общим врагом в тылу и на фронте, (4) замалчивала масштабы жертв нацистского геноцида, что привело к отрицанию Холокоста.

Соблюдение тайны частной переписки отменялось. Перлюстрация писем становилась обязательной и открытой. Большое распространение получили «письма-треугольники», которые для удобства проверки не заклеивали. При этом объем работы цензоров, интенсивность труда и продолжительность их рабочего дня были настолько велики (600 писем и открыток за 10-часовой рабочий день), что некоторая часть неразрешенной информации просачивалась незамеченной. Вот почему на письма ставили печать “Просмотрено”, а *не* “Проверено” военной цензурой, что по содержанию принципиально отличалось. Для облегчения работы цензоров в начале войны было принято

решение ограничить размер стандартного письма четырьмя страницами почтового размера. В конверты не разрешалось вкладывать дополнительные листы из папиросной бумаги, рекомендовалось широко использовать почтовые открытки.

Цензура запрещала указывать цены на товары и услуги в тылу, распорядок работы предприятий и учреждений, характер произведенной продукции и т. д. Она пугала и запрещала, не позволяла открыто выражать свои чувства, строить планы, размышлять и давать оценки происходящему, критиковать руководителей и начальников, выражать сомнения и недовольство. Родители часто не знали, где служат их дети, братья и дяди, на каком фронте, не говоря уже о военной специальности и должности. Никто в тылу не представлял степень риска и тяжесть испытаний, которым подвергались фронтовики. Выражать недоверие властям, сомнение в их действиях считалось непатриотичным шагом.

Военная цензура породила «заговор молчания» в отношении евреев, которых государство не предупреждало о смертельной опасности, несмотря на то, что летом 1941 г. в Кремле уже были осведомлены о массовых расстрелах евреев. В советской служебной переписке указывалось, что вся нацистская пропаганда и агитация, устная и письменная, выступает «под флагом борьбы с жидами и коммунистами, которые трактуются как синонимы». В августе 1941 г. в зашифрованных советских сообщениях о положении в оккупированных областях Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Молдавии и Белоруссии приводились многочисленные примеры расправ над евреями, и делал вывод: «Еврейское население подвергается беспощадному уничтожению».

Перед властными структурами, партийными комитетами, общественными организациями, милицией и службой безопасности не ставилась задача обеспечить заблаговременный уход в тыл евреев как самой уязвимой части советских граждан. Это привело к тому, что женщины, старики и дети после того, как их отцы, мужья и старшие братья были мобилизованы в Красную Армию, фактически оказались брошенными на произвол судьбы.

Такая политика режима имела свою логику. В Москве считали, что особые мероприятия по спасению еврейского населения: (1) подтвердят тезис нацистской пропаганды о господстве в СССР «жидов и комиссаров», (2) вступят в противоречие с декларациями о равноправии и дружбе всех народов страны, (3) приведут к межнациональным трениям и раздорам, а также помешают мобилизовать население на отпор врагу в тылу и снизят боеспособность Красной Армии.

В результате 3 млн. чел. из 5,5 млн евреев, находившихся на территории СССР к июню 1941 г., оказались застигнуты врагом и стали жертвами нацистского геноцида. Если в месяцы войны можно было сослаться на недостаточную осведомленность о намерениях Германии «окончательно решить» еврейский вопрос, то в 1942–1943 гг. судьба евреев не составляла никакого секрета. Несмотря на это, ни один официальный документ ЦК ВКП(б), СНК СССР, Ставки Верховного главнокомандования Красной армии и Центрального штаба партизанского движения не содержал указания уделить внимание трагической судьбе евреев, спасти уцелевших.

Основные изъятия подчинялись общему требованию не раскрывать оборонный потенциал Красной Армии, а также все, что имело к этому отношение. Но существовали и конкретные

требования - наличие продовольственных и промышленных товаров, их ассортимент в государственной торговле и на свободном рынке, расписание движения поездов, размещение фабрик и заводов, производительность труда, названия промышленных предприятий, наименование выпускаемой продукции, фамилии руководителей производства и административных работников и др. Порой, дело доходило до курьеза, когда военный цензор вычеркивал из письма цены на дрова на местном рынке.

Суровые требования цензуры заставляли часто прибегать к оказии вместо того, чтобы пользоваться государственной военно-полевой почтой, услуги которой предоставлялись бесплатно. Иногда в письмах с оказией люди не указывали адрес и фамилию получателя во избежание возможных гонений за непроверенный цензурой текст. Некоторые авторы для того, чтобы обойти цензуру и выразить то, что их волновало, использовали намеки, сокращения, иносказания и аллегории, чтобы поддержать в переписке правдивый тон, сохранить искренность мысли, не нарушить чувство доверия. И Намечавшийся переход в наступление называли «сюрпризом» для врага, «сверху падают некоторые предметы» (бомбардировка), «у нас здесь очень много грома, а вообще, я устал, я не прочь попасть в наркомздрав (Народный комиссариат здравоохранения), но тут ближе наркомзем» (Народный комиссариат земледелия) - имелось в виду, что риск погибнуть в бою был гораздо выше, чем выжить.

Для того чтобы обойти цензуру фронтовики использовали прием повествования о себе в третьем лице единственного числа, что позволяло солдату с определенной долей осторожности описывать подлинные события, приводить географические

названия, маршрут движения, адреса, имена действующих лиц, их должности и даже некоторые цифры. Однако при условии, что речь шла не о том месте, откуда было послано письмо, и не от первого лица, т. е. не от имени реального автора письма, якобы, в виде рассказа о другом человеке. Расчет делался на то, что, по логике цензуры, письмо с запрещенными подробностями, попав в руки к неприятелю, не раскроет для него военную тайну.

Особо внимание цензоров привлекали не военные секреты, которые якобы могли содержаться в письмах неосторожных авторов или “агентов врага”, решивших воспользоваться услугами почты для передачи информации, а письма о “политике” (отношение к советскому руководству, неверие в победу, пораженческие настроения и т.д.). Негативные отклики главным образом касались продовольственных затруднений населения, необеспеченности жильем и отсутствия необходимой помощи семьям военнослужащих со стороны районных и сельских организаций. Люди жаловались на материальные затруднения и бездушное бюрократическое отношение к ним местных руководителей. Из сельскохозяйственных районов области писали о больших налогах, как натуральных, так и денежных, и о трудностях уплаты их.

Отрицательных сообщений могло быть больше, но люди, воспитанные в условиях шпиономании и подозрительности предвоенных лет, не без основания опасались доверять бумаге свои мысли. Эвакуированные избегали обсуждения политических проблем, уделяя основное внимание описанию бытовых трудностей и критике нижнего и среднего звена бюрократического аппарата. Письмо с негативной информацией, в лучшем случае,

конфисковали. В худшем – направляли в оперативную разработку со всеми вытекающими последствиями для автора и получателя.

Письма поступали для проверки на разных языках. Кроме русского, который составлял подавляющее количество почтовых отправлений, цензоры читали письма на других языках народов СССР и основных европейских стран. В месячном отчете военной цензуры за ноябрь Управления Народного комиссариата госбезопасности по Свердловской области только в 1943 г. было прочитано 1 млн. 21 тыс. 556 писем, в т. ч. “национальных писем” 230 тыс. 107, что составило 22, 5%.

Выбор языка не обязательно зависел от желания участников переписки скрыть свои мысли от цензуры. Главной причиной было желание людей объясняться на родном языке, который был им ближе и понятнее русского. Адрес в таких письмах в любом случае всегда писали по-русски. При этом нельзя отрицать, что письма на национальных языках порой были более откровенными и содержательными. Письма на всех языках, кроме русского, досматривались на общих основаниях, поэтому неправомерно считать, что национальные языки использовались, как средство обойти цензуру, но их перлюстрация требовала больше времени и шло к адресату такое письмо намного дольше.

После окончания войны объем работы цензору уменьшился, сократилось количество цензоров. На почтовых отправлениях исчез штампель «просмотрено военной цензурой». Военным разрешили писать, где они служат. На конвертах теперь можно было увидеть упоминание населенного пункта (города, деревни, поселка), области, республики и номер воинской части. При этом по-прежнему нельзя было упоминать специфику военной службы, хотя род войск перестал быть фигурой умолчания.

Неограниченная цензура почтово-телеграфных сообщений в Советском Союзе в 1941–1945 гг. привела к тому, что большинство писем стали невыразительными по своему содержанию, примитивными по изложению и несли минимум информации. Главным образом, они служили каналом связи между родными в Красной Армии и их семьями в эвакуации, а уже потом источником информации, сообщавшим о подробностях жизни родных и близких в тылу. Военные методы руководства гражданским обществом в Советском Союзе после 1945 г. принципиально не изменились. Тоталитарный режим сохранил свою природу и не собирался уступать место гражданскому обществу со свободой печати, собраний и тайной переписки.

Библиография

1. Александр Смыкалин. *Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР*. СПб, 2008 г.
2. А.А. Винокуров, С. Б. Ткаченко. *Военная цензура в СССР 1941–1953*. Москва, 2012 г.
3. Арлен Блюм. *Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953 гг.* СПб, 2000 г.
4. Татьяна Горяева. *Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг.* Москва, 2002 г.
5. Леонид Смиловицкий. *Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944–1956 гг.* Иерусалим, 2015 г.

Леонид Смиловицкий

Связь эвакуированных евреев с границей

Начало советско-германской войны положило конец изоляции советских людей от внешнего мира. Поражения на фронте, огромные потери территории и ресурсов вынудили власти СССР изменить подходы во внешней и внутренней политике. Советский Союз полностью изменил свое отношение к прежним друзьям и врагам. Нацистская Германия из союзника стала врагом, а американские и английские «империалисты» - соратниками по борьбе с Гитлером. Начался поиск сочувствия, поддержки и помощи у всех, кто мог ее оказать, были созданы антифашистские комитеты, внесены изменения в национальную и религиозную политику, начала выходить на идиш газета «Эйникайт», а Соломон Михоэлс послан во главе делегации еврейской интеллигенции в США, Канаду, Мексику, Великобританию собирать пожертвования в помощь Красной армии.

Связи с внешним миром были искусственно ограничены в СССР с 1929 г., чтобы предотвратить любую негативную информацию о сталинской перестройке, репрессиях, русификации и милитаризации общества. Частная переписка с границей частично еще оставалась за счет вновь присоединенных территорий - Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии. После нападения Германии летом 1941 г. в Советский Союз широким потоком двинулась военная и экономическая помощь из-за границы. В свою очередь это вызвало отмену запретов государства на общение людей по разные стороны границы, что не замедлили почувствовать на себе евреи, которые составляли значительную часть граждан, выехавших из Российской империи.

В годы войны письма из Средней Азии и Казахстана шли в Палестину через Индию и Иран. Из Москвы в США – через Архангельск и далее с помощью военно-морского конвоя, через Атлантический океан. Такой обходной путь, занимавший много недель, был необходим, чтобы миновать театр военных действий. Письмо в одну сторону шло от трех недель до полутора месяцев, но люди не жаловались, важен был результат, чтобы письмо, в конце концов, попало в руки адресата.

Частная корреспонденция за рубеж делилась следующим образом: (1) письма родственникам из СССР, (2) в советские учреждения из Палестины, США и других стран, авторы которых были обеспокоены судьбой своих родных, (3) от советских евреев в советские государственные учреждения и ЕАК с просьбой оказать содействие в поисках родственников за границей, (4) запросы многочисленных еврейских землячеств выходцев из бывшей Российской империи из США, Палестины, Канады, Аргентины в городскую синагогу.

Евреев, писавших за границу, условно можно разделить на две основные категории. К первой относились советские евреи, проживавшие в стране в границах до 1939 г., а ко второй - еврейское население, которое попало в состав СССР в 1939–1940 гг. С началом войны «иностранные евреи» оказались в наиболее бедственном положении. Они не были привычны к физическому труду, не приспособлены к примитивному быту, не знали русского языка, местных обычаев, не имели возможности соблюдать еврейскую традицию и кашрут.

Евреи, ставшие советскими гражданами после 1939 г., смелее обращались с просьбами в советские государственные инстанции, включая руководителей страны, искренне полагая, что имеют на это право и снимут бремя заботы о себе с советских учреждений, отвечавших за устройство беженцев. Ответы из советских учреждений были уклончивыми, но не

содержали категорического отказа. Только небольшая часть из этих новых советских граждан в последствие получила право на воссоединение с семьей, проживающей за границей.

В переписке с заграницей использование русского языка считалось предпочтительным, поскольку любое письмо не порусски вызывало у цензуры повышенное внимание. Считалось, что это может задержать, вызвать дополнительную проверку, результаты которой могли оказаться непредсказуемыми. При появлении подозрений автора брали на заметку, а письмо становилось вещественным доказательством «крамолы». Опыт жизни в Советском Союзе безошибочно подсказывал людям линию поведения. Важно было сделать так, чтобы переписка не прерывалась и оставалась регулярной.

Большинство писем за границу отправлялись в открытом виде с помощью почтовых карточек в надежде, что это облегчит работу цензуры и ускорит сроки получения адресатом. Соображения экономии места требовали продумать каждое предложение и слово. Бисерным почерком были изложены события семейной жизни и заданы вопросы, волновавшие людей на разных концах света. Письма, отправленные в конвертах, имели ограничения в весе, но там, в отличие от открыток, можно было написать подробнее. Если культурный уровень был достаточен, то это позволяло подробно передавать эмоциональные переживания, рассказать о буднях и надеждах. Такие письма дают представление об окружающей атмосфере, условиях жизни и работы в тылу. Многие из них очень трогательны по своему тону и передают бережное отношение к членам семьи, разделенным тысячами километров и международными границами.

В письмах за границу из СССР не найти обсуждения политического строя, не встретить и намёка на предвоенные репрессии, депортации, конфискации, советизацию,

правомерность политики коммунистической партии и советского государства. Зато можно было прочесть о преимуществах социализма перед капитализмом, правомерности классовой борьбы. Самоцензура была настолько велика, что в них нельзя было прочесть о тяжелом материальном положении, трудностях жизни в эвакуации, голоде, взаимоотношениях с местным населением, не говоря уже о конфликтах на национальной почве и критике властей. Однако, читая между строк, можно было о многом догадаться.

Разрешение переписываться с Палестиной было знаменательно. Сионизм в СССР считался враждебной идеологией, поскольку доказывал необходимость исхода евреев из стран рассеяния и построения национального очага только в Палестине. В этой связи восстановление легальной почтовой связи с Тель-Авивом можно рассматривать как большую уступку со стороны Москвы великим державам. Бывших сионистов, включая тех, кто получил срок и отсидел в лагерях или отбыл в ссылке, начали призывать в Красную армию на общих основаниях. Сохранились письма этих людей, которые называли себя советскими патриотами, в то же время ощущали себя евреями. Палестина для них оставалась исторической родиной.

Палестинское информационное Бюро по делам еврейских беженцев в СССР в 1942 г. направило из Тель-Авива в адрес советских представительств в Стамбуле, Анкаре, Бейруте и Каире письмо солидарности и восхищения стойкостью и героизмом Красной армии. При этом отмечалась храбрость евреев в борьбе с немецким фашизмом. Также подчеркивалось, что палестинское еврейство, которое добровольно послало тысячи своих сынов и дочерей в ряды Британских вооруженных сил сражаться против общего врага, было готово сделать все что можно для окончательного поражения нацизма. Одновременно выражалась надежда, что советское правительство с симпатией отнесется к

желанию еврейского народа восстановить свою национальную жизнь на основе равенства со всеми свободными народами и пожелает освободить ссыльных и арестованных евреев в СССР, задержанных за их сионистские взгляды и деятельность на ниве еврейской культуры и традиции.

Палестина еще раз напомнила о себе в 1944 г. после вступления Красной армии на территорию Юго-Восточной Европы. Судьба евреев Болгарии, Румынии и Венгрии принципиально отличалась от того, что произошло с евреями Польши и Чехии, почти полностью уничтоженными нацистами. В письмах и дневниках евреев-красноармейцев, рассказывается, какое впечатление они произвели на местные еврейские общины. Общению помогал идиш, а Палестина упоминалась как убежище всех евреев. Советские евреи в военных шинелях удивлялись сохранившейся национальной и религиозной жизни. Они не понимали, как буржуазное государство позволяло евреям придерживаться традиции, не чинило препятствий посещать синагогу, не говоря уже о том, что, в отличие от СССР, границы этих стран не были заперты на замок.

Отличительной особенностью писем, отправляемых из СССР за границу, была вера в победу, что отвечало общепринятой точке зрения, это было патриотично, приветствовалось властями и благосклонно принималось цензурой, придавало уверенности, что справедливость восторжествует.

В то же время письма содержали трагические известия о гибели родных от рук нацистов на оккупированной территории. Часть из них была обнародована в книгах памяти на идиш, иврите и английском языке, изданных в Израиле и США в послевоенные годы. Другая часть писем, отражавшая тему Холокоста, была написана евреями, выжившими на оккупированной территории. Третья часть писем,

принадлежала евреям вернувшимся из эвакуации, которые застали развалины своего дома, разоренный край, погибших родных и исчезнувшую еврейскую общину. Они отвечали на запросы своих родных и соседей из-за границы, интересовавшихся судьбой уцелевших. Фактически это были первые свидетельства о геноциде евреев, поступавшие за границу сразу после освобождения оккупированной территории.

Евреи в Палестине с началом войны с огромной тревогой следили за развитием событий на советско-германском фронте. Начали возникать общественные организации, собирались пожертвования в помощь Красной армии. Через дипломатические миссии и Красный Крест шел поиск евреев, бежавших из прифронтовой полосы и эвакуированных в советский тыл. С 1942 по 1943 г. только из Палестины в СССР было направлено 7 тыс. запросов и свыше 1 тыс. запросов поступило из СССР в Палестину.

В Тель-Авиве было организовано Центральное справочное бюро по розыску еврейских беженцев, которое публиковало в прессе Ишува списки из СССР. В августе 1943 г. *Jewish Morning Journal* (New York) благодарила Еврейский антифашистский Комитет в СССР за информацию о культурной и религиозной жизни и спрашивала, возможно ли через газету *Эйникайт* установить место нахождения беженцев из Белоруссии и Украины? В октябре 1945 г. издательство "Левант" из Тель-Авива послало запрос на пять списков имен спасшихся евреев, о которых сообщалось в радиопередаче из Москвы. Учитывая важность международного общественного мнения, советский режим прилагал определенные усилия для выполнения таких просьб. Однако по объективным причинам, предоставляемые сведения не могли быть полными.

Еврейское информационное бюро, Лига «V», другие общественные организации установили связь с советскими дипломатическими миссиями в Турции, Ливане, Египте и

Иране. Переписка велась на русском языке, доступном обеим сторонам, хотя при необходимости дублировалась на английском языке. Палестинская сторона сознательно предпочитала русский, полагая, что это поможет ей скорее донести до сознания советских дипломатов *содержание их просьбы*. В переписке участвовали Народный комиссариат иностранных дел, международный Красный Крест, органы местной советской власти и партийные комитеты.

Совет землячеств выходцев Польши, Литвы, Латвии, Бессарабии, Буковины, Украины и Белоруссии при Центральном Информационном Бюро по делам еврейских беженцев в СССР просил содействия у советского представительства в Палестине. В Обращении говорилось, что родственники беженцев и эвакуированных евреев – их родители, дети, братья, сестры и т. п. горели желанием установить с ними почтовую связь и оказать посильную помощь. Однако это стремление встретило такие формальные ограничения, которые делали эту помощь почти невозможной. Кроме того, с началом войны денежные переводы из-за границы потеряли смысл. За один фунт стерлингов на свободном рынке в районах эвакуации давали один фунт хлеба. 30 июля 1942 г. был сделан запрос разрешить посылать в СССР поддержанную одежду, а также отменить пошлину на посылки в СССР. За это время в СССР с помощью Палестинского еврейского бюро (Jewish Agency) только через Тегеран было выслано около 27 тыс. продовольственных и вещевых посылок. Из них 16 тыс. были бесплатными или со значительной скидкой, превышающей 50% стоимости посылок. Из Тель-Авива сообщали, что в случае отмены пошлины количество посылок, отправляемых в СССР, можно было легко удвоить.

Однако достигнутые результаты не удовлетворяли. Все попытки землячеств из Тель-Авива вступить в переписку с организациями, занимающимися регистрацией и помощью

беженцам в СССР, остались безуспешными - к Центральному Бюро по розыску эвакуированных в Бугуруслане, к еврейскому Комитету беженцев в Ташкенте, к Еврейскому антифашистскому комитету в Куйбышеве. На все обращения к названным учреждениям, за исключением Еврейского комитета в Ташкенте, ответа не последовало.

Комитет землячеств попытался добиться разрешения помещать списки разыскиваемых евреев в советской периодической печати по примеру Палестины, но встретил отказ. В 1942 г. Комитет обратился непосредственно в советские городские исполнительные комитеты (горсоветы) 48 городов страны, где были сосредоточены основные потоки беженцев, с просьбой помочь в этом гуманном деле, но и здесь успех был только частичным.

Религиозные евреи, оказавшись в эвакуации, в письмах за границу предпочитали умалчивать о соблюдении ими традиции, поэтому не случайно упоминание о Рош-га-Шана, Йом-Кипур, Суккот, Пурим, Песах, брит-мила, кашруте, выпечке мацы, хупе или посещении синагоги (*миньяна*) встречается редко. В целом, участники переписки были убеждены, что после победы над Германией письменная связь с заграницей станет естественным продолжением мирной жизни. Никто не догадывался, что очень скоро послевоенное строительство будет омрачено холодной войной и последующей за ней самоизоляцией СССР от остального мира на полвека. Преследование советских граждан, поддерживавших частную переписку с заграницей, показало лицемерие государства, принявшего облик сталинского социализма. Отношение к своему будущему после победы над Германией, отличалось у советских евреев (в границах до 1939 г.) от евреев Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии. Если первые были уже достаточно ассимилированы и не видели для себя другой перспективы, как реэвакуация и возврат к мирной

жизни, то вторые – искали возможность выехать из Советского Союза и, когда она представилась, воспользовались этим.

Библиография

1. *To Pour Out My Bitter Soul. Letters of Jews from the USSR 1941-1945.* Edited by Arkadi Zeltser. Yad Vashem, Jerusalem 2016.
 2. Михаил Агапов. «Движение в поддержку Советского Союза в еврейской Палестине в годы Великой Отечественной войны» // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*, 2012 г., № 2. с. 47–53.
 3. *Советско-израильские отношения.* Сборник документов 1941-1953. В 2-х книгах / Под ред. Б.Л.Колоколова, Э.Бенцура, Москва 2000, т. 1, кн. 1.
 4. «Hebrew Letters from the Soviet Union 1947-1948» // *Behinot. Studies on Jews in the USSR and Eastern Europe.* Jerusalem – Tel Aviv, 1979. Vol. 8-9, pp. 283-298.
- 283-'. עיון ומחקר בבעיות יהודי ברית המועצות ומזרח אירופה. כרך 8-9, ע' 289 תל אביב, [1979]
5. Леонид Смиловицкий. «Евреи из СССР пишут за границу. Письма и дневники второй мировой войны как исторический источник» // *Русский архив*, 2017 г., № 5 (1), с. 12–32, №5 (2), с.106-124.

Леонид Смиловицкий

Культура идиш в годы войны

Культура идиш как последовательная государственная политика первого десятилетия советского государства была призвана решить «еврейский вопрос» в СССР. Пролетарская культура идиш должна была противостоять ивриту сионистов и верующих евреев, не собиравшихся отказываться от национальной истории и традиции. Идишисты разделяли идеалы большевизма, но сопротивлялись курсу на ассимиляцию, что противоречило идеям как т. н. интернационализма, так и возрождающегося великодержавного русского национализма, которые стали активно насаждаться в СССР со второй половины 1930-х гг.

Идиш состоит из большого числа диалектов, основными из которых являются *северо-восточный* (литовский диалект: Прибалтика, Белоруссия, Смоленская и Брянская области России, восток Украины); *юго-восточный* (украинский диалект: Волынь и Правобережная Украина, Молдавия, Буковина, южная часть Брестской области Белоруссии и Люблинское воеводство Польши) и *центральный* (центральная и западная Польша, Трансильвания, Галиция и Закарпатье, восток Венгрии и Словакии). К началу XX в. существовал т. н. «клар шпрах» — стандартизированный язык, фонетически близкий к северо-восточному диалекту Вильны. В Советском Союзе долгое время словосочетание «еврейский язык» обозначало именно идиш, тогда как иврит называли «древнееврейским», не признавая за ним статус живого разговорного языка.

К середине 1930-х годов, несмотря на все усилия *евсеков* - еврейских секций при ЦК ВКП(б), политика идишизации была свернута. Многие известные еврейские писатели и поэты стали жертвами волны сталинских репрессий, среди них и люди, наиболее преданные делу коммунизма. Однако с

началом войны с нацистской Германией культура идиш получила новое дыхание в отдаленных регионах страны, куда были эвакуированы тысячи евреев за тысячи километров от районов их компактного проживания. Государство в это время вынуждено было терпеть культуру идиш, чтобы объединить все силы в борьбе против общего врага. В этой связи сводить счеты с идишистами было несвоевременно. Одновременно культура идиш стала объединяющим фактором в борьбе с антисемитизмом, который советские власти понимали как проявление антисоветизма, а не национального унижения евреев.

В эвакуации идиш сыграл консолидирующую роль для многих евреев, как советских граждан, так и евреев из стран Балтии, районов т. н. Западной Украины и Западной Белоруссии и из Бессарабии, аннексированных в 1940 г., к которым присоединились еще и тысячи евреев из Польши, бежавших в СССР в 1939–1941 гг. Для них идиш оказался единственной возможностью быть услышанными и понятыми властями и соседями. В этой связи идиш исполнял одновременно несколько функций. Для одних он был инструментом общения, для других - способом определить «своих», для третьих – возможностью укрепления еврейского самосознания, ощущения общности судьбы и надежды национального возрождения после окончания войны.

Большим успехом пользовалась газета “Эйникайт” (*идиш* – «единство»), печатный орган Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), начавшая выходить в 1942 г. в Куйбышеве. Ответственным редактором газеты был назначен Шахно Эпштейн, а членами редколлегии стали известные еврейские писатели и поэты: Давид Бергельсон, Иехезкель Добрушин, Самуил Галкин, Лев Стронгин, Ицик Фефер, Лейб Квитко, Арон Кушниров и знаменитый артист и режиссер Соломон Михоэлс. “Эйникайт” распространялась в СССР и за рубежом и была призвана создавать облик борющегося советского еврейства,

верного Коммунистической партии и идеям социализма (тираж 10 тыс. экз.).

Еврейская литература в годы войны в целом носила оптимистический характер. Типографии на идиш, которые удалось эвакуировать, продолжили свою работу в тылу. Издательство «Дер Эмес» только за первые три месяца войны выпустило книги 35 наименований общим тиражом 400 тыс. экз. Давид Бергельсон закончил памфлеты «Евреи в Отечественной войне» и «Евреи в борьбе против гитлеризма». Перец Маркиш издал сборник стихотворений «Смерть каннибалам», Лейб Квитко – «Огонь по врагу». Авторами стихотворений, рассказов и статей, вошедших в сборник «Битва за твою Родину», стали Иехесель Добрушин, Шахно Эпштейн, Меер Винер, Арон Кушников, Арон Гурштейн, Шмуэль Годинер, Исаак Нусинов, Бер Оршанский. Особый интерес представляет сборник рассказов выживших жертв нацистского террора в оккупированной Польше «Кровь зовет к отмщению», составленный Л. Квитко под редакцией Ш. Эпштейна. Холокост оказал сильнейшее воздействие на писателей-идишистов.

Советское государство не открывало в тылу новые школы на идиш, упраздненные в 1938 г. по всей стране, культурно-просветительские или научные учреждения, но разрешило работу ГОСЕТов (советских государственных еврейских театров), которые были эвакуированы во Фрунзе, Новосибирск (Белорусский ГОСЕТ) и Ташкент (Московский ГОСЕТ), где часть была реорганизована и их количество сократилось. После войны большинство еврейских театров не были восстановлены, а помещения передавались другим учреждениям. Так, в ГОСЕТ Латвии разместился университет марксизма-ленинизма. Во время войны национальные тенденции в репертуаре еврейских театров усилились за счет пьес, посвященных борьбе с нацизмом. Например, «Ойг фар ойг» («Око за око») П. Маркиша (1942 г.), «Некоме» («Мечь»)

И. Левина (1943 г.); «Фрейлехс» З. Шнеера (1945 г.) и др. Все это привлекало многочисленных зрителей, число которых значительно возросло. Среди посетителей еврейских театров было немало евреев, оторвавшихся от национальных корней, однако трагедия Холокоста вызывала у них ощущение общей судьбы.

Часть эвакуированных евреев использовала идиш для переписки со своими родными в Красной армии. Это редкие документы эпохи, которые способны дополнить общую картину истории Второй мировой войны. С помощью идиш люди старались лучше выразить свои чувства, переживания, эмоции и мысли. Письма на идиш играли роль своеобразного барьера, который защищал еврейство от вмешательства постороннего мира, русификации, национального обезличивания и ассимиляции евреев, которые в результате Холокоста утратили свою национальную среду и места компактного проживания.

Молодежь, выросшая при советской власти, знала письменный идиш гораздо хуже. Отрыв от заведенного веками уклада жизни, воинствующая атеистическая пропаганда, интернациональное воспитание, необходимость общения со сверстниками других национальностей заставляли отдавать предпочтение русскому языку. Тем не менее, предвоенное поколение еще хорошо владело устным и письменным идиш, как языком общения в семье (особенно с бабушками и дедушками). Еврейские школы продолжали действовать на территории Западной Беларуси и Западной Украины, Прибалтики и Молдавии, присоединенных к Советскому Союзу, вплоть до лета 1941 г.

Другим объяснением появления писем на идиш оставалось желание затруднить вмешательство цензуры, хотя в действительности письма на идиш перлюстрировались так же внимательно, как и на русском языке. Среди военных цензоров было достаточно сотрудников со знанием идиш,

специально подобранных с этой целью. Главным образом это были вчерашние школьницы, выпускницы советских еврейских учебных заведений, подавших заявления о добровольном призыве в Красную Армию, надеявшихся попасть на фронт, но вместо этого направленных в цензуру.

Как правило, письма на идиш посылались только в закрытом виде. Почтовые открытки с текстовой частью, заполненные на идиш, имевшие хождение в Советском Союзе до лета 1941 г. и считавшиеся нормой, полностью исчезли из обращения. Если конверта не находилось, то лист письма складывали “треугольником”. Адрес подписывали по-русски, тогда как содержание письма было на идиш. При этом никаких официальных запретов в СССР использовать идиш в переписке не существовало. Большинство евреев, пользуясь услугами почты, предпочли не искушать свою судьбу. Они опасались, что конверт или почтовая открытка на идиш могут вызвать ненужное подозрение или станут предметом антисемитской выходки, когда письмо, если оно не заказное, просто выбросят.

По форме написания все письма на идиш можно условно разделить на три основные категории: (1) весь текст письма был составлен на идиш, (2) часть письма составлена на идиш, тогда, как основная - на русском, (3) письмо на русском языке с вкраплением отдельных слов, фраз или предложений, написанных на идиш в русской или идишской транскрипции. В письмах приводились еврейские пословицы, поговорки, присказки, которые должны были подчеркнуть значение той или иной мысли, на которую автор хотел обратить внимание.

Основные вопросы, поднимавшиеся в переписке на идиш, мало чем отличались от их русской версии. Авторы писем выражали беспокойство состоянием здоровья, искали родных, рассказывали про трудоустройство и борьбу за выживание в тылу, призыв в Красную Армию молодого поколения, воспитание детей и др.

Евреи предпочитали идиш, когда нужно было сообщить новости доверительного характера, указать местонахождение корреспондента, его воинскую специальность, род деятельности, состояние здоровья, материальное обеспечение, продовольственное снабжение, моральный климат по месту службы, отношения с товарищами и т. д. Вместе с тем большинство евреев не решались открыто сообщать о своих национальных переживаниях, делая это только намеком. В переписке на идиш было меньше урапатриотических призывов для посторонних глаз и ушей, но намного больше деталей и подробностей повседневных забот.

Письма на идиш не носили характер протеста против политики советской власти, но одновременно служили свидетельством настойчивого стремления евреев сохранить свою идентичность и уважение к народным традициям. Они составляли абсолютное меньшинство в общем потоке личной переписки между фронтом и тылом, **который евреи поддерживали** в своей среде, а не только со своими «русскими» друзьями, соседями, сослуживцами и коллегами. Малочисленность писем на идиш, прошедших полевой почтой, явилась красноречивым подтверждением того, что культуре идиш еще до войны был нанесен тяжелый урон, который был многократно усилен политикой нацистского геноцида, а после войны – гонениями на еврейскую культуру в результате политики советского государственного антисемитизма.

Письма на идиш позволяли убедиться в том, что евреи всегда помнили о своей национальной принадлежности даже вопреки их желанию, когда они пытались это скрыть, помогали противостоять еврейской разобщенности, найти то общее, что их связывало. Послевоенное поколение евреев окончательно утратило интерес к идиш, как к “бесперспективному” языку в советских условиях. Нельзя было купить еврейскую книгу, выписать газету на идиш, вслух обсуждать судьбу евреев в СССР. Вслед за письменным идиш

исчезал и устный, а людей, способных читать и писать на этом языке становилось все меньше. Отказ молодого поколения после войны от идиш означал ослабление этой связи с наследием прошлого и усиление ассимиляции. Борьба с еврейской религией и инакомыслием завершили это неравное противостояние языка идиш с государством.

Библиография

1. Leonid Smilovitsky. "Correspondence in Yiddish between personnel in Red Army and their relatives during Soviet German war, 1941-1945" // *Studia Zydowski Almanach* (Jewish Studies. Almanac). R. V (2015). Nr. 5, s. 133-143.
2. Леонид Смиловицкий. «Издание религиозной еврейской литературы в Советском Союзе, 1921–1961 гг.» // *Беларусь у XX стагоддзі*. Вып. 2, Минск 2003 г., с. 301–309.
3. Леонид Смиловицкий. «Школа на идиш в первые десятилетия советской власти в Белоруссии, 1921–1941 гг.» // *Новая еврейская школа* (Санкт-Петербург), № 11, 2002 г. с. 171–212.
4. Леонид Смиловицкий. «Эвакуация как тень Холокоста». Рецензия на книгу: Альберт Каганович. "Ташкентский фронт": Еврейские беженцы в советском тылу. Москва, 2023 // *Ab Imperio*, 3/2023, с. 28–31.
5. Gennady Estraikh, Harriet Murav. *Soviet Jews and World War II: Fighting, Witnessing, Remembering*. Academy Studies Press. New York University, 2014.
6. *To Pour Out My Bitter Soul. Letters of Jews from the USSR 1941–1945* / Edited by Arkadi Zeltser. Yad Vashem, Jerusalem, 2016.

Леонид Смиловицкий

Резэвакуация населения

По мере освобождения захваченных фашистами территорий СССР и окончания войны подавляющее большинство эвакуантов вернулось на прежние места жительства. Для обозначения перемещения ранее эвакуированных людей на места прежнего жительства принято употреблять термин резэвакуация.

Хронологические рамки

Резэвакуация началась уже в декабре 1941 г. после разгрома фашистских войск под Москвой. Географически именно Москва стала первым населенным пунктом, куда началась резэвакуация населения.

Летом 1942 г. резэвакуация населения была приостановлена в связи с рядом поражений Красной Армии и новой волной эвакуации. Возвращение людей на прежние места жительства вновь возобновилось зимой 1942–1943 гг. Начало массовой резэвакуации связано с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» (21 августа 1943 г.). Резэвакуация продолжалась практически до 1948 г.

Этапы резэвакуационного процесса:

1. С декабря 1941 г. по осень 1943 г. – резэвакуация носила персональный характер, порядок ее не был разработан, проходила она параллельно с продолжающейся эвакуацией.
2. С зимы 1943–1944 гг. по май 1945 г. – резэвакуация носила организованный и массовый характер, но проводилась в

условиях войны; порядок ее был регламентирован правительственными распоряжениями.

3. С мая 1945 г. по лето 1946 г. – массовая реэвакуация продолжалась в мирной обстановке, ее организацией занимались переселенческие управления.
4. С лета 1946 г. по 1948 г. – разрешено свободное передвижение по железным дорогам, в результате чего реэвакуация приняла преимущественно индивидуальный самостоятельный характер. В конечном счете эваконаселение было снято с учета и как отдельная категория перестало существовать.

Динамика реэвакуации на примере РСФСР (данные, учтенные Переселенческим Управлением при СНК РСФСР)

за 1943 г. было реэвакуировано около 1 млн человек,

за 1944 г. – более 2 млн человек,

за 1945 г. – более 1 млн 200 тыс. человек,

за 1946 г. – 441 729 человек,

за 1947 г. – 131 781 человек.

Управление реэвакуационными процессами находилось в ведении Совнаркома СССР (Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения, после его расформирования с 14 августа 1945 г. эти обязанности перешли в ведение Главного переселенческого управления). В феврале 1943 г. был создан Отдел по реэвакуации материальных ресурсов и населения, входивший в Управление по восстановлению хозяйства в освобожденных районах. Кроме того, активное участие в реэвакуационных мероприятиях принимали наркоматы (через Уполномоченных они осуществляли отзыв специалистов, спецкомиссии с отделами по реэвакуации).

Условия реэвакуации

- В отличие от эвакуации, когда люди вывозились из-под обстрелов и бомбежек в спешном порядке, реэвакуация проводилась постепенно, по мере освобождения территории от врага. Поэтому, естественно, степень организованности была гораздо выше. Кроме того, государственными и местными органами уже был приобретен колоссальный опыт перемещения людей в экстремальных условиях.

- Реэвакуационные потоки были лимитированы наличием подвижного состава на железнодорожном транспорте. За годы войны парк пассажирских вагонов сократился на 40 %. Имеющиеся вагоны были плохо обеспечены необходимым для перевозки людей инвентарем.

- На освобожденных территориях разрушена социальная инфраструктура (в первую очередь жилищно-коммунальная). СССР за годы войны потерял 30 % национального богатства, 66 % промышленного производства подверглись разрушению или остановке. В эти разрушенные города и села возвращались по реэвакуации люди. По данным на октябрь 1945 г., из 77 вокзалов 58 было разрушено, 52 из них не восстановлено.

- Необходимость сохранить темпы промышленного производства требовала сохранения квалифицированных трудовых ресурсов на Урале и в Сибири. В то же время, стояла задача быстрее восстановления освобожденных от оккупации районов, поскольку эта территория в 1944-1945гг. служила тылом Красной Армии. Возникла противоречивая ситуация: восточные регионы старались сохранить, а западные регионы вернуть рабочую силу и в особенности высококвалифицированных работников. Такая несогласованность действий партийных и государственных

органов между тыловыми и освобожденными территориями оборачивалась серьезными проблемами для эвакуированных людей. Ряд запретительных мер по реэвакуации, введенных для работников оборонных предприятий, привел в 1945-46гг. к протестным практикам (жалобы, невыходы на работу, дезертирство) на ряде заводов Урала и Сибири.

- Для еврейского населения возвращение на родину было сопряжено с дополнительными трудностями морального порядка. Ведь большинство евреев возвращались фактически на кладбища и не находили в живых никого из родственников. Кроме того, послевоенные годы на Украине и в Белоруссии характеризовались всплеском антисемитизма.

Государство осуществляло контроль за передвижением граждан (система пропусков на транспорте, снятие с учета в местах эвакуации, партучет). Люди, подлежавшие реэвакуации, по увольнении с работы получали в городских или районных отделах милиции пропуски на выезд. Многочисленные законодательные ограничения вводились на въезд либо отдельных категорий эвакуированных, либо в некоторые города или области. Такими категориями стали, прежде всего, работники промышленных предприятий оборонного значения. Территориальные ограничения касались Москвы и Ленинграда, а также, в связи с большим разрушением жилого фонда, таких городов, как Киев и Харьков.

Имели место попытки самовольной стихийной реэвакуации (на крышах поездов, под лавками вагонов, в корзинах, багажных отделениях и даже «в топках вагонов»). Для борьбы с нарушителями установленного порядка на станциях были

образованы специальные опергруппы и заслоны из сотрудников железнодорожной милиции.

Периодическая печать и кинематограф, пропагандируя идею возрождения разоренных войной земель, призывали эвакуированных к возвращению на «малую родину». У людей, находящихся в эвакуации, это порождало иллюзии о том, что по возвращении «домой» их ждут лучшие условия жизни.

Реальная обстановка была гораздо сложнее. В связи с отправкой граждан к местам прежнего жительства происходило их скопление на железнодорожных станциях, нехватка продовольствия приводила к неполному отовариванию рейсовых карточек, и все вместе – к росту заболеваний. Пассажирские поезда отправлялись сильно перегруженными, люди ехали на крышах, подножках, а также на товарных поездах. При проходе поездов под мостами и путеводами происходили случаи увечий и гибели пассажиров. Вследствие большого скопления пассажиров на станциях и затруднений в приобретении билетов, имелись случаи спекуляции билетами и взяточничества. Основным транспортом передвижения оставались железные дороги, многое зависело от человечности и честности комендантов, начальников эшелонов, эвакуопунктов, местных переселенческих управлений.

Существовало несколько *потоков миграции*, в русле которых проходила реэвакуация.

1. Реэвакуация специалистов по вызовам наркоматов, предприятий, центральных правительственных и партийных органов.
2. Реэвакуация рабочих со своими промышленными предприятиями и служащих с учреждениями.

3. Персональная реэвакуация носила единичный характер и осуществлялась, в основном в 1943 – начале 1944 гг. Распространялась такая форма реэвакуации на больных и престарелых эвакуированных, иногда на представителей столичной интеллигенции.
4. Реэвакуация детских учреждений или детей из них по вызовам родственников
5. Возвращение на прежнее место жительства в составе мобилизованных или переселенцев.
6. Реэвакуация бывших эвакуированных в составе командированных в помощь освобожденным районам.
7. Самый массовый поток – плановая организованная реэвакуация населения. В основном, она производилась во исполнение специальных распоряжений правительства.

Реэвакуационный механизм

Основанием для реэвакуации служили постановления ГКО, распоряжения СНК СССР, вызов какого-либо наркомата (министерства), а также (иногда и не для всех) вызов родственниками. Местные власти (а занимались этим в основном исполкомы советов), получив соответствующие документы, составляли списки людей, подлежащих реэвакуации. Правительство СССР давало необходимые распоряжения наркоматам (министерствам) торговли, здравоохранения, путей сообщения, финансов и т. д.

С реэвакуируемыми из сельской местности расчет за трудодни должен был производиться из 15 % фонда на внутрикolkхозные

нужды по уровню предыдущего года с учетом видов на урожай. Нередко подобный расчет с отъезжавшими не осуществлялся¹. Резвакуируемые, имевшие урожай с личных огородов, могли сдать на заготпункты до 2 ц зерна, 4 ц овощей для последующей выдачи им равноценного количества продуктов в местах прибытия.

Пайками и рейсовыми карточками отъезжавших обеспечивали органы Наркомторга. Паек должен был выдаваться на 12 дней из расчета: хлеб – 500 г в день, остальные продукты – по нормам, установленным для рабочих промышленности. Председатели райисполкомов несли ответственность за доставку людей и их имущества к железнодорожным станциям. Перед погрузкой в вагоны должна была производиться санитарная обработка. Хотя порядок реэвакуации был строго регламентирован, фактически все эти правила часто не выполнялись.

Все перевозки по железнодорожным и водным путям сообщения, связанные с организованной реэвакуацией людей, должны были осуществляться в централизованном порядке Переселенческим Управлением через Наркомат (Министерство) путей сообщения и морского флота, с включением их соответственно по каждому месяцу в государственный план перевозок.

Проблемы по возвращении

Вернувшихся на прежнее место жительства из эвакуации людей не всегда встречали доброжелательно. Были случаи неприязненного отношения и обвинений в «бегстве».

Многие реэвакуанты столкнулись с жилищной проблемой. Часто их дома и квартиры либо были разрушены либо заняты новыми жильцами. Чтобы придать потере прав на жильё вернувшимся из эвакуации видимость законности, власти ссылались на

постановление СНК СССР «Об освобождении жилой площади местных советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на восток» (16 февраля 1942 г.). Изъятое жилье поступало в распоряжение местных советов. Оставшееся в квартирах имущество могло быть передано оставшимся в городе родственникам, знакомым; или поступало в продажу в комиссионные магазины; или доставлено хозяевам по месту нового жительства. Постановление не распространялось на частный жилой сектор. В нём, в частности, содержался пункт о необходимости регулярного внесения квартплаты, как условия сохранения права на жилплощадь. Это касалось, прежде всего, столичных городов Москвы и Ленинграда. Большинство эвакуированных не знали об этом документе, не имели средств для покрытия таких расходов, не имели физической возможности произвести такую оплату, проживая в маленьких деревеньках, находящихся за тысячи километров от прежнего местожительства. Поиски оставленного имущества в большинстве случаев не увенчивались успехом. Квартиры обворовывались мародёрами, соседями или управдомом. Иногда оставшиеся в доме соседи сжигали книги и мебель уехавших вместо дров, чтобы не замёрзнуть и выжить самим. Часто имущество пропадало под бомбёжками или уничтожалось оккупантами.

Библиография

1. Карпенко И. А. Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943–1946 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2006. № 4. С. 177–181.

2. Потемкина М. Н. Реевакуация населения Урала в 1944–1948 гг. Радости и горести возвращения домой // *Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950): сборник*. Москва, 2010. С. 83–93.
3. Потемкина М. Н. Реевакуация населения СССР в 1943–1947 гг.: социальный и психологический аспекты// *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2017. № 1 (250). С. 142–147.
4. Снегирёва Л. И., Сафонова Т. А. Реевакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 годы)// *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2004. № 4 (41). С. 22–30.

Марина Потемкина

Долгий путь домой

Большинство эвакуированных рассматривали своё пребывание в советском тылу как временное и стремились вернуться домой. На общие настроения накладывали отпечаток оставленное жильё и имущество, тяжёлые материально-бытовые условия жизни в эвакуации, стремление воссоединиться с родными и близкими, разбросанными войной по разным уголкам страны. Малая родина, которую они вынуждены были покинуть, манила к себе не столько ностальгией воспоминаний, сколько как олицетворение мирного времени, когда все еще были живы, горечь утраты не познана, родной очаг не разрушен.

Другим фактором, который подстегивал реэвакуацию, были тяжелые климатические условия и неустроенный быт, к которым многие эвакуированные так и не смогли приспособиться. Резко континентальный климат (экстремально высокая температура летом и чрезвычайно низкая зимой, завышенная влажность), недостаток воды, засуха или наводнения, местные болезни.

Советское руководство, в ходе реэвакуации думало, прежде всего, о восстановлении нарушенных войной производительных сил, а не о судьбах людей. Первые попытки реэвакуации были сделаны в конце декабря 1941 г. в связи с успешным контрнаступлением Красной Армии под Москвой. Но уже весной и летом 1942 г. ее приостановили из-за новых поражений советских войск. В связи с этим реэвакуация имела ограниченный характер и охватила частично только Московскую, Тульскую, Калининскую области.

Второй этап реэвакуации (январь 1943 – май 1945 г.) начался после освобождения Красной Армией в ходе зимнего наступления под Сталинградом. При Госплане СССР было образовано Управление по восстановлению хозяйства в освобожденных районах, в составе которого действовал Отдел по реэвакуации материальных ресурсов и населения. За 1943 г. было реэвакуировано около 1 млн. чел., за 1944 г. – более 2 млн. чел., за 1945 г. – более 1 млн. 200 тыс. чел.,

Третий этап реэвакуации пришелся на вторую половину сороковых годов. За 1946 г. – 441 тыс. 729 чел., за 1947 г. – 131 тыс. 781 чел.

Власти пытались максимально контролировать миграционные процессы, учитывать пропускную способность железных и шоссейных дорог, состояние социальной инфраструктуры, потребность в рабочей силе и др.

Основанием для реэвакуации служили постановления ГКО, распоряжения СНК СССР, вызов наркомата (министерства) или ходатайства родственников. Исполкомы советов составляли списки людей, подлежащих реэвакуации и получали бюджет для реэвакуации, обеспечивали продовольственное, санитарно-медицинское обслуживание людей в пути следования. После отмены пропускного режима летом 1946 г. поток реэвакуированных возрос почти в два раза и превысил уровень 1941 г. Перевозки другими видами транспорта, кроме железной дороги, учитывая огромные расстояния и плохое качество путей сообщения, не носили масштабного характера.

За годы войны и сразу после ее окончания сложились следующие формы реэвакуации гражданского населения и

демобилизованных военнослужащих к местам их довоенного жительства. Первая включала в себя: (1) реэвакуацию сотрудников государственных ведомств, учреждений науки и культуры, (2) по профессиональному признаку (специалисты народного хозяйства по персональному вызову), (3) целенаправленную реэвакуацию жителей конкретного региона страны, (4) реэвакуацию в форме помощи освобождённым районам (откомандирование), (5) учебных заведений, школ и детских домов и интернатов для недееспособных граждан, (6) вызов родственников.

Сотни тысяч эвакуированных граждан встали перед вопросом, как получить разрешение для реэвакуации. Для людей, эвакуированных в сельскую местность и не связанных с оборонным производством, отсутствовали строгие правила выезда за пределы области. Иначе обстояло дело с рабочими, сотрудниками и специалистами заводов, имевших оборонное значение. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. запрещал самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности и обслуживающих ее отраслей. В течение 1942 г. действие Указа было распространено на большое число рабочих невоенной промышленности. Теперь по приговору Военного трибунала лица, ушедшие с предприятия, официально считались дезертирами производства и могли получить срок тюремного заключения от 5 до 8 лет.

Для возвращения в родные места нужен был пропуск, который выдавался органами милиции только при наличии вызова. На вызов могли рассчитывать люди, на которых поступил запрос государственной организации, ведомства или производства. Основанием для этого могли служить

399

довоенная прописка по месту жительства, запрос руководителей предприятия или учреждения, родственные связи для воссоединения семьи и некоторые др. Но формальное подтверждение о довоенной работе заявителя не служило гарантией получения вызова. Требовалось ходатайство потенциального работодателя и подтверждение, насколько заявитель был востребован по месту предполагаемой работы. Руководители на местах получали возможность избавляться от негодных сотрудников, игнорируя их просьбы об отправке вызова, или не желая, чтобы бывшие эвакуированные потребовали обратно довоенное жилье. Подобная практика была незаконной, но получила широкое распространение. Это вызывало раздражение у эвакуированных, которые верили, что возвращение домой являлось их неотъемлемым правом.

Однако получение вызова и оформление пропуска вовсе не означало немедленный отъезд. Назначалась дата отправки эшелона, из отдаленных уголков прибывали люди, которые жили в десятках километров от места сбора. Уточнялись персональные списки, заготавливали топливо и продукты питания, формировали бригаду проводников, отряд милиции и медработников.

Дорога домой была сопряжена с немалыми трудностями. Нужно было скопить деньги, запастись продуктами, найти место в эшелоне, позаботиться о багаже, не заболеть в пути, не отстать от эшелона и многое другое. Свои вещи необходимо было тщательно оберегать от потери или воровства. Люди преодолевали огромные расстояния, на что уходили недели, а то и месяцы, испытывали недоедание, холод, неудобства (отсутствие нормального освещения, шум

и недостаток свежего воздуха). Поскольку количество желающих уехать превышало возможности подвижного состава железных дорог, возникали затруднения в приобретении билетов, имелись случаи спекуляции и взяточничества. Пассажирские поезда были переполнены. Многие ехали на крышах и подножках вагонов, что при движении приводило к травматизму и гибели пассажиров.

Относительно организованно возвращались рабочие и служащие со своими предприятиями, учреждениями и ведомствами. Реэвакуированным выплачивалось единовременное денежное пособие 1200 руб., возмещалась стоимость проезда, провоз багажа до 100 кг и суточные командировочные расходы по 25 руб. за время в пути. После трех месяцев работы на освобожденной земле работники предприятия могли перевезти свои семьи. При этом реэвакуация членов семей номенклатурных партийных и государственных работников производилась в более комфортных условиях.

Реэвакуация предполагала возврат имущества и жилья. Это был дополнительный мотив, который заставлял многих торопиться с отъездом. Освобожденные районы сильно пострадали от оккупации, сохранившаяся недвижимость выросла в цене. Реэвакуированные рассчитывали на защиту своих прав со стороны государства, которое обещало им поддержку. Однако местные жители неохотно возвращали евреям их собственность. Белорусы, украинцы, русские, литовцы, латыши или эстонцы не желали уступать, и жаловались на «необоснованные» претензии евреев. Они называли евреев, «сбежавшими от войны», «отсидевшимися в тылу», тогда как сами испили горькую чашу оккупации.

Жилье часто становилось предметом конфликта. Квартиры и дома реэвакуированных пострадали от военных действий, обворовывались мародёрами или соседями. Иногда оставшиеся жильцы вместо дров сжигали книги и мебель.

В мае 1944 г. руководство ЕАК СССР в Москве подготовило письмо на имя заместителя председателя СНК СССР В. М. Молотова. В нем говорилось, что оставшиеся на местах пособники Гитлера, принимавшие участие в убийствах и грабежах советских людей, боятся живых свидетелей и препятствуют возвращению евреев в их родные места. Обращения в суд осложнялись отсутствием свидетелей, утратой документов. Власти чинили препятствия реэвакуированным, не всегда отвечали на запросы, искажали запрашиваемые сведения, или даже допускали подлог, чтобы не возвращать евреям довоенную собственность. Были известны случаи, когда в суды направлялись лжесвидетели. Часто домовладение оспаривалось на том основании, что оно было национализировано после революции. Одни реэвакуированные в результате переговоров с новыми жильцами приходили к компромиссу, другие допускали грубую физическую силу, а третьи передавали дело в суд. Часть евреев, бывших партизан и фронтовиков, не надеясь на помощь властей, возвращали жилплощадь силой оружия, по праву победителей. Другие — использовали служебное положение.

В ходе реэвакуации советских граждан отсутствовала государственная программа адаптации к мирной жизни, а мероприятия властей по оказанию помощи евреям, как жертв нацистского геноцида носили разовый характер. Решения большинства насущных вопросов были отданы на откуп

местной администрации. Только немногие евреи смогли отстоять свои права и поселиться в принадлежавших им домах. В результате многие из них переехали в районные центры и большие города, где можно было скорее получить жилье, устроиться на работу или поступить на учебу. Последствия этого шага страна еще долго продолжала чувствовать после окончания войны.

Общим итогом реэвакуации стало исчезновение мест компактного проживания евреев, существовавших до войны. Евреи, вернувшиеся с фронта и эвакуации, представляли теперь абсолютное меньшинство там, где раньше долгие годы жили их родители и деды. Убитых и расстрелянных евреев заменили выходцы из сельской местности и переселенцы из разных областей страны, не связанные с генетической памятью мест, где им предстояло жить и работать.

Литература

1. Леонид Смиловицкий. *Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.* Тель-Авив, 2000 г.
2. Леонид Смиловицкий. *Евреи в Беларуси до и после Холокоста.* Иерусалим 5781/2020 г.
3. Leonid Smilovitsky, "Struggle of Belorussian Jews for the Restitution of Possessions and Housing in the First Post War Decade" // *East European Jewish Affairs*, 2000, vol. 30, no 2, pp. 59-67.
4. Альберт Каганович. *«Ташкентский фронт». Еврейские беженцы в советском тылу.* Москва-Иерусалим, 2023 г.

Возврат имущества и жилищ

Резэвакуация предполагала возврат имущества и жилья. Это был дополнительный мотив, который заставлял многих евреев торопиться с отъездом. Иметь крышу над головой, как и поиски работы, продовольственное снабжение, социальное и медицинское обслуживание становилось приоритетной целью. В тылу было известно, что освобожденные районы сильно пострадали от оккупации, сохранившаяся недвижимость выросла в цене, а претендентов на нее больше чем достаточно. Люди, собравшиеся в дорогу, надеялись на защиту своих имущественных прав со стороны государства, которое обещало поддержку семьям всех участников войны. Об этом можно было прочитать в периодической печати и слышать по радио. Эвакуированные апеллировали к постановлению СНК СССР от 5 августа 1941 г., которое закрепляло за военнослужащими и их семьями, находившуюся у них ранее жилую площадь. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» круг претендентов из членов семьи военнослужащих был расширен. К ним были причислены родители, а в их отсутствии - братья и сестры погибших и умерших воинов Красной Армии.

Перед отъездом из эвакуации важно было выяснить действительную картину в освобожденных районах, какой бы трагической она ни оказалась. Не обладая всей полнотой информации, люди списывались с бывшими соседями и сослуживцами, с теми, кто пережил оккупацию в годы войны, отправляли запросы в местные органы власти. Далеко не все эвакуированные доверяли сообщениям и публикациям подцензурных средств массовой информации, которые часто

носили пропагандистский характер. Вся вина за страдания и разрушения возлагалась на поверженную Германию и немецкий народ, которые должны были ответить за свои преступления и возместить потери. При этом не велось речи о тяжелейших ошибках и просчетах советского руководства, допустившего страдания миллионов людей, многомиллионные жертвы и гигантский материальный ущерб.

Возвращаясь в освобождённые районы, эвакуированные рассчитывали улучшить материальное положение и обрести душевный покой, но вместо этого часто встречали новые трудности. Местные жители называли евреев, «сбежавшими от войны», «отсидевшимися в тылу», тогда как они сами испили горькую чашу оккупации. Жилье часто становилось предметом конфликта. Квартиры и дома эвакуированных пострадали от военных действий, обворовывались мародёрами, соседями или управдомом. Иногда оставшиеся жильцы вместо дров сжигали книги и мебель.

Доказать право на домовладение мешало отсутствие необходимых документов, утраченных в годы войны. Одни дома и квартиры, принадлежавшие евреям, были разрушены, сгорели или были разграблены, а другие самовольно заняты соседями, учреждениями или представителями местной власти. В августе 1944 г. офицер Красной Армии Самуил Мельцер писал Илье Эренбургу, что он побывал в нескольких городах Белоруссии (Брестской, Барановичской и Белостокской областях) сразу после их освобождения от нацистов и встретил там ничтожное количество евреев. Мельцера возмущало, что евреи, даже опознав свои вещи, не могли получить их обратно.

Власти старались удержать часть жилого фонда евреев в пользу государства. Целый ряд квартир и домов евреев был занят руководящими работниками республиканских и областных организаций. Заведующий Особым сектором ЦК КП(б)Б Матузов проживал в квартире семьи Нодельштейн, заместитель Председателя СНК БССР Шавров - в доме семьи Гимельштейн, начальник отдела кадров СНК БССР Матвеев - в доме Картовенко, начальник Белглавнаба при СНК БССР Смирнов - в квартире Этус, заместитель Народного Комиссара внутренних дел республики Хоняк - в доме Троян, а заведующие промышленным отделом и отделом школ ЦК КП(б)Б Колышкин и Ломтев - в квартирах, принадлежавших евреям, но отремонтированных Управлением делами ЦК КП(б)Б.

Резвакуированные, оказавшиеся без крова, жаловались в различные инстанции, а когда это не давало результата, обращались в Москву. 13 декабря 1945 г. Уполномоченный Комитета Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) по Белоруссии Филимонов составил докладную записку «О фактах бездушного отношения к устройству демобилизованных воинов и семей военнослужащих со стороны ряда руководящих работников Белорусской ССР». В документе среди граждан, пострадавших от произвола чиновников, называлось более двух третей еврейских фамилий. В частности, указывалось, что постановление СНК БССР от 20 октября 1945 г. об освобождении жилой площади в домах, занятых под конторы учреждений и организаций, эффекта не дало. Были высвобождены всего 1938 кв. м, на которых в большой скученности разместили 58 семей демобилизованных воинов, 33 семьи инвалидов Великой Отечественной войны и 16 семей военнослужащих. Несмотря на грозные формулировки и требования наведения порядка, московские инстанции не

вынуждали своих белорусских коллег принимать невыгодные им решения. Докладную записку Филимонова положили “под сукно” по той причине, что её автор тоже проживал в бывшей еврейской квартире.

После окончания войны местные жители неохотно возвращали евреям их собственность. Обращения в суд осложнялись отсутствием свидетелей, утратой документов и другими объективными причинами. Власти чинили необоснованные препятствия наследникам евреев, погибших в гетто, на фронте или пропавших без вести.

Часть евреев, воевавших в партизанских отрядах и на фронте, не надеясь на помощь властей, возвращали жилплощадь силой оружия, по праву победителей. Другие — использовали служебное положение. В отдельных случаях местные органы власти допускали подлог, чтобы не возвращать довоенное жилье. Они не отвечали на запросы, искажали сведения, о которых запрашивали их бывшие земляки, и даже направляли заведомо ложные данные. Возврат евреям их собственности обычно носил затяжной характер.

Имел место и прямой произвол городских властей, чтобы сохранить занятые дома. Белорусы и русские, не желавшие уступать, жаловались на “необоснованные” претензии евреев. В 1951 г. Барановичский исполком передал на баланс городского жилищного управления более 600 домов расстрелянных евреев. Документация отчуждения содержала подробные сведения о местоположении строений, планы улиц с нумерацией домов, степень технической изношенности, оценочную стоимость и пр. Имена и фамилии бывших владельцев не уточнялись под предлогом, что они погибли и не могли претендовать на это жилье.

Вопрос о сохранении прав их наследников игнорировался. Отчужденные дома заселили по усмотрению местной администрации.

Во второй половине 1949 г. первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Николай Гусаров в связи с многочисленными жалобами, дал указание Прокуратуре республики проверить судебные решения и определения, связанные с установлением нарушения права граждан на личную собственность. В порядке надзора было изучено 935 гражданских дел этой категории и принесено 87 протестов. Большинство дел было решено не в пользу евреев. Прокуратура отмечала, что в связи с утратой документов по обстоятельствам военного времени, некоторые суды подходили к существу проблемы формально. Только в одном Минске в коммунальный фонд районных Советов после этого было отобрано 11 домов. Моисей Тейф обратился в суд с заявлением установить факт принадлежности дома его сестре Доре Левиной, погибшей в гетто. Народный суд 2-го участка Сталинского района Минска в октябре 1948 г. положительно решил этот вопрос. Однако по протесту Прокуратуры БССР данное постановление суда было отменено как необоснованное.

Людей, прилагавших усилия для объективного рассмотрения дел, советские власти на местах подвергали административному давлению и угрозам, увольняли и даже арестовывали. Некоторые евреи, чтобы узнать судьбу их близких, отказывались от претензий на принадлежавшее им имущество.

В мае 1944 г. руководство ЕАК в Москве подготовило письмо на имя заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова, в котором говорилось, что оставшиеся на местах пособники Гитлера, принимавшие участие в убийствах и грабежах советских людей,

боятся живых свидетелей и препятствуют возвращению евреев в их родные места. Такой вывод Комитет сделал на основе тысяч писем от евреев-красноармейцев, которые возмущались попустительством советских органов власти, не желавших видеть евреев из эвакуации. Семьи военнослужащих-евреев были вынуждены отвоевывали свои квартиры, в которых поселились те, кто остался при немцах. стремление бывших жильцов вернуть свои квартиры и отобрать разграбленную мебель. Это вызвало недовольство тех, которые захватили эти квартиры и присвоили еврейское имущество, а помощи было ждать не от кого. Антисемитские настроения нашли отражение в общественных местах, на рынках, на улицах. Евреев обвиняли в том, что они, якобы, вместо того, чтобы воевать спасались бегством. «Слово “Ташкент” стало ходячим, и зачастую хулиганствующий антисемит, встретив на улице еврея, участника войны, награжденного орденами и медалями, спрашивал: «Ты где купил эти награды? В Ташкенте?» «А по отношению к инвалидам Отечественной войны, что ... “это они попали в Ташкенте под трамвай” или что-нибудь подобное».

Таким образом, усилия евреев вернуть утраченное в годы войны имущество и жилища имели большое значение. От этого во многом зависело успешное восстановление мирной жизни, способность пережить последствия Холокоста и найти силы для созидательного труда. С другой стороны, евреи вместо сочувствия встретили скрытое неприятие или откровенное недовольство. Нацистская пропаганда успела подогреть антисемитские настроения. Государственная программа адаптации жертв нацистского геноцида к мирной жизни отсутствовала. Решения большинства насущных вопросов были отданы на откуп местной администрации, которая не всегда была заинтересована в

справедливом решении проблемы. В результате только немногие евреи смогли отстоять свои права и поселиться в принадлежавших им домах. Последствия этого шага страна еще долго продолжала чувствовать после окончания войны.

Библиография

1. Leonid Smilovitsky. "Struggle of Belorussian Jews for the Restitution of Possessions and Housing in the First Post War Decade" // *East European Jewish Affairs*. Vol. 30 (2). Winter 2000, pp. 53-70.
2. Leonid Smilovitsky. "Nazi Confiscation of Jewish Property in Belorussia". Review on: "Нацистское золото из Беларуси: документы и материалы. Минск, 1998 // *Jews in Eastern Europe*, No 1 (37), 1998, pp. 75–79.
3. Magdalena Waligórska and Ina Sorkina. "The second life of Jewish belongings – Jewish personal objects and their afterlives in the Polish and Belarusian post-Holocaust shtetls" // *Holocaust Studies*. Vol. 29, 2023. Issue 3, pp. 341-362.
4. *Сохранение памяти о Холокосте на постсоветском пространстве*. Сборник докладов международной научной конференции 21–22 ноября 2019 г. в Центре диаспоры им. Гольдштейна-Горена при Тель-Авивском университете. Тель-Авив, 2020 г.
5. Альберт Каганович. *«Ташкентский фронт». Еврейские беженцы в советском тылу*. Москва-Иерусалим, 2023 г.

Леонид Смиловицкий
